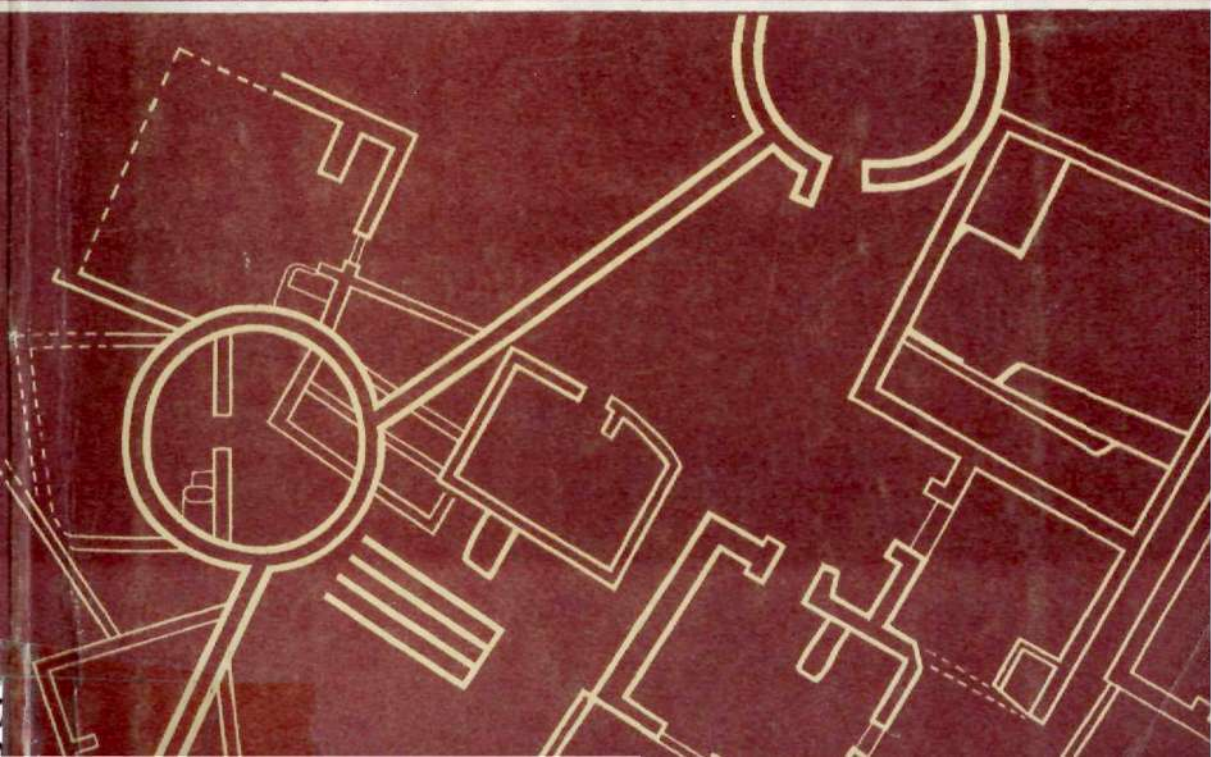

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

И. Н. ХЛОПИН

ГЕОКСЮРСКАЯ
ГРУППА
ПОСЕЛЕНИЙ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И. Н. ХЛОПИН

ГЕОКСЮРСКАЯ
ГРУППА
ПОСЕЛЕНИЙ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

*ОПЫТ
ИСТОРИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

Ответственный редактор

В. М. МАССОН

ВВЕДЕНИЕ

В 1886 г. начальник Закаспийской области генерал А. В. Комаров обратил свое внимание на высокий холм, расположенный в 12 км к востоку от Ашхабада, у сел. Анау. Он приказал перерезать его поперек широкой траншеей, рассчитывая раскопать богатое царское захоронение, подобное тем, которые были найдены в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, но его расчеты не оправдались. Вместо ожидаемых сокровищ из-под лопат производивших раскопки солдат появились черепки разбитых глиняных сосудов, покрытых странными красочными узорами, каменные орудия и кости скелетов. Сведения об этих раскопках были включены в общий обзор древностей Закаспийской области.¹

В 1903 г. Туркестанский край посетил Р. Пампелли, американский геолог, от Института Карнеги в Вашингтоне. Заехав на холмы у сел. Анау, он собрал небольшое количество черепков расписной посуды в обрезах траншеи А. В. Комарова.² На следующий год, испросив в Императорской Археологической комиссии Открытый лист, он приступил к раскопкам.³ Поскольку сам Р. Пампелли не был археологом, в экспедиции принял участие известный немецкий археолог Г. Шмидт; общее же наблюдение за работами иностранцев Археологическая комиссия поручила В. В. Бартольд, который в то время производил раскопки в Самарканде. Последний лично не мог присутствовать в Анау и функции наблюдателя были возложены на специального чиновника из Ашхабада. По условиям Открытого листа Р. Пампелли

¹ А. В. Комаров. Закаспийская область в археологическом отношении. «Туркестанские Ведомости», 1888, № 24—26.

² R. P e r c e l l y. Archeological and Phisico-Geographical Reconnaissance in Turkestan, Carnegie Institute of Washington, Publication, № 26, 1905, стр. 7—9.

³ Архив ЛОИА, ф. Археологической комиссии, 1904 г., д. № 24.

и Г. Шмидту было предоставлено лишь право издания матерпала, который должен был быть переслан в Археологическую комиссию для последующей передачи в один из музеев России.

Раскопки Р. Пампелли и Г. Шмидта не отличались тщательной методикой и большим объемом. В ходе работ на Северном холме Анау были зачищены обрезы трапешей А. В. Комарова, пробиты горизонтальные штольни и колодцы, заложены небольшие раскопы и шурфы на разных уровнях по склонам холма. Таким же раскопкам был подвергнут и Южный холм. Результаты работ были изданы в 1908 г. в двух томах с многочисленными рисунками, фотографиями и цветными таблицами.⁴ Такое издание принесло холмам у сел. Анау широкую известность, хотя, как мы можем судить в настоящее время, это было небольшое и бедное поселение древних земледельцев подгорной полосы Копет-Дага.

После раскопок Р. Пампелли бугры у сел. Анау в течение долгого времени оставались единственным известным памятником древних земледельцев на юге Средней Азии. Почти через 20 лет памятники этой культуры снова попали в поле зрения археологов. В 1926 г. инженер-ирригатор Д. Д. Букшич подробно обследовал наиболее крупное поселение площадью около 1 км² — Намазга-депе у Каахка, открытое им в 1916 г.⁵

Несколько позднее, в 1928 г., по поручению Средне-Азиатского комитета по охране памятников старины и искусства (Средазкомстарис) А. А. Семенов обследовал ряд древних поселений на территории Юго-Восточной Туркмении. В их числе были Намазга-депе у Каахка, Яссы- или Улуг-депе у Душака, Алтын-депе у Меапа и Илгынылы-депе у Чаача. Но поскольку А. А. Семенов основное внимание уделял мусульманским древностям, он только описал эти холмы без какой-либо исторической интерпретации.

С 1930 г. изучением культуры древних земледельцев Южной Туркмении занимается ашхабадский археолог А. А. Марущенко. За три десятилетия он открыл и поверхностно обследовал большинство из известных ныне памятников. Кроме того, он лично раскопал в 1930—1931 гг. верхний строительный горизонт холма Ак-депе под Ашхабадом, относящийся к эпохе бронзы. К сожалению, результаты его довоенных работ почти не опубликованы, не считая краткого и общего очерка развития культуры древних

⁴ Explorations in Turkestan. Ed. by R. Pumpelly. Washington, vol. 1—II, 1908.

⁵ Д. Д. Букшич. 1) История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 92—135; 2) Новое об Анау и Намазга-тепе. «Туркменоведение», 1929, № 5, стр. 32—36; 3) Neues über Anau und Namazga-tepe. ESA. 1930, t. V, стр. 15—21.

земледельцев, предложенного им в основном на сравнении подъемного матерпала различных поселений.⁶

Исследования древнеземледельческих поселений Южной Туркмении за последнее десятилетие проводились двумя организациями, на деятельности которых надо остановиться подробнее. Это Сектор археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР и Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) при Президиуме АН ТССР.

Сектор археологии начал интенсивную деятельность с 1952 г. Тогда его сотрудники заложили шурфы и траншеи на ряде памятников: Чопан-депе,⁷ Северный холм Анау,⁸ Яссы-депе у Каахка,⁹ Алтын-депе и Илгышлы-депе;¹⁰ они осуществили разведку горных районов северо-западного Копет-Дага¹¹ и возобновили раскопки Ак-депе у Ашхабада. Все эти работы отличались небольшими масштабами; небрежные публикации результатов этих работ содержали ряд неточностей и ошибок.

В 1947 г. ЮТАКЭ, которая еще не имела специального отряда для изучения поселений древних земледельцев, при обследовании маршрута Исидора Харакского из Нисы в Антиохию Маргянскую (Гяур-кала в Старом Мерве) были осмотрены многие поселения (в их числе бугры у сел. Анау, Намазга-депе и Улуг-депе у Душака) и изданы образцы керамических изделий, собранных на их поверхности.¹²

В 1949 г. в составе ЮТАКЭ был создан XIV отряд, который начал систематические исследования древнеземледельческих поселений. Первым объектом работ этого отряда стал Намазга-депе, наиболее крупный памятник первобытнообщинного строя на территории Южной Туркмении. На холме был заложен раскоп площадью в 500 м², и, кроме того, начат стратиграфический шурф, доведенный до глубины 6 м. Он прорезал слои времени Намазга V и IV. Эти раскопки были продолжены в 1950 г.¹³

Коренной перелом в изучении древнеземледельческих поселений наступил в 1952 г., когда XIV отряд ЮТАКЭ возглавил

⁶ А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. См. в кн.: Архитектурные памятники Туркмении. Ашхабад—М., 1939, стр. 101—103.

⁷ С. А. Ершов. Холм Чопан-тепе. ТИИАЭ АН ТССР, т. II, 1956, стр. 11—23.

⁸ С. А. Ершов. Северный холм Анау. ТИИАЭ АН ТССР, т. II, 1956, стр. 24—36.

⁹ С. А. Ершов. Яссы-тепе 2. ИАН ТССР, 1953, № 6, стр. 3—7.

¹⁰ А. Ф. Ганялин. Илгышлы-депе. ТИИАЭ АН ТССР, т. V, 1959, стр. 15—29.

¹¹ А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТССР, 1953, № 5, стр. 14—19.

¹² М. Е. Массов. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. ЮТАКЭ, т. II, 1955, стр. 11—20.

¹³ Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4, стр. 30—52.

Б. А. Куфтин.¹⁴ С присущей ему энергией этот исследователь сразу же охватил памятники различного времени. Им были заложены стратиграфические шурфы на Джейтупе, Кара-депе у Артыка, Сарманча-депе у Арман-Сагата и на Намазга-депе; произведены стационарные раскопки на Яссы-депе и на Намазга-депе. Всего им было обследовано около 20 древних поселений от Ашхабада на западе до Меана и Теджена на востоке.

Эти работы позволили Б. А. Куфтину выдвинуть ряд положений, причем некоторые из них не утратили своего значения и по сей день. Так, отнесение им слоев Намазга I—II к эпохе раннего металла (а не неолита) подтвердилось последующими раскопками; сложение патриархальных отношений в эпоху Намазга II также в целом не противоречит взглядам исследователей. Это же можно сказать и об увязке им слоев Намазга I—II с культурами Месопотамии.

Однако не все выводы Б. А. Куфтина выдержали испытание временем. Так, нельзя согласиться с его мнением, что уже в эпоху Намазга I «мы имеем дело с племенами. . . , умеющими, несомненно, пользоваться животной тягловой силой и строящими многокамерные родоплеменные дома-массивы».¹⁵ Как представляется в настоящее время, о применении тягловой силы скота можно говорить, и то предположительно, лишь со времени Намазга III; что же касается «многокамерных домов-массивов», то раскопки последних лет, как будет показано ниже, опровергают этот взгляд.

Основой и несомненной заслугой Б. А. Куфтина является создание новой периодизации «культур Анау», разработанной им на материале шурфов Намазга-депе. Она намного полнее периодизации Пампелли—Шмидта¹⁶ и на настоящем этапе изучения древнеземледельческих поселений в полной мере удовлетворяет исследователей. Однако дальнейшими раскопками было установлено, что стратиграфическая колонка Намазга-депе не может быть без оговорок применима ко всем памятникам Южной Туркмении. Она отражает только относительную хронологию, по облику культуры каждого этапа на других поселениях не всегда соответствует тому, что представлено в шурфах на Намазга-депе.

¹⁴ Б. А. Куфтин. 1) Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН СССР, 1954, № 1, стр. 22—29; 2) Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 260—290.

¹⁵ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г., стр. 28. — В. М. Масон полагает, что о применении тягловой силы животных можно говорить со времени Намазга II (ВДИ, 1957, № 1, стр. 42).

¹⁶ Подробнее о соотношении двух стратиграфических колонок см.: В. М. Масон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 294, 295, 309—314.

Несмотря на некоторые недостатки работ Б. А. Куфтина, «полученные результаты, даже в их первичном осмыслении, оказались исключительно плодотворны, дав ряд четких положений к истории человеческого общества на территории Южного Туркменистана поры патриархальнообщинного строя».¹⁷

Несчастный случай в 1953 г. прервал кипучую деятельность Б. А. Куфтина. Работы XIV отряда ЮТАКЭ (Кара-Кумского отряда ЛОИА АН СССР) были возобновлены лишь осенью 1955 г. (начальник отряда В. М. Массон, археологи В. И. Сарпаниди и И. Н. Хлопп). Уже в первом предварительном сообщении о раскопках В. М. Массоном была намечена многолетняя программа работ.¹⁸ В частности, указывалось, что основное внимание отряда направлено на исследование ранних памятников от неолита (Джейтун) до времени Намазга III (Кара-депе у Артыка); что полевые работы отряд планирует, исходя из следующего: во-первых, для установления более четкой стратиграфии предполагается закладка стратиграфических шурфов и раскопов, во-вторых, для выявления жилых комплексов, которые отражают картину социальной и хозяйственной жизни общества, предполагается вскрытие широких площадей планировки на разновременных поселениях.

В течение восьми полевых сезонов (1955—1962 гг.) поставленные задачи неизменно проводились в жизнь. Раскопками были охвачены следующие памятники (в хронологической последовательности).

1. Поселение Джейтун¹⁹ было вскрыто на площади до 2500 м².

2. На Дашлыджи-депе в Геокюрском оазисе (остальные поселения, кроме Кара-депе, находятся там же) были вскрыты полностью все три строительных горизонта²⁰ на площади до 500 м².

3. Ялангач-депе подверглось вскрытию на глубину двух строительных горизонтов с закладкой стратиграфического шурфа.²¹ Площадь вскрытой части поселения около 700 м².

4. На Муллали-депе был заложен шурф (1959 г.) и вскрыт верхний строительный горизонт на площади до 2000 м² (раскопки 1960 г.).

¹⁷ М. Е. М а с с о н. Б. А. Куфтин (пекролог). ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 92.

¹⁸ В. М. М а с с о н. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1, стр. 144.

¹⁹ Сводку работ на Джейтуне см.: В. М. М а с с о н. 1) Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 38—63; 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе. СА, 1962, № 3, стр. 157—160.

²⁰ И. Н. Х л о п п и н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 134—163.

²¹ Там же, стр. 149; см. также: И. Н. Х л о п п и н. Ялангач-депе — поселения эпохи энеолита. КСИА АН СССР, 1963, вып. 93, стр. 85—90.

5. На Акча-депе вскрыта часть верхнего строительного горизонта ²² на площади около 400 м².

6. На Айна-депе вскрыто поселение верхнего слоя, второго слоя и часть помещений третьего слоя на площади около 800 м² (раскопки 1961 г.).

7. На холме Геоксюр 7 вскрыто несколько комнат верхнего слоя на площади около 200 м² (раскопки 1961 г.).

8. На холме Геоксюр 9 вскрыто поселение верхнего слоя на площади до 900 м² (раскопки 1961 г.).

9. На холме Геоксюр 1 заложены два раскопа на площади более 1500 м² и стратиграфический шурф. ²³

10. На Чопг-депе ²⁴ заложен стратиграфический шурф и вскрыта часть планировки верхнего горизонта на площади около 500 м².

11. На холме Кара-депе у Артыка ²⁵ вскрыта значительная часть планировки верхнего слоя, заложен стратиграфический раскоп, углубленный до пятого строительного комплекса, и стратиграфический шурф, прорезавший всю толщу культурных наслоений памятника. Раскопанная площадь превышает 6000 м².

Кроме стационарных работ, силами отряда были произведены большие маршрутные разведки как в горных районах северо-западного Копет-Дага, так и на подгорной равнине. Они сопровождались сбором подъемного материала, осмотром памятников и обследованием ранее производившихся на поселениях раскопок; наряду с этим были открыты новые памятники (поселения Геоксюрского оазиса и Хапуз-депе). Из уже ранее известных поселений, осмотренных XIV отрядом, следует упомянуть бугры у Анау, Дашлы-депе, Тилькин-депе, Чочан-депе, Оводан-депе, Ак-депе, Намазга-депе, Алтын-депе, Монджуклы-депе, Илгынлы-депе и Серахское поселение.

Таким образом, в течение восьми лет раскопки производились на одиннадцати разновременных древнеземледельческих поселениях, причем вскрытая площадь превысила 15 000 м². В результате этих работ намечались пути для выяснения некоторых кардинальных вопросов истории древних земледельцев на

²² В. И. Сариянди. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, 1962, вып. 91, стр. 23—25.

²³ Сводку работ на Геоксюре за 1956—1960 гг. см.: В. И. Сариянди. 1) Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X; 2) Культурные здания поселений Анауской культуры. СА, 1962, № 1, стр. 49.

²⁴ К. А. Адыков и В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, 1960, № 2, стр. 59; В. И. Сариянди. Культурные здания поселений Анауской культуры, стр. 51.

²⁵ Сводку работ на Кара-депе за 1956—1957 гг. см.: В. М. Массон. 1) Кара-депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X; 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе, стр. 162—169.

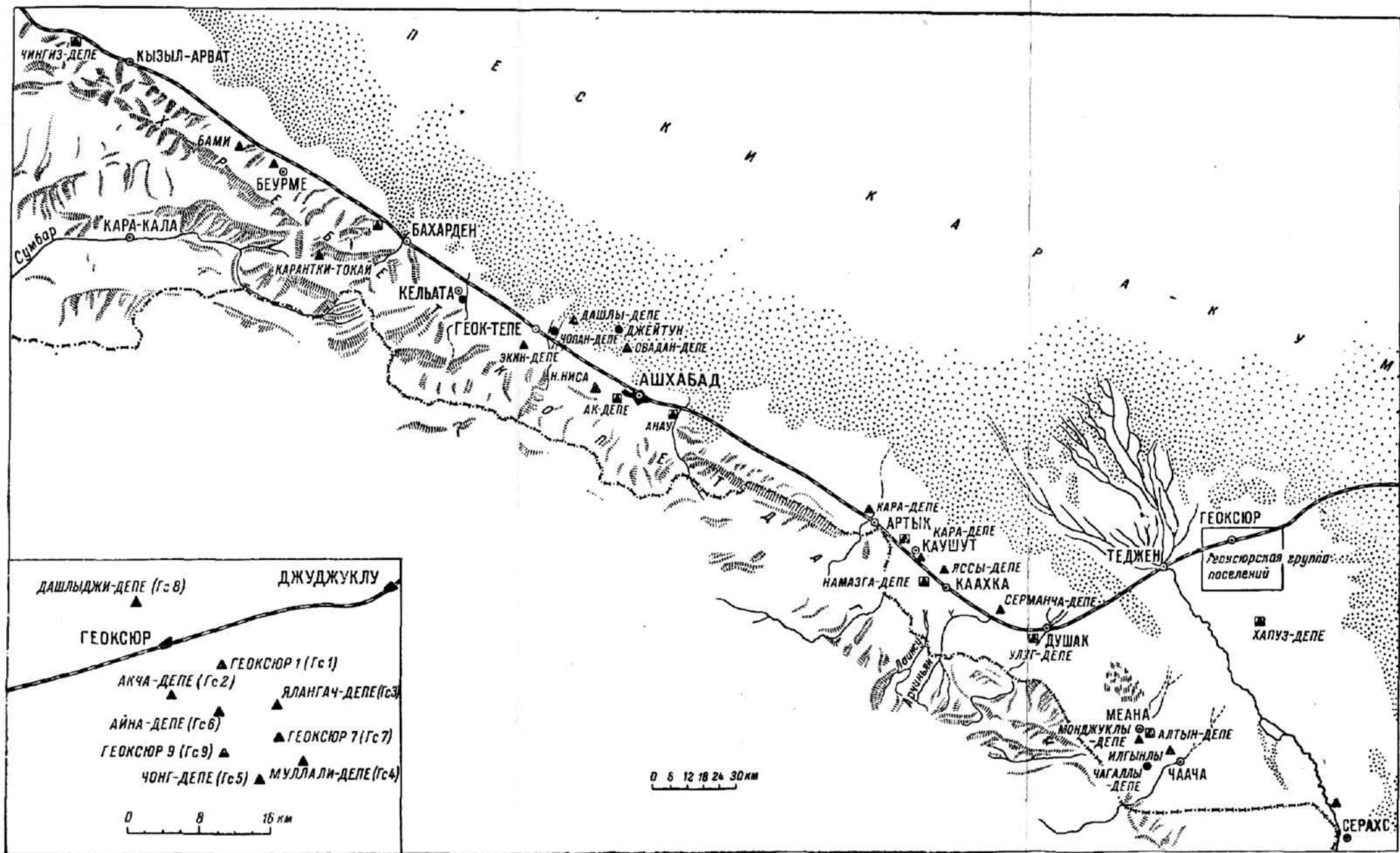

Рис. 1. Памятники первобытнообщинного строя Южной Туркмении. Во врезке: схематическое расположение поселений в Геокчурском оазисе.

территории Южной Туркмении. Это, в частности, следующие вопросы: динамика освоения подгорной полосы и Тедженской дельты, история Геоксюрской группы поселений, хозяйство, социальная структура и духовная культура общества. Решению многих из них помогает методика вскрытия поселений на максимально возможной площади.

К настоящему времени почти все известные древнеземледельческие поселения Южной Туркмении обследованы (рис. 1), а многие из них, как мы видели, тщательно изучаются. Это позволило установить локальные особенности культуры раннего энеолита (Намазга I) на ряде поселений и на основе этого разделить всю территорию Южной Туркмении на четыре основных района, которые в общих чертах совпадают с современными ирригационными районами подгорной равнины Копет-Дага. Западный район занимает территорию от Кызыл-Арвата до Анау, Центральный — от Анау до Душака, Восточный — от Душака до Серакса и Геоксюрская группа холмов — восточнее города Теджена в древней дельте реки того же названия. В период развитого энеолита (Намазга II) та же территория могла быть разделена не на четыре, а только на два района — Западный (от Кызыл-Арвата до Душака) и Восточный (от Душака до Теджена и Серакса).

В основу настоящей работы положены материалы, которые были в основном добыты автором в 1957—1961 гг., работавшим в составе Кара-кумского отряда ЛОИА АН СССР. Эти материалы происходят из ряда поселений Геоксюрского оазиса: Дашлыджи-депе (Геоксюр 8), Ялангач-депе (Геоксюр 3), Муллали-депе (Геоксюр 4) и Айна-депе (Геоксюр 6). Кроме того, использованы результаты раскопок В. И. Сарниди на холмах Геоксюр 1, Акча-депе (Геоксюр 2) и Чонг-депе (Геоксюр 5) и В. М. Массона на холмах Геоксюр 7 и Геоксюр 9. Для сравнительного анализа находок с названных холмов привлекаются данные с других поселений подгорной полосы Копет-Дага, добытые в результате работ Кара-Кумского отряда ЛОИА АН СССР и Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.

Предлагаемая вниманию читателей работа не преследует цель опубликовать материал времени раннего и развитого энеолита, добытый в процессе раскопок, поскольку этому специально посвящены соответствующие выпуски «Свода археологических источников».²⁶ Однако в первой главе приводится суммарная характеристика находок, для того чтобы были более понятны

²⁶ И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. I, 1963; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. II, 1962; И. Н. Хлопин. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. III (в печати); В. И. Сарниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. IV (в печати).

выводы автора, сделанные в последующих главах. Кроме того, вся терминология, касающаяся в основном периодизации культурно-исторических этапов, рассматривается во второй главе. В остальных главах работы предпринята попытка рассмотреть некоторые вопросы истории древнейших земледельческих коллективов нашей страны. Среди большого количества возникших вопросов упор сделан на восстановление уровня производительных сил и облика хозяйства, а также общественного строя древних земледельцев; кроме того, поставлен ряд общенсторических проблем, которые еще не могут быть полностью разрешены при помощи уже доступных материалов.

В настоящей работе делаются попытки осветить лишь те вопросы, которые возникают из анализа конкретного материала. Она сознательно ограничена как территориальными (Геоксюрский оазис), так и хронологическими рамками (время позднее Намазга I—ранее Намазга III). Что касается последних, то указанный отрезок времени принято относить к энеолиту; это нашло свое отражение в ряде работ. Однако, как показали более детальные исследования, указанное время (вторая половина IV—начало III тысячелетия до н. э.) было бы правильнее относить к медному веку, поскольку, как мы увидим ниже, уже с периода Намазга I существует развитая медная индустрия. Но так как термин «энеолит» удобнее в обращении, в настоящей работе он почти повсеместно употребляется в значении «медный век».

И, наконец, последнее. В книге пересматривается ряд взглядов автора, которые были высказаны им в предшествующих работах. Это объясняется тем, что прежде был изучен еще не весь материал, а значительная часть его попросту отсутствовала. Основные взгляды, подвергшиеся пересмотру, касаются воздействия культур переднего Востока на развитие Геоксюрской группы поселений, стратиграфии поселений и эволюции общественных отношений.

Г л а в а 1

ГЕОКСЮРСКИЙ ОАЗИС

1. Древний ландшафт

К востоку и юго-востоку от г. Теджена, среди такыров и барханных гряд, на площади около 400 км² (около 23 км с севера на юг и около 17 км с запада на восток) расположено девять холмов значительной высоты (рис. 1, врезка). Это остатки древних поселений, которые, судя по разбросанным на них фрагментам керамики, были покинуты много веков тому назад, и жизнь в этих местах больше не возобновлялась.

Своеобразным центром группы поселений является большой (около 12 га) и высокпй (10 м) холм с расплывчатыми контурами, носящий имя Геоксюр, что в переводе на русский язык означает «зеленый и длинный». Местное название холма дало имя находящейся поблизости станции (Геоксюр) Среднеазиатской железной дороги, а после того как группа холмов стала объектом интенсивного изучения, ее название «Геоксюрский оазис» получило права гражданства.

В настоящее время памятники находятся в совершенно безводной местности. Само собой разумеется, что несколько тысячелетий назад ландшафт был совершенно иным, так как поселения оседлых земледельцев в условиях безводной пустыни существовать не могли. Геоморфологические работы в районе Теджена почти не проводились, и лишь начиная с 1960 г. для ликвидации этого пробела был привлечен специалист-геоморфолог. Предварительные данные обследования и изучения оазиса в 1960—1961 гг.¹ в сочетании с ранее проводившимися работами позволили представить следующую картину.

¹ Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, 1963, вып. 93, стр. 69—73.

Поселения Геоксюрского оазиса располагались в восточной части древней субэвральской дельты р. Теджен, замок веера которой находился значительно южнее современного, возможно в районе г. Серакса. В настоящее время следы древних дельтовых протоков с трудом прослеживаются главным образом по цвету поверхности, затакырности, а иногда по более темному растительному покрову. Преобладающее направление русел — с юго-востока на север-северо-запад. Поселения Муллали-депе и Чонг-депе были расположены в 1—1,5 км от широкого дельтового протока, который выходил к современному железнодорожному полотну несколько восточнее путевой казармы 808-го км. Также с крупными дельтовыми протоками были связаны поселения Геоксюр 1 и Акча-депе. Траншеи, заложенные в ряде мест древнего оазиса поперек русел, показали, что это были довольно глубокие (до 2 м) водотоки, режим которых постоянно менялся. То они затягивались аллювиальными отложениями и мелели, то снова углублялись под действием текущей воды. Так, например, крупный водоток у Чонг-депе и Муллали-депе обладал, по-видимому, большей энергией по сравнению с другими; об этом говорит более грубый состав его аллювиальных наносов.

Говоря о древней гидрографической сети Геоксюрского оазиса, «поднятой» в последние годы при помощи аэрофотосъемки и русловых разрезов, необходимо помнить, что она относится только к последним этапам существования группы поселений, т. е. к геоксюрскому периоду. Что касается более древних русел, относящихся к предшествующему ялангачскому периоду, то они погребены под мощными аллювиальными наносами (0,8—1,0 м) и были отмечены только в русловых разрезах. Однако следует полагать, что протоки, функционировавшие в ялангачский период, текли по тем же местам и в том же направлении.

Многие древние водотоки затухали севернее современной железнодорожной линии. Так, небольшой шурф у Дашлыджи-депе и серия геологических разрезов к северу от железной дороги показали, по мнению ашхабадского геолога Л. Г. Добрина, что в этих местах находятся залегания лигнитовых глин. Это говорит о том, что Дашлыджи-депе и несколько других поселений, от которых остались только россыпи керамики на такырах, находились в самых низовьях одного из протоков древней дельты Теджена. Вероятнее всего, они располагались на небольших островках аллювиального происхождения среди стоячих водоемов, берега которых густо поросли тугайными зарослями и камышом и изобиловали дичью. Недолговременное проживание людей на этих местах и их сравнительно быстрый уход на другие поселения оазиса могут быть связаны только с изменением водного режима дельты: вода перестала доходить до этих северных поселков.

Группа более южных холмов, т. е. основные поселения оазиса, располагалась уже на среднем течении дельтовых протоков. Как показали материковые наложения в шурфе на Ялаугач-депе, аллювиальные отложения здесь могли образоваться вследствие оседания частиц, несомых быстро текущей водой, чем объясняется более длительный период существования поселений в этих местах. Берега значительной части водотоков, по всей вероятности, имели довольно скудную растительность, представленную некоторыми видами водных растений: тростником, камышом, осокой и т. п. Обугленные остатки тростника были обнаружены при раскопках (Муллали-депе), а пыльца других растений была зафиксирована в русловых отложениях. Берега более крупных протоков, например того, на котором базировались Муллали-депе и Чонг-депе, были покрыты древесной растительностью, тугайной флорой: тополем, кленом, берестом и тамариксом.² О тугайных зарослях в древней дельте Теджена свидетельствуют также представители животного мира: бухарский олень и кабан, кости которых были обнаружены среди остеологического материала на некоторых поселениях.

Другие представители дикой фауны, кости которых были найдены при раскопках древних поселений Геокюрского оазиса, дополняют наши сведения о ландшафте древней дельты Теджена. Так, присутствие на поселениях костей джейранов и куланов указывает на то, что эти животные, обитатели степных и полустепных равнин, были обычными объектами охоты древнего населения. Отсюда можно сделать заключение, что, очевидно, древняя дельта по своему облику мало чем отличалась от современной. Тугайные заросли поймы по мере удаления от воды вскоре сменялись полупустынной равниной, но последняя могла иметь более богатый, чем в настоящее время, травяной покров.

Уход воды из Геокюрского оазиса на северо-запад постепенно, но неуклонно продолжался. Это послужило основной причиной ухода населения в другие места. Одинокие руины кое-где еще разнообразили скучный пейзаж. Тугайные рощи были обречены на уничтожение и высыхание, поля покрылись безжизненной такырной коркой, жаркий ветер пустыни гнал тучи сухого и горячего песка. Ушла вода, и прекратилась жизнь в некогда процветавшем оазисе.

2. Памятники

Центральный холм Геокюр 1 расположен в 7 км к юго-востоку от станции Геокюр. Своей величиной и обилием подъемного материала он давно привлекал к себе внимание археологов (С. А. Ершов, Б. А. Куфтин, А. А. Марущенко), но регулярное

² Там же, стр. 73.

его исследование началось лишь в 1956 г.³ В раскопе № 1 в центральной части холма была вскрыта часть поселения и тем самым выявился характер домостроительства верхнего горизонта поселения.⁴ В 1957 г. этот раскоп был несколько расширен, и, кроме того, заложен стратиграфический шурф, который вскрыл десять последовательных строительных горизонтов от позднего Намазга I до раннего Намазга III.⁵ В раскопе № 2, заложенном тогда же

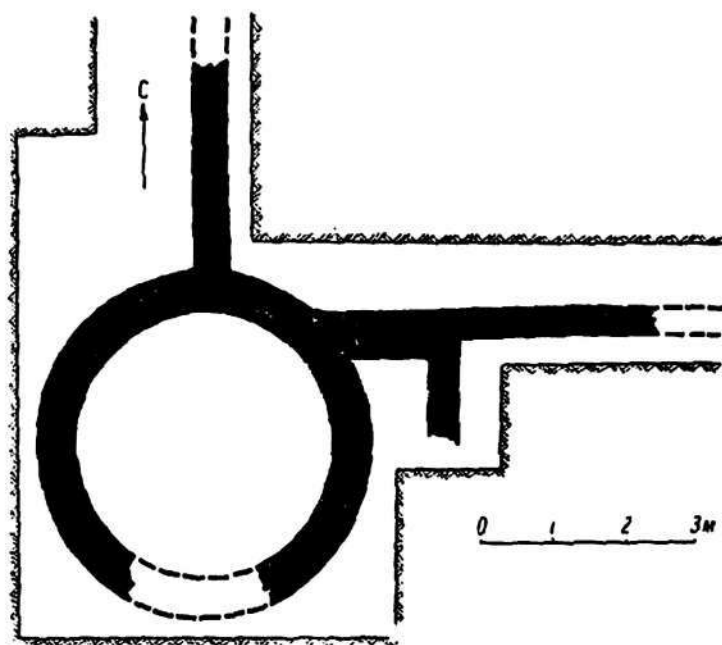

Рис. 2. Геоксюр 1. Часть обводной ступы Ялангачского времени (Намазга II).

в южной части холма, были обнаружены уникальные для Южной Туркмении ложносводчатые погребальные камеры⁶ рубежа IV и III тысячелетий до н. э. В 1960—1962 гг. работы на холме были продолжены в небольшом объеме: расчищены печь, по-видимому

³ В. М. М а с с о н. 1) Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связь с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 41 и сл.; 2) Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, 1959, вып. 73, стр. 71.

⁴ В. И. С а р п а н и д и. 1) Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. КСИИМК, 1959, вып. 76, стр. 50—55; 2) Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 229 и сл.

⁵ В. И. С а р п а н и д и. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 141—152.

⁶ В. И. С а р п а н и д и. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—239.

для обжига керамики,⁷ несколько помещений и обнаружены следы обширного некрополя. В 1963 г. небольшой раскоп на юго-западном краю поселения вскрыл остатки обводных стен (рис. 2), относящихся к более раннему времени, чем основное поселение на холме.⁸

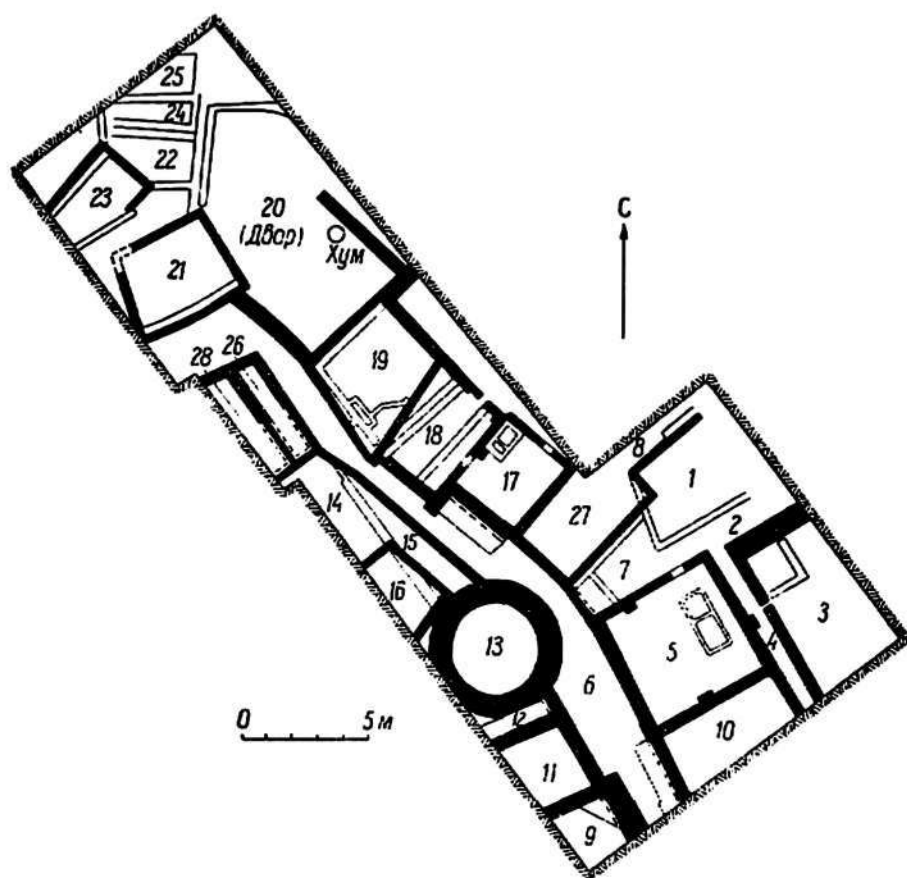

Рис. 3. Акча-депе. Часть планировки верхнего строительного горизонта (черным залиты стены основного комплекса).

Поселение Геокюр 2 (Акча-депе) расположено на западной окраине оазиса, в 6 км на юго-юго-запад от станции Геокюр. Овальный в плане холм имеет более крутые склоны, чем у остальных древних селищ; его размеры по подошве 145×115 м. На вер-

⁷ В. И. Сариянди. Керамические горны восточноанауских поселений. КСИА АН СССР, 1963, вып. 93, стр. 80, 81.

⁸ В поставленную перед автором задачу не входит характеристика археологического материала Геокюрского периода; материалы из верхних слоев поселений Геокюр 1 и Чонг-депе лишь используются в последующих главах. Полное издание находок этого культурно-исторического периода см.: В. И. Сариянди. Поздний энеолит Юго-Восточной Туркмении. САН БЗ-8, ч. IV (в печати).

шине холма, на высоте 6 м от его подножия, имеется площадка (40×50 м), в центре и по бокам которой отмечены небольшие бугры. Раскопки холма производились в 1960 г.,⁹ они вскрыли часть поселения на участке около 400 м².

Вскрытая часть поселения достигает средней глубины около 60 см и состоит из 28 полностью или частично расчищенных помещений, разделенных узким и извилистым проходом (рис. 3). Все помещения сложены из прямоугольного сырцового кирпича с примесью самана, его размеры 42—44×23—25×12 см.

При продвижении по проходу от края холма к центру, т. е. с северо-запада на юго-восток, по правой стороне отмечен большой прямоугольный двор (помещение 20) с корчагой (рис. 4, 1). Рядом расположены два помещения (19 и 18) неясного назначения. Далее находится помещение 17; в одном из его углов сооружен двухчастный очаг с сильно прокаленными стенками (рис. 4, 2). Конструктивные особенности позволили В. И. Сариянди высказать мнение о том, что этот очаг был предназначен для обжига посуды.¹⁰ Далее к юго-востоку расположено помещение 5; вдоль его северо-восточной стены сооружена прямоугольная глинобитная платформа-подиум, окруженная глиняным валиком высотой в 12 см. На одном из углов сохранился конический глиняный столбик и, судя по следам, такой же столбик находился еще на одном из углов. Внутреннее пространство подиума разделено ступенькой или валиком на две примерно равные части. Ее юго-восточная часть равномерно прокалена и на ней находился плотный слой золы толщиной до 4 см.

Против помещения 5, через проход, расположено круглое в плане (диаметр около 3.3 м) помещение 13. Стены его необычно толсты: они выложены из четырех рядов кирпичей и достигают в толщину одного метра. Хотя это здание вскрыто не полностью, отмечен глинобитный пол и заметный наклон стен внутрь. Каких-либо сооружений на полу и следов входа в помещение не обнаружено.

Многочисленная керамика, собранная на поверхности и во время раскопок поселения Акча-депе, может быть поделена на несколько групп, причем основной и определяющей группой является расписная посуда. Расписная керамика в свою очередь распадается на подгруппы.

На первом месте находится посуда, украшенная росписью так называемого ялангачского типа. Хотя преобладают черепки, украшенные позднеялангачской росписью (четыре близко друг

⁹ В. И. Сариянди. Некоторые вопросы древней архитектуры эпох неолитических поселений Геокюрского оазиса. КСИА АН СССР, 1962, вып. 91, стр. 23.

¹⁰ В. И. Сариянди. Керамические горны восточноанауских поселений, стр. 80.

Рис. 4. Агча-дере.

1 — крытая корчага во дворе (помещение 20); 2 — очаг в помещении 17.

от друга проведенные линии вдоль венчика, соединенные попарно перемычками; рис. 5, 8–10), фрагменты раннеялангачских сосудов тоже многочисленны. Последние украшены также четырьмя линиями, но проведенными на значительном расстоянии друг от друга (рис. 5, 1–4). К этой же подгруппе относятся несколько

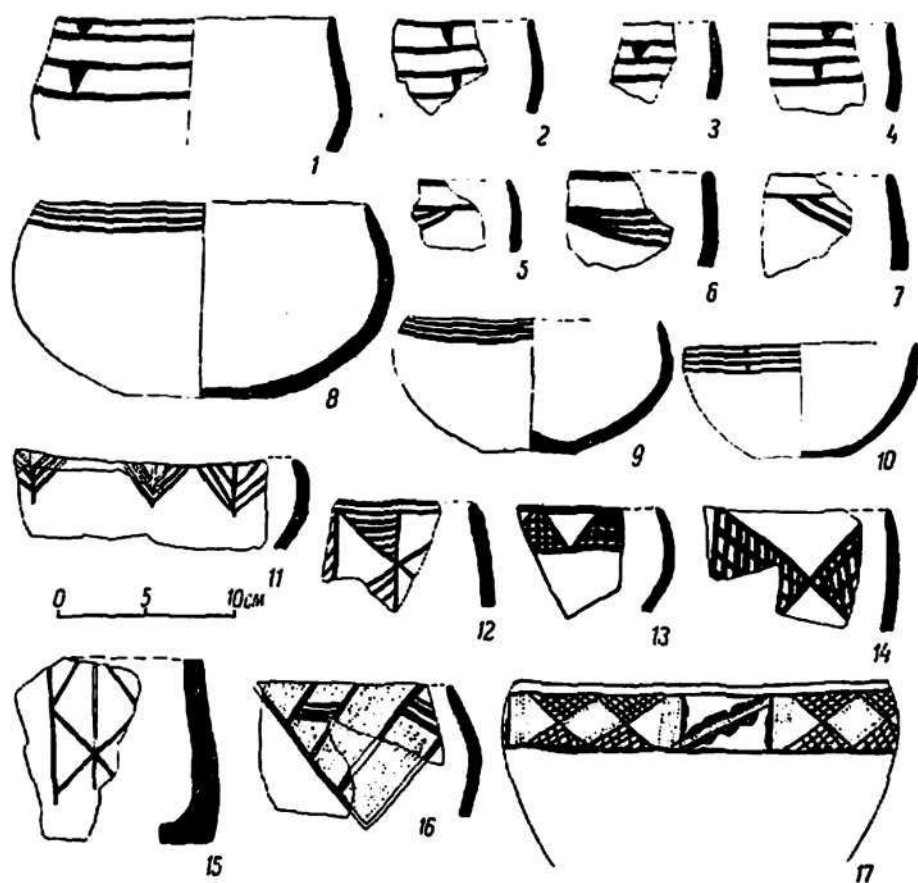

Рис. 5. Акча-дзепе. Керамика.

чаш с одной горизонтальной полосой, от которой свисают плавные дуги (рис. 5, 5–7).

Около тридцати экземпляров, преимущественно чаши, украшены полихромной росписью, характерной для времени Намазга II подгорной полосы. Украшающие их узоры довольно разнообразны и представлены несколькими разновидностями (рис. 5, 16, 17).

Следующая подгруппа расписной посуды насчитывает также около двух десятков экземпляров и выделяется из общей массы своей формой и орнаментацией. Крупные сосуды баночной формы покрыты росписью в виде крупноячейной сетки (рис. 5, 15)

или вертикальными полосами, разделенными на треугольные фигуры (рис. 5, 14); один профилированный горшочек покрыт на $\frac{2}{3}$ кривой сеткой.

Последней и самой малочисленной подгруппой расписной керамики является посуда с полихромной орнаментацией геоксюрского стиля. Ее фрагменты происходят только из поверхностных сборов, и поэтому эту посуду следует относить к тому времени, когда поселение Акча-депе было уже оставлено жителями.

Нерасписная посуда делится на две подгруппы по своему внешнему виду и составу теста. К первой относятся крупные корчаги с прямым или слегка наклоненным внутрь венчиком и небольшие миски; эти сосуды изготовлены из того же теста, что и расписная посуда первой подгруппы, т. е. с примесью растительности. Ко второй — сферические кухонные котлы с венчиками нескольких разновидностей; они имеют очень плотный черепок и тесто с сильной примесью песка.

Производственный инвентарь незначителен. Найдена костяная проколка и часть какого-то медного орудия листовидной вытянутой формы с углублением на одной из плоскостей. Из обожженной глины изготовлено веретенное пряслице архаической грушевидной формы с врезанным орнаментом; из необожженной глины — яйцевидные ядра для пращи.

Кроме производственного инвентаря, в раскопках найдены три фрагмента женских статуэток (торс, ноги и голова) и четыре фигурки животных, по-видимому, баранов. Среди находок присутствуют также глиняные «колеса» с широким отверстием в односторонней втулке.

Поселение Геоксюр 3 (Ялангач-депе) расположено в юго-восточной части оазиса, в 15 км на восток-юго-восток от станции Геоксюр. Овальный в плане холм ориентирован длинной осью с восток-юго-востока на запад-северо-запад. Его склоны довольно пологи; размеры по осям равны 130×95 м, а возвышается он над уровнем современной дневной поверхности на 4,6 м. Культурные слои холма достигают мощности 5,4 м. Раскопки поселения начались в 1957 г.,¹¹ когда была вскрыта часть планировки верхнего строительного горизонта. В 1959 г. верхний строительный горизонт был раскопан до конца,¹² и началось вскрытие второго слоя поселения в западной части холма. Все постройки сооружены из сырцового кирпича размером 40—35×25×10 см.

¹¹ И. Н. Хлопцев. 1) Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТССР, 1958, № 5, стр. 100—107; 2) Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 134—224.

¹² И. Н. Хлопцев. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита. КСИА АН СССР, 1963, вып. 93, стр. 74—79.

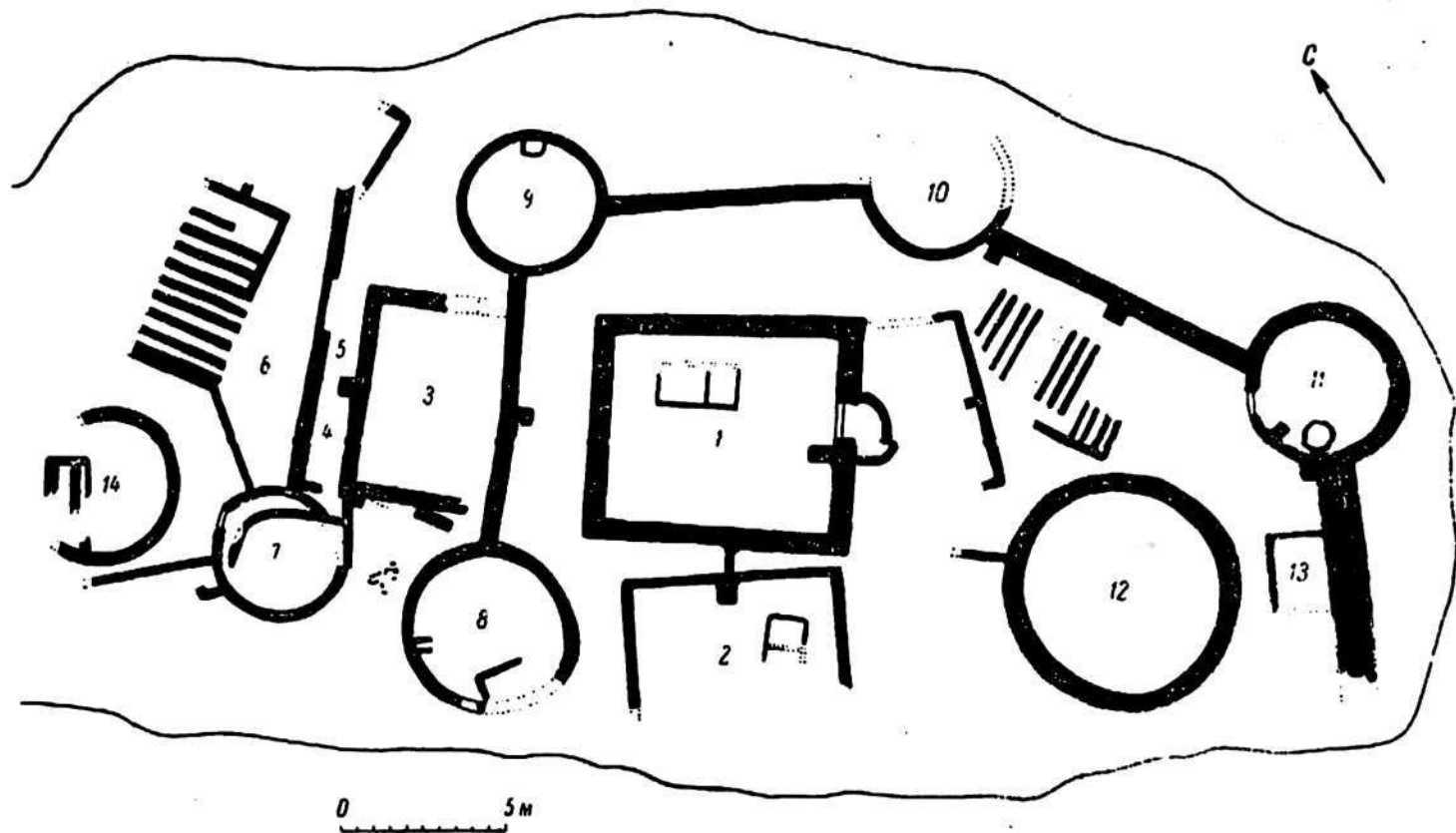

Рис. 6. Ялапгач-депе. Планировка верхнего строительного горизонта.

В 1960 г. эти работы были продолжены; кроме того, был заложён шурф в центре холма.

Верхний строительный горизонт (рис. 6) имеет мощность 50—70 см и вскрыт на площади около 750 м². Наиболее интересной его чертой являются обводные стены. Вместе с рядом помещений они составляли ограду, внутри которой располагались несколько отдельно стоящих построек. Сохранившаяся часть ограды состоит из четырех отрезков стены, примерно равной длины (7.4—8.5 м), толщиной в 60 см (рис. 7). В местах стыка стен сооружены круглые в плане постройки, которые пока условно можно назвать башнями; состав их культурного заполнения и некоторые детали интерьера позволяют предполагать, что они использовались в качестве жилищ. Диаметр круглых зданий колеблется от 3.8 до 4.5 м; сохранность их различная.

Внутри ограды расположена группа построек. Помещение 1 ориентировано углами по странам света. Его площадь 37 м², стены сложены из двух рядов сырцового кирпича без поперечной перевязки; стены и пол покрыты тонкой коричневой штукатуркой. В юго-восточной стене имеется дверной проем с высоким порогом. Внутри помещения, слева от входа, сооружен прямоугольный выступ, а в северной четверти здания — невысокая прямоугольная глинобитная жаровня-подиум, ограниченная валиком. Ее внутренняя поверхность слегка возвышается над уровнем пола, покрыта хорошей промазкой и разделена поперечной стенкой на две неравные части. На меньшей части отмечены следы огня, другая их не имеет.

К помещению 1 примыкает помещение 2, которое сохранилось значительно хуже. Его стены сложены из одного ряда кирпичей, а на полу сохранились остатки такого же подпума, только меньших размеров.

Третье помещение внутри ограды — круглое здание 12 диаметром 6.1 м. Низкая сохранность стен не позволила определить место входа. Внутри его лежат без всякой системы многочисленные обгорелые кирпичи — свидетели сильного огня.

К северо-западу от отрезка стены, который как бы делит поселение надвое, сохранились остатки двух круглых зданий, отрезки длинных стен и сооружение из параллельных стенок. Уловить какую-либо систему в планировке этой части поселения трудно.

Второй строительный горизонт (рис. 8 и 9) примерно той же толщины вскрыт на площади около 700 м². Основным его сооружением остается здание 1, существовавшее в тех же размерах. Перед его входом находится прямоугольный вестибюль (помещение 8). К юго-западу расположены остатки помещения 2, а к северо-востоку — помещения 6 и 7 с хорошо сохранившимися дверными проемами без порогов. Кроме того, стены помещения 6

Рис. 7. Иланğач-депе.

1 - отрезок обводной стены, встроеной в помещения 6 и 7 второго слоя; 2 - отрезок обводной стены между помещениями 10 и 11.

Рис. 8. Илангач-депе. Раскопки второго строительного горизонта.

покрыты тонкой штукатуркой зеленовато-черного цвета. Обе эти комнаты плотно забутованы сырцовыми кирпичами, благодаря чему была создана своеобразная подушка для обводной стены вышележащего комплекса. Заполнение такого же характера наблюдалось и в помещении 5, почти квадратной в плане комнате с толстыми стенами, разделенной пополам прямоугольными выступами.

Помещения 10—12 были сильно порушены построенным на них отрезком обводной стены верхнего строительного горизонта. Несмотря на это, удалось установить, что два первых имели хорошо обмазанные стены и полы, а в третьем были встроены параллельные стенки. Расположенные рядом шесть прямоугольных баз, по всей вероятности, служили опорой для деревянного настила, что подтверждает характер культурного слоя: между ними найдено большое количество битой посуды и поделки из кости и меди; все это могло попасть туда, провалившись сквозь щели в настиле.

В западной части раскопа расположен архитектурный ансамбль, фактически не связанный с вышеописанными постройками. Из десяти помещений, расположенных там, пять можно определить как жилища; помещения 4 (площадь 10 м²), 13 (5,5 м²), 16 (7 м²), 18 (10 м²) и 19 (4 м²). Посмотря на то что эти помещения расположены в одном комплексе, их нельзя рассматривать как многокомнатный дом. Это группа отдельных однокомнатных домов, имеющих некоторые общие признаки. Так, в каждом из них слева от входа находится двухчастный крупный очаг, приподнятый над уровнем пола на 40 см. У некоторых домов справа от входа имеется отгороженный угол, а перед входом — площадка, вымощенная кирпичами и отгороженная стенкой. Интересно отметить, что помещение 4, кроме очага, имеет на полу прямоугольную (1,2 × 0,8 м) жаровню, окруженную валиком; по-видимому, она была разделена поперек на две части. Остальные помещения этого комплекса либо хозяйственные, либо не поддаются точному определению из-за плохой сохранности.

Помещение 1 было углублено до третьего строительного горизонта. Оно оказалось меньше по площади (около 28 м²), а на его юго-западной стене обнаружился оригинальный налп с пятнадцатью круглыми отверстиями в виде перевернутой буквы «Ш» (см. гл. 5).

Собранная на Ялангач-дапе коллекция керамики позволяет довольно полно охарактеризовать весьма своеобразный керамический комплекс, названный ялангачским по черному месту его находки. Вся найденная керамика может быть разделена на три основные группы: расписная, нерасписная и кухонная. Группа расписной посуды, самая многочисленная, украшена в свою очередь росписью нескольких различных стилей.

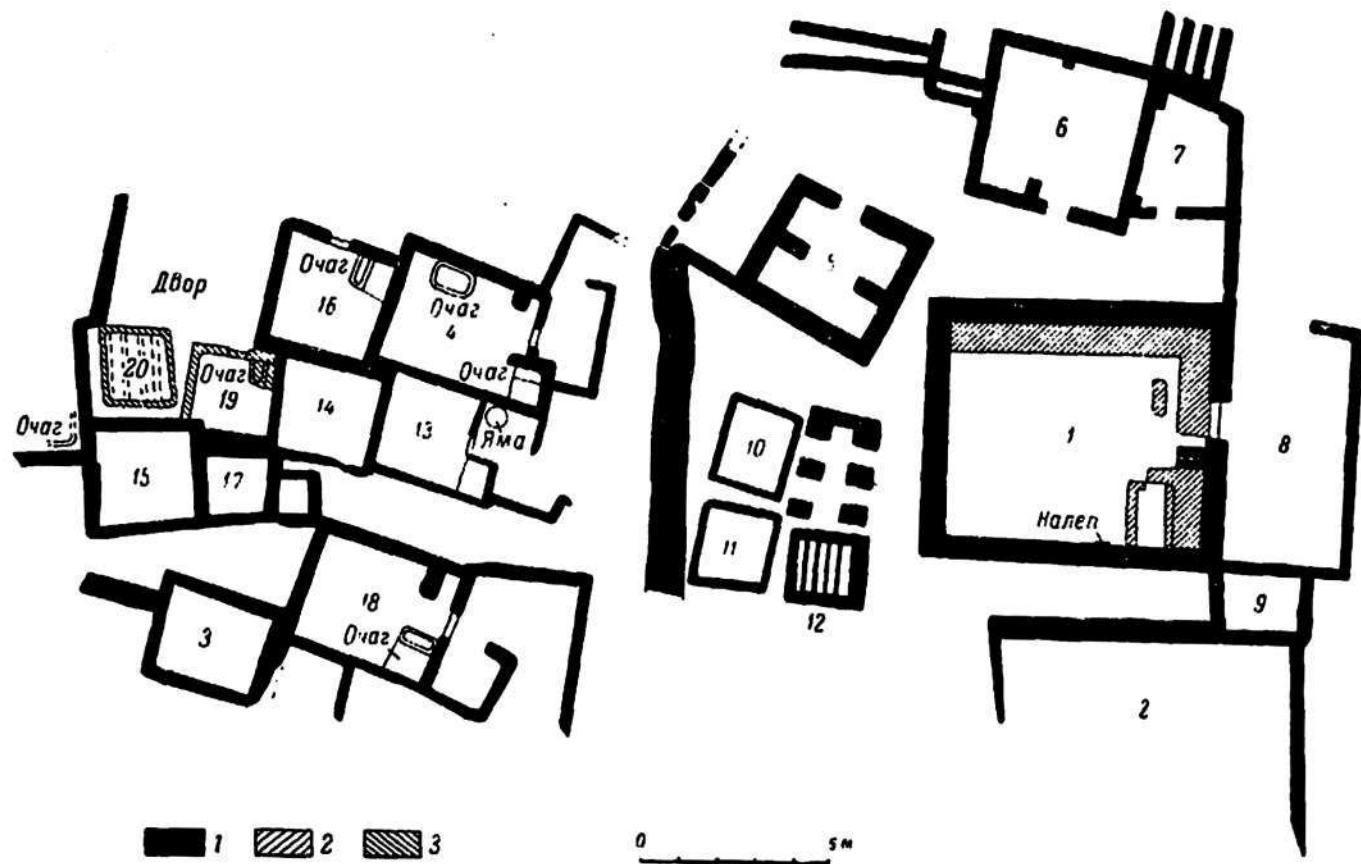

Рис. 9. Ялангач-депе. Часть планировки второго строительного горизонта.

1 — стены основного комплекса; 2 — стены раннего этапа основного комплекса; 3 — стены третьего строительного горизонта.

Основными узорами фрагментов первой подгруппы являются линии силуэтных треугольников, имеющих явные признаки деградации: они непропорционально вытянуты по горизонтали и в то же время сжаты по вертикали. Встречены также рисунки контурных треугольничков и ленточная роспись. Эта манера орнаментации керамики характерна для времени позднего Намазга I.¹³

Посуда местного производства с росписью так называемого ялангачского стиля (рис. 10) составляет наиболее многочислен-

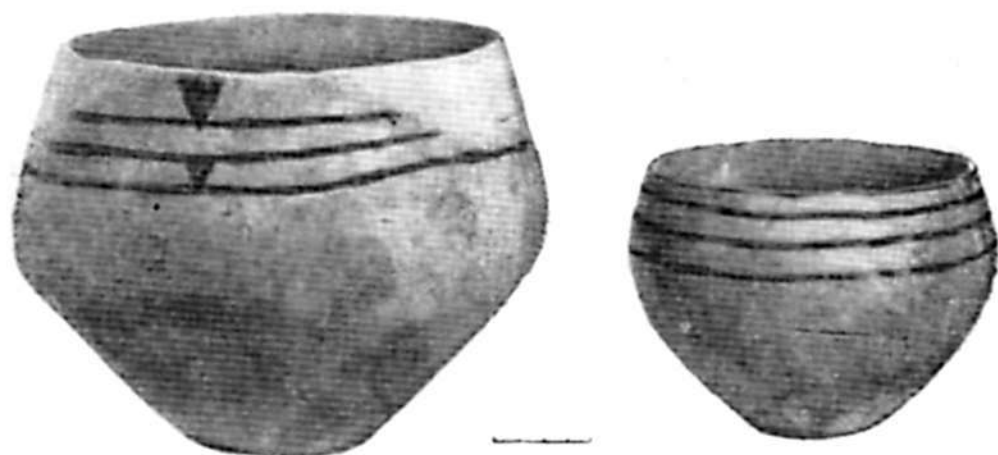

Рис. 10. Ялангач-депе. Сосуды с орнаментацией ялангачского типа.

ную подгруппу. Она вся изготовлена ручной лепкой и представлена определенными формами с присущими им орнаментальными узорами.

Корчаги — широкогорлые крупные сосуды с высокими вертикальными или слегка наклоненными внутрь стенками до 3 см толщины и подкошвенной придонной частью. Верхняя часть сосуда орнаментирована бегущим горизонтальным зигзагом из широких (1,5—2 см) полос, свисающими шеvronами из нескольких полос и горизонтальными полосами с поперечинами.

Биконические кубковидные горшки имеют, как правило, очень плавный перегиб стенок. Роспись на них однотипна: четыре горизонтальные полосы соединены попарно треугольниками, черточками и т. п. (рис. 11, 1). Встречены сосуды, на которых линии не соединяются (рис. 11, 4).

Миски имеют либо сферические стенки, либо слегка загнутый внутрь край. Обычным орнаментом являются две горизонтальные полосы вдоль венчика с промежутком между ними (около 2 см). Эти полосы в двух-трех местах соединены различными

¹³ Н. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. 1, 1963, табл. XVI.

фигурами: силуэтный треугольник вершиной вниз, силуэтные треугольники с сомкнутыми вершинами, перекрещенные линии, пучок лучей и т. п. (рис. 11, 3, 5—7). На ряде фрагментов мисок

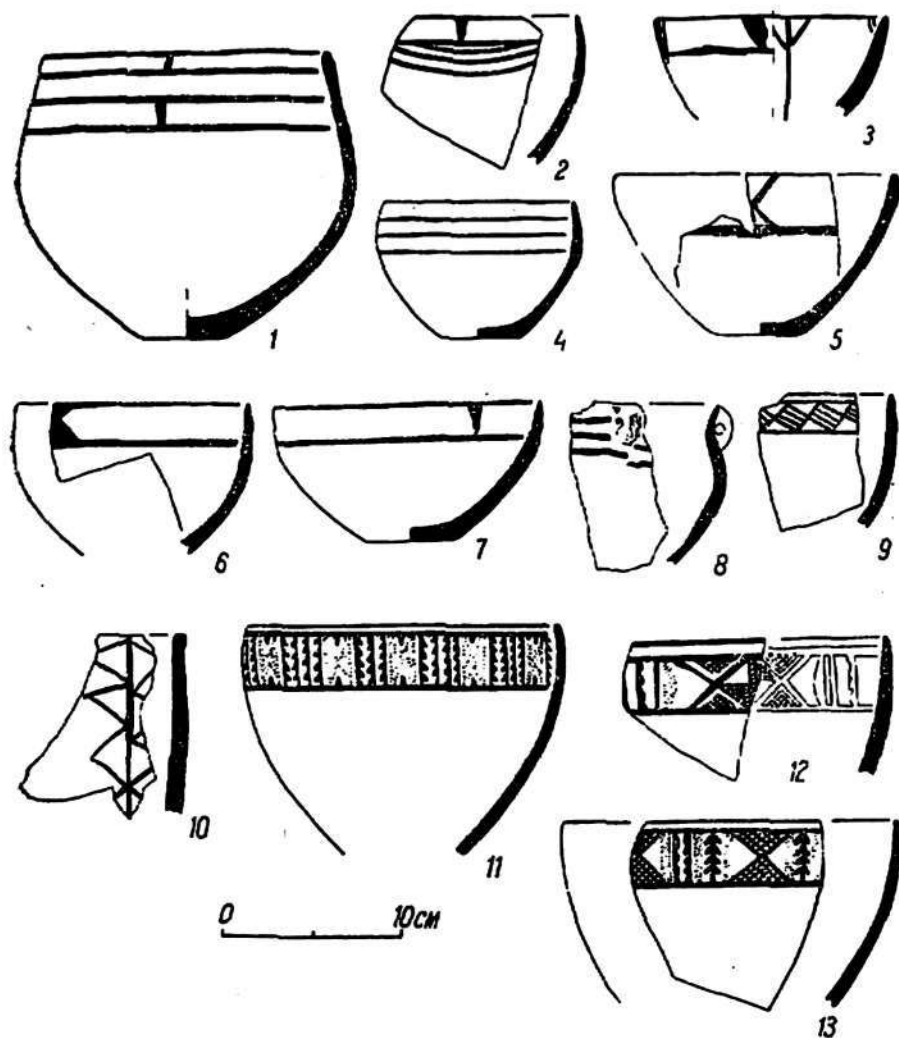

Рис. 11. Ялангач-депе. Керамика.

была встречена роспись на внутренней поверхности в виде стилизованного дерева (рис. 11, 3).

Несколько фрагментов крупных полусферических чаш украшены своеобразным узором, состоящим из горизонтальной полосы, проведенной на некотором расстоянии от края венчика, от которой свисают вниз полукруглые ленты, опоясывая равномерно весь сосуд (рис. 11, 2).

Кубковидные горшки представлены подавляющим большинством фрагментов, что позволяет считать эту форму и украшаю-

щий ее орнамент из четырех горизонтальных поясков вдоль венчика наиболее характерными для данного этапа культуры древних земледельцев Геоксюрского оазиса. Поэтому слой поселений с посудой, которая в хронологическом отношении относится ко времени Намазга II подгорной полосы, уместно выделить в своеобразный «ялангачский» период (см. гл. 2).

К особой и весьма малочисленной подгруппе относятся всего несколько фрагментов со своеобразным орнаментом, который состоит либо из заштрихованных треугольников или ромбов, либо из вертикальных полос, разделенных на контурные треугольники, либо из сплошной сетки с крупными ячейками (рис. 11, 9, 10).

Керамика следующей подгруппы представлена фрагментами не более чем от тридцати сосудов — глубоких чаш со слегка загнутым внутрь венчиком. Роспись на них нанесена двумя красками (серо-черной и темно-красной) на светло-бежевый ангоб. Орнамент в целом относится к одному стилю — Намазга II (рис. 11, 11—13). Эта керамика служит надежным критерием для установления относительной хронологии.

Нерасписная посуда отличается отсутствием ангоба, но имеет хорошо заглаженную поверхность. В нее входят крупные корчаги, горшочки, небольшие чаши и миски. Кроме того, появляются сосуды с ручками. Единичными фрагментами представлены архаические «салатницы» и сосуд-цедилка с тремя рядами сквозных отверстий.

Кухонной посудой являются котлы со сферическим туловом и слегка отогнутым венчиком; они различаются лишь размерами. В их серое тесто примешано значительное количество песка.

Производственный инвентарь включает в себя орудия различного назначения из камня, кости, меди и обожженной глины.

Из кремня изготовлялись вкладыши для жатвенных ножей и наконечники сверл. Из сланца изготовлен небольшой плоский шпатель для выглаживания керамики и плоские веретенные напрядки с отверстием в центре. Песты и сферические грузила с отверстием изготовлялись из песчаника, сосуды — из известняка, а отжимник для обработки кремня был сделан из мыльного камня.

Костяные инструменты представлены проколками, развертками, скобелем; одно орудие имело две функции — ложило и развертка. Уникален плоский шпатель для выглаживания керамики.

Металлические орудия представлены богатым для времени Намазга II набором. Это лезвие плоского топора и плоский наконечник копья (может быть нож?) из верхнего строительного горизонта Ялангач-депе. Из второго строительного горизонта происходит наконечник копья или дротика с квадратным в сечении черенком и ромбовидным пером и два четырехгранных

шила. Все эти вещи были найдены в заполнении между базами для настила у северо-западной стены помещения 1.

В обоих строительных горизонтах Ялавгач-депе найдено большое количество антропоморфных и зооморфных глиняных статуэток. Женских статуэток, преимущественно фрагментарных, насчитывается 35 экземпляров. Они относятся к нескольким разновидностям, причем первое место по количеству занимают сидящие фигурки с отдельно вылепленными ногами, без рук и с большой грудью; большинство их украшено росписью. Один фрагмент принадлежал стоящей фигурке; на бедре сохранился рисунок козла. У другого фрагмента отчетливо прослежены следы от прилепленных рук. Очень схематичное изображение верхней части человеческой фигуры сделано из известняка (подробнее о статуэтках ялавгачского периода см. в гл. 5).

Зооморфные фигурки изготовлены из необожженной глины; их насчитывается более 30 экземпляров. 12 фигурок изображают, по-видимому, баранов, 3 — быков, 5 — собак (?). Остальные не поддаются сколько-нибудь вероятному определению.

Из остальных глиняных поделок, найденных на поселении и не относящихся к производственному инвентарю, следует отметить своеобразный цилиндрический предмет с площадкой сверху и сквозным каналом внутри. Это модель круглого жертвенника (см. гл. 5).

Поселение Геокюр 4 (Муллали-депе) расположено на юго-восточной окраине оазиса, в 25 км на юг-юго-восток от станции Геокюр, и представляет собой невысокий (3,5 м) расплывчатый (110×130 м) холм. Мощность его культурных слоев достигает 4,7 м. Он впервые был обследован в 1956 г., а в 1959 г. на нем был заложен стратиграфический шурф, прорезавший всю толщу культурных слоев;¹⁴ материалы шурфа позволяют считать, что холм имеет около семи строительных горизонтов. В 1960 г. верхний строительный горизонт холма был вскрыт почти полностью на площади около 2000 м², причем в некоторых местах была начата расчистка зданий нижележащего слоя (рис. 12). В 1961 и 1963 гг. на холме были проведены небольшие по объему работы, направленные главным образом на уточнение некоторых вопросов планировки.

Остатки построек на поселении четко разделяются на два последовательных комплекса — более ранний Западный и более поздний Восточный. Это разделение прослеживается по планировке и керамическим комплексам, свойственным каждой из групп помещений. Кроме того, отмечено, что некоторые обрывки

¹⁴ К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, 1960, № 2, стр. 59.

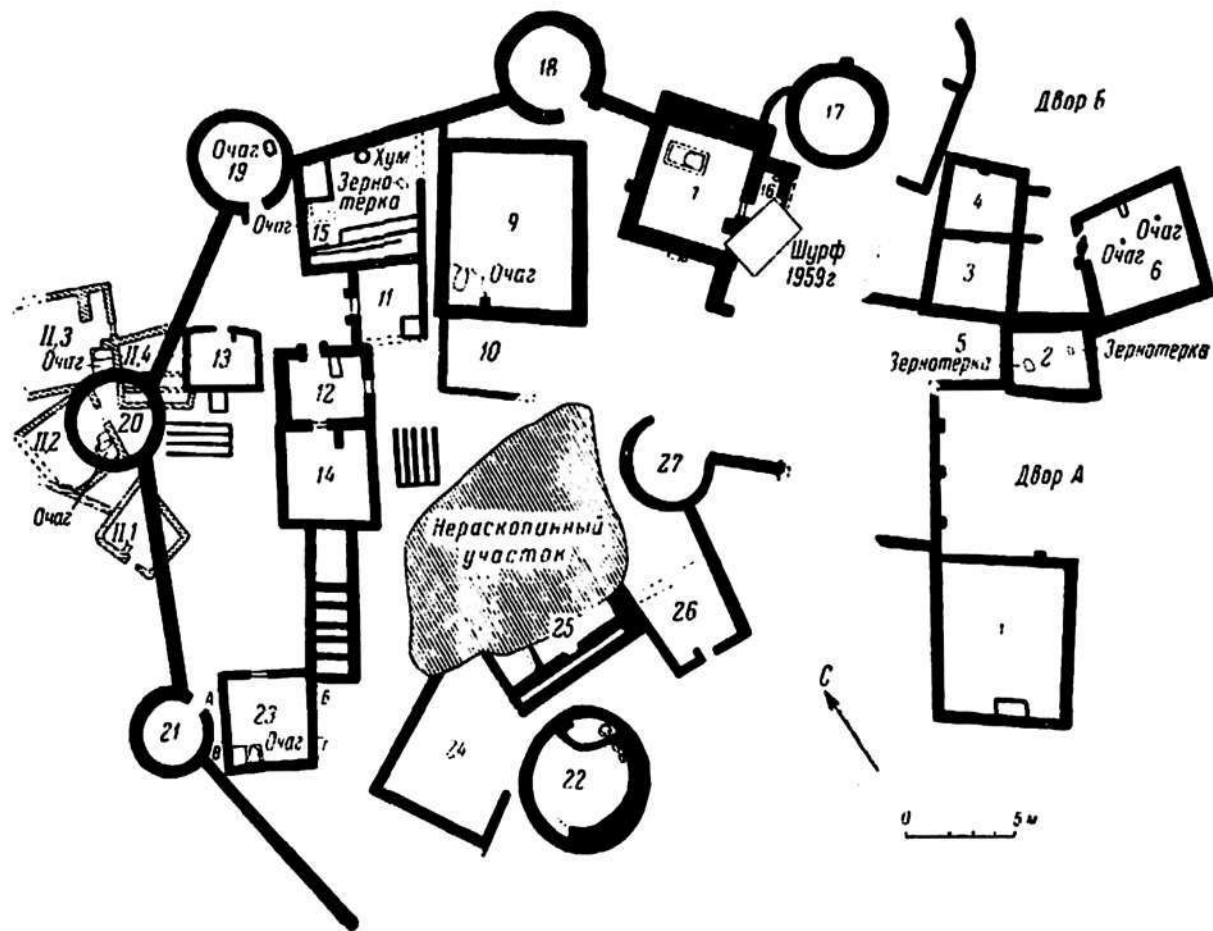

Рис. 12. Муллали-депе. Планровка поселения.

1—6 — помещения Восточного комплекса; 7—27 — помещения Западного комплекса; II, 1—II, 6 — помещения второго слоя.

стен, относящиеся к Восточному комплексу, иногда перекрывают участки Западного комплекса.

Западный комплекс состоит из ряда помещений и обводных стен с включенными в их периметр круглыми в плане постройками. Эти стены охватывают поселение с трех сторон и образуют неправильный многоугольник. Всего имеется пять отрезков стены шириной в 60 см и длиной от 8.5 до 10 м, которые соединяют пять круглых построек (17—21) примерно одного диаметра (3.1—3.8 м). Шестая круглая постройка того же диаметра (27) относится также к ограде, но не соединяется с остальными. Эти помещения имеют разную степень сохранности. Ряд деталей их внутреннего оформления (дверные проемы, глинобитный пол, очажки), а также характер заполняющего их культурного слоя позволяют заключить, что они функционировали в качестве жилищ, но менее постоянных, чем другие.

Внутри ограды находится ряд построек; на более интересных следует остановиться.

Прямоугольное в плане помещение 7 (рис. 13, 1) ориентировано углами по странам света и имеет площадь 22.5 м². Стены выложены из двух рядов кирпича и покрыты штукатуркой в несколько слоев; пол плотный и также покрыт многослойной глиняной обмазкой. В юго-восточной стене сохранился дверной проем шириной 60 см с порогом. Слева от входа внутри помещения сооружен оштукатуренный прямоугольный выступ, а в северном углу — прямоугольная жаровня-подиум размером 195 × 105 см. Она окружена глинобитным валиком и разделена ступенькой на две части (рис. 13, 2). Обе части тщательно заглажены, а на пониженной отмечена плотная корочка, появившаяся в результате обжига. Разбор подиума показал, что первоначально он был разделен на две части валиком, а ступенька образовалась в результате многочисленных промазок, наслонившихся друг на друга. Кроме того, в центре пониженной части отмечен сильно обожженный круг диаметром в 15 см.

В западной части комплекса расположена группа построек, не связанных друг с другом. Помещение 11 сохранилось плохо; по-видимому, оно было жилищем. Помещение 15 было сооружено уже после обводных стен и также могло служить жильем. К его западной стене был пристроен крупный очаг. Два смежных помещения 12 и 14 расположены южнее. В первое ведет вход со двора; внутри имеется выступ, верх которого оформлен в виде ванночки с бортиками из поставленных на ребро кирпичей. С этим помещением сообщается комната 14; она не имеет очага, но заполнена горелой землей с примесью крупных углей и обугленных злаков. К южной стене помещения снаружи пристроено своеобразное сооружение из двух параллельных стен длиной более 6 м, отстоящих друг от друга на 1.5 м. Все пространство между ними разде-

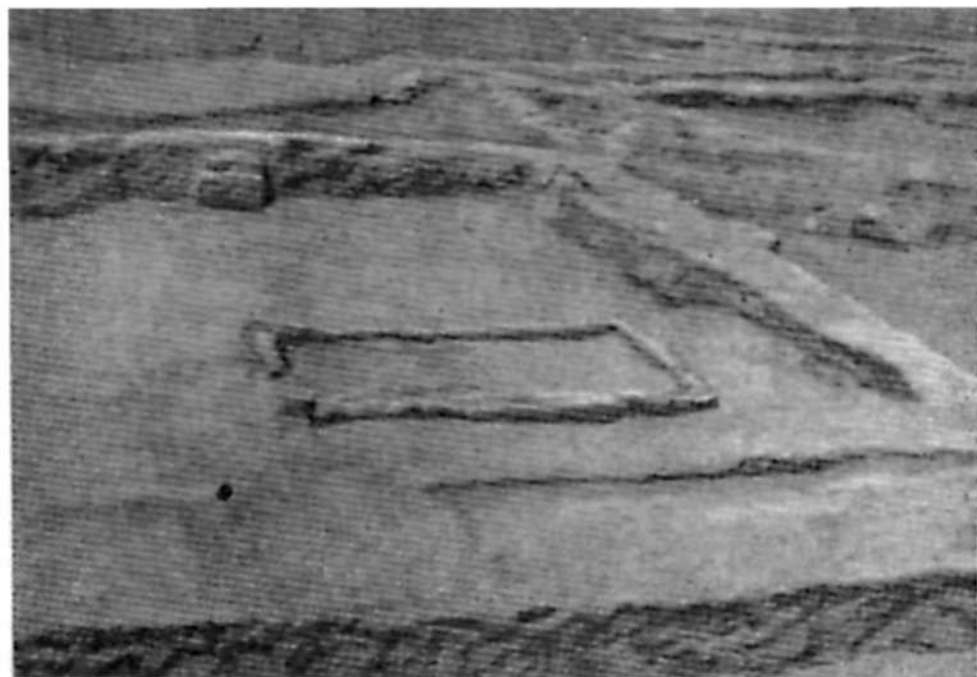

Рис. 13. Муллали-дере. Помещение 7.

лено на пять отсеков поперечными перегородками. Назначение этого сооружения неясно.

Помещение 13 прямоугольное в плане. Его северо-восточный угол отгорожен небольшим выступом. В западной стене, несколько выше уровня пола, при постройке стены оставлено три прямоугольных сквозных отверстия; они предназначались, по-видимому, для вентиляции помещения. Помещение 23 также является отдельным домом. В отличие от предыдущего в его юго-восточном углу помещался крупный бытовой очаг, приподнятый над уровнем пола и разделенный на две части. В меньшей горел огонь, другая, большая, была оформлена в виде гладкой горизонтальной площадки.

В южной части поселения расположено круглое здание 22; его диаметр 4 м. Нижняя сохранившаяся часть стен выложена из четырех рядов кирпича, т. е. имеет толщину около метра. Такая толщина стены может указывать на то, что подобные сооружения могли иметь ложносводчатые перекрытия. В северной части помещения отгорожен небольшой участок с обмазанной глиной ямой; на глинобитном полу комнаты находились четыре крупные зернотерки.

У помещения 13 и под помещением 20 расчищены помещения второго слоя. Одно из них (II,1) было перекрыто по диагонали отрезком обводной стены между помещениями 20 и 21. Очаг там не обнаружен; его площадь около 7 м². Два других дома расположены вне огражденного участка. Дом II,2 был перекрыт башней 20. Он имел вход с порогом и угловой бытовой очаг; его площадь около 10,5 м². Дом II,3 имеет площадь около 15 м²; слева от входа расположен очаг, справа — отгороженный угол. До пола помещение не почищено.

Вся расписная керамика Западного комплекса Муллали-депе делится на несколько групп. Местная керамика составляет подавляющее большинство (рис. 14, 1—8). Она представлена чашами, горшками с легким перегибом стенки и крупными корчагами. Все сосуды покрыты красным или зеленовато-белым ангобом, по которому нанесена роспись темно-коричневой краской.

Орнаментальные мотивы скупы и однообразны. Так, чаши и горшки украшены четырьмя параллельными линиями вдоль венчика, причем расстояния между ними иногда сокращены до 1—2 мм. Эти линии обычно соединены попарно перемычками. Другим характерным рисунком на чашах является горизонтальная полоса, от которой свисают концентрические дуги. Крупные корчаги украшены шевронами из широких полос, которых насчитывается до четырех.

Своеобразна небольшая группа местной посуды, узоры которой сложились под непосредственным воздействием привозных образцов из подгорной полосы. Это различные сочетания треуголь-

ников, внутреннее поле которых, как правило, заштриховано (рис. 14, 9—12).

Привозной посуды меньше, она насчитывает всего около десяти экземпляров. К ней относятся сосуды, украшенные полихромными узорами, характерными для продукции поселений Центрального района подгорной полосы Конет-Дага времени

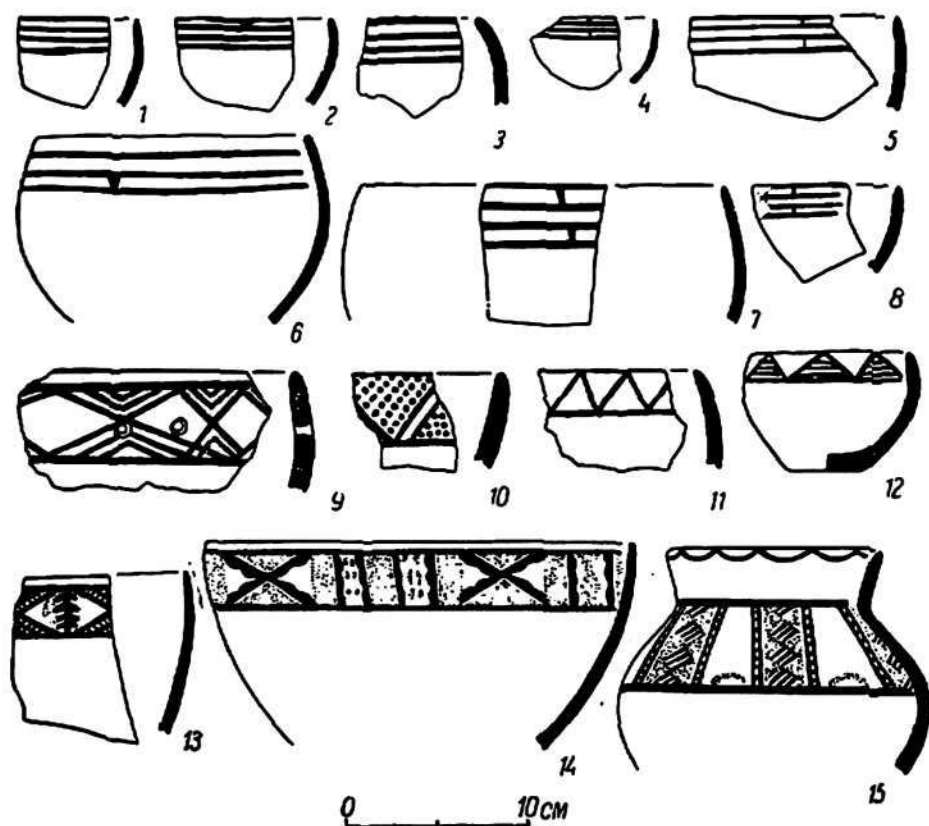

Рис. 14. Мултали-депе. Керамика из Западного комплекса.

Намазга II (рис. 14, 13—15). Среди довольно обычных образцов орнамента отмечено несколько оригинальных: стилизованное изображение человека и рисунок дерева, помещенный между двумя красными треугольниками.

Нерасписная посуда представлена преимущественно крупными корчагами и небольшими мисками. Кроме того, появляются красноангобированные миски со слегка загнутыми венчиками, более характерные для следующего по времени переходного (или раннегеоксюрского?) этапа, представленного в Восточном комплексе. Кухонные котлы имеют плотный серый черепок с примесью песка; у некоторых наблюдается слегка отогнутый венчик.

Производственный инвентарь представлен на поселении довольно полно. Найдены крупные зернотерки и несколько небольших пестов. К мелким орудиям относятся сланцевый шпатель, плоские веретенные напярсла, два кремневых наконечника стрел, служивших сверлами, три проколки, изготовленные из осколков трубчатых костей животных. Медные изделия представлены пронизкой из закрученного листка металла, обломком лезвия ножа и оригинальной поделкой в виде тонкого и широкого одно-стороннего лезвия на длинной (15 см) витой ручке; последняя напоминает бритву. Из глины изготовлены лишь конические веретенные напярсла и необожженные ядра для пращи яйцевидной формы.

Поделки из глины непромышленного характера найдены в Западном комплексе в небольшом количестве. К ним относятся два фрагмента (нижние части) женских статуэток из необожженной глины, выполненные с большим схематизмом. Две фигурки животных обожжены и довольно реалистичны. К этой же группе находок следует отнести четыре колесовидных предмета со слабо выраженной односторонней втулкой.

Восточный комплекс построек состоит из шести помещений и двух дворов. Кроме того, на территории Западного комплекса отмечены более поздние обрывки стен, перекрывающие некоторые помещения основного слоя и относящиеся ко времени существования Восточного комплекса. Сохранность комплекса в целом неудовлетворительная, так как стены сохранились на небольшую высоту. Это явилось причиной того, что дверные проемы не были обнаружены. Все помещения в отличие от Западного комплекса соединены друг с другом и представляют собой часть многокомнатного дома-массива.

Ни одно из вскрытых помещений не может быть названо безусловно жилым. Лишь в двух (5 и 6) отмечены на полу обогревательные круглые очажки типа сандалов. Кроме того, кладка стен, как правило, неаккуратная, не говоря уже о том, что отсутствует штукатурка на стенах и обмазка на полу. Возможно, помещение 3 использовалось для каких-то хозяйственных надобностей, поскольку там были найдены зернотерки, песты и раздавленные корчаги.

Керамика Восточного комплекса существенно отличается от найденной в Западном. Первое место по количеству занимает красноангобированная посуда без росписи различных форм (рис. 15, 14—18). Широко распространены чаши разной величины и профиля. Затем следует отметить сферические сосуды с узким горлом и четко выраженным венчиком. Редки широкогорлые сосуды с массивным совкообразным сливом. Как правило, все сосуды красного цвета, но на многих отмечаются серые пятна, иногда покрывающие значительную часть поверхности как наружной, так и внутренней.

Расписная посуда обнаружена в небольшом количестве. Во-первых, это группа чаш, украшенных полихромными узорами, которые характерны для ранних этапов развития геоксюрской росписи (рис. 15, 1—8). Во-вторых, пять небольших фрагментов

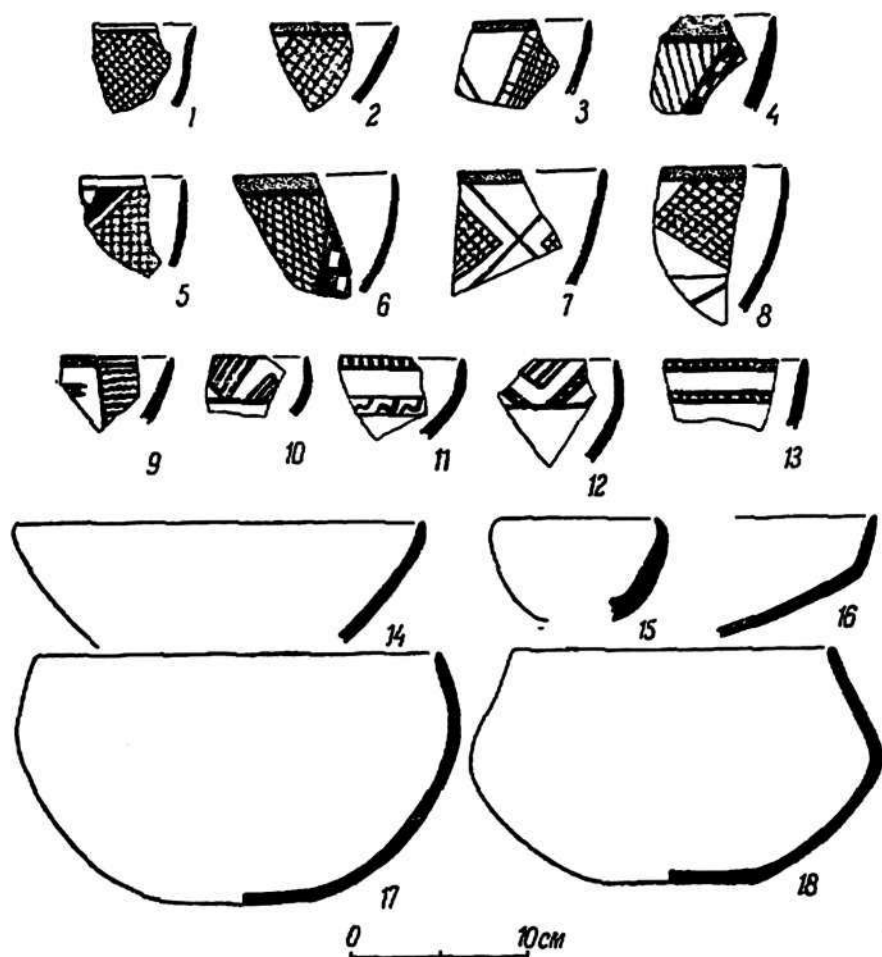

Рис. 15. Муллали-депе. Керамика из Восточного комплекса.

с монохромными узорами (рис. 15, 9—13), которые характерны для времени позднего Намазга II подгорной полосы (типа Кара 2).

Крупные корчаги и кухонные котлы совершенно такие же, как и в Западном комплексе.

Производственный инвентарь Восточного комплекса небогат. Изделий из меди и кости не найдено. Из камня сделаны зернотерки, песты и терочные камни. Веретенные напрядла (более 50 экз.) изготовлены из обожженной глины и мраморовидного камня.

Глиняные поделки состоят из шести обломков женских статуэток и фигурки козла из необожженной глины.

Поселение Геоксюр 5 (Чонг-депе) занимает наиболее южное положение среди древних поселений Геоксюрского оазиса и находится в 6 км на запад-юго-запад от холма Геоксюр 4. Холм овальный в плане и возвышается над уровнем окружающей его равнины несколько более 6,5 м; склоны, обращенные на восток и запад, пологие, на север и юг — крутые. Размеры его по линии север-юг 140 м, по линии восток-запад — 170 м. Холм был обследован в 1956 г.; в 1959 г. в центре его был заложен стратиграфический шурф,¹⁵ не доведенный до материка из-за большого объема работ. Вся толща культурных слоев может быть разделена видимыми в шурфе прослойками на 6—7 строительных горизонтов. В 1960—1961 гг. на западной стороне холма вскрыта часть планировки верхнего слоя на площади более 500 м².

В I—IV ярусах стратиграфического шурфа керамический материал представлен фрагментами посуды с полихромной росписью геоксюрского стиля. Кроме того, в IV ярусе найден обломок привозной чаши с росписью раннего Намазга III. В V ярусе расписной посуды не встречено. Преобладают фрагменты красноангобированных, иногда с лощением чаш, стаканов, а также толстостенных крупных корчаг зеленовато-белого цвета с прямыми стенками и венчиками. В VI—X ярусах преобладает краснофоновая ангобированная посуда с растительной примесью в тесте. Это чаши, украшенные орнаментом из четырех горизонтальных полос вдоль венчика, проведенных близко друг от друга (рис. 16, 2, 4, 6—9). Корчаги покрыты шевронным узором (рис. 16, 5).

Поселение Геоксюр 6 (Айна-депе) расположено в центре оазиса, в 4 км южнее холма Геоксюр 1. Это небольшой расплывчатый холм овальных очертаний высотой в 3,5 м (рис. 18, 1). Его размеры — 85 м с севера на юг и 115 м с запада на восток. Раскопки на холме производились в 1961 г. За время работ были вскрыты незначительные остатки помещений верхнего слоя, несколько построек второго слоя и ряд помещений третьего сверху слоя (рис. 17); постройки всех строительных горизонтов, мощность которых в среднем не превышает 60—65 см, возведены из сырцового кирпича размером 45 × 25 × 10 см. Раскопанная площадь приближается к 1000 м². Кроме того, небольшой шурф на восточном краю холма показал наличие по крайней мере еще двух, а то и более строительных горизонтов.

Верхний строительный горизонт сохранился плохо и то только в наиболее высокой части холма. Центральную часть верхней площадки занимает почти квадратное здание I, 1; полностью сохранилась лишь его северная стена длиной в 5,25 м, сложенная из

¹⁵ Там же, стр. 59—61.

двух рядов сырцового кирпича. Вход находился в западной стене; изнутри помещения, слева от входа, отмечен прямоугольный выступ. Пол был хорошо промазан и окрашен в черный цвет. К этому же горизонту относятся остатки двух круглых в плане помещений. Одно из них (I,2) имеет внутренний диаметр 5 м. От него отходят два отрезка стен толщиной в 50 см, которые по аналогии с синхронными поселениями этого же района можно

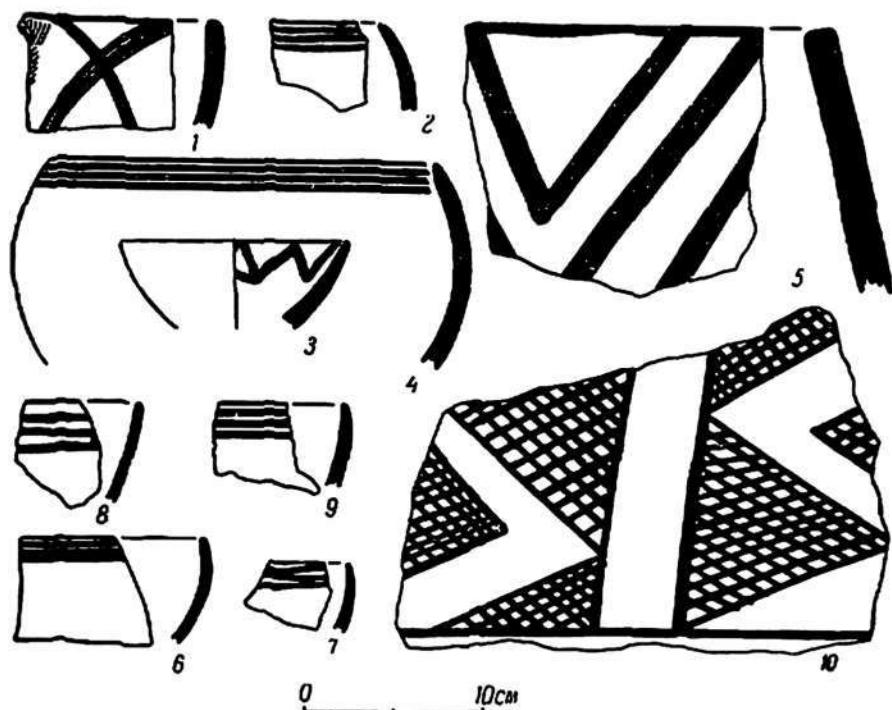

Рис. 16. Чонг-дене. Керамика из шурфа.

полагать частями ограды. Второе помещение I,3 сохранилось значительно хуже. Его диаметр достигает 3.2 м. Между этими круглыми помещениями зафиксирован развал кирпичной кладки; по всей вероятности, здесь проходил отрезок стены, соединявший их в древности.

Центральным помещением второго строительного горизонта был отдельно стоящий дом II,5, обнаруженный под домом I,1. Его стены выложены в один кирпич, дверь с боковым выступом находится в западной стене; его размеры 4.4×4.8 м. Снаружи, справа от входа, была найдена врытая корчага, урешенная росписью в виде шевронов. К югу от помещения II,5 расположено прямоугольное сооружение, состоящее из четырех небольших квадратных комнат, расположенных попарно по сторонам узкого коридора. Щелевидные проемы шириной в 15—20 см соединяют

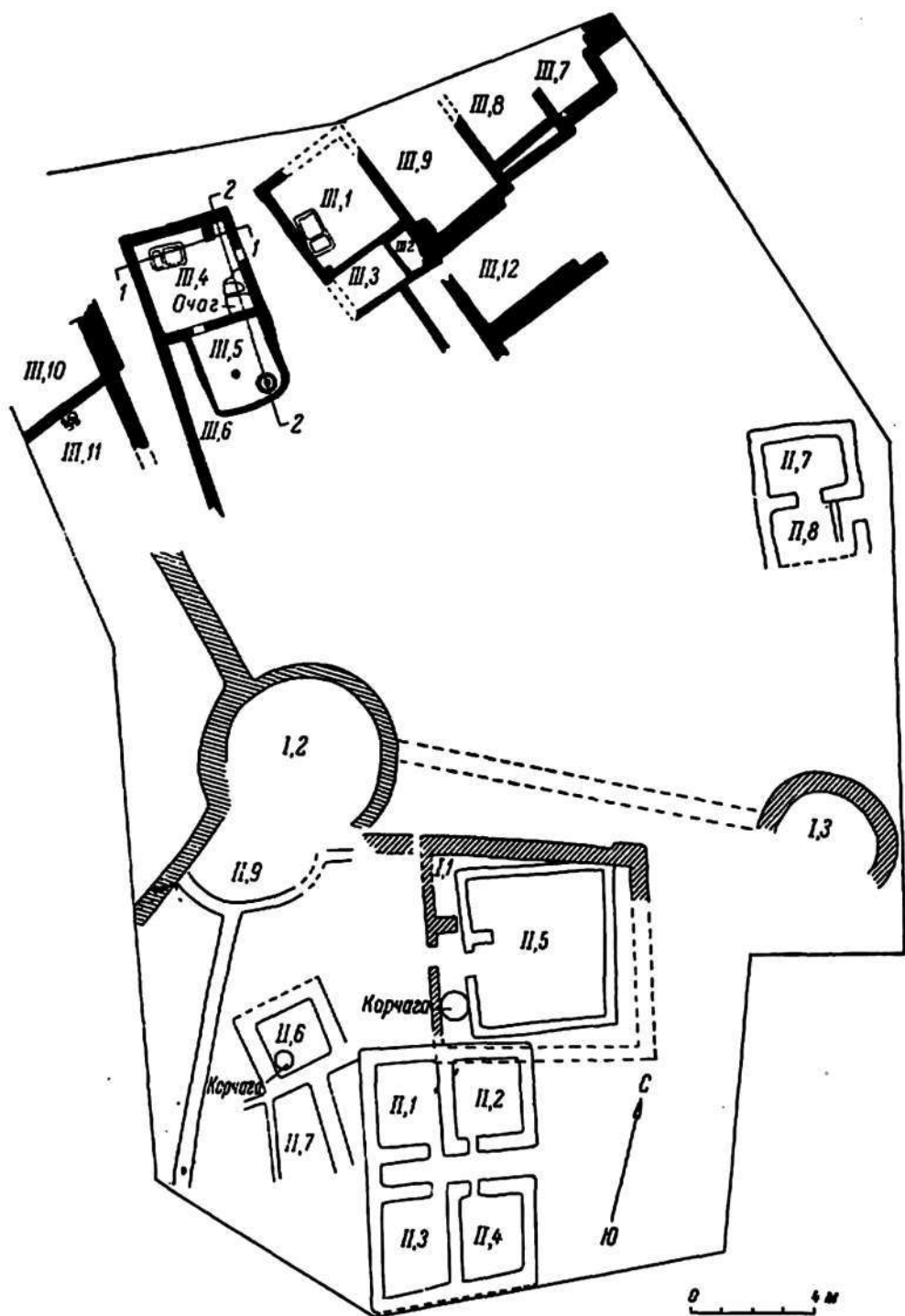

Рис. 17. Айна-депе. Планировка вскрытых частей поселения.

эти комнаты с коридором (рис. 18, 2). С запада комплекса указанных построек ограничен стеной, сохранившаяся часть которой

Рис. 18. Айва-дене.

1 — общий вид холма; 2 — группа помещений второго строительного горизонта.

достигает в длину 8,5 м. У северного ее конца отмечены остатки круглого в плане помещения II,9 (диаметр около 3 м); другой конец стены смыт. Это часть защитной ограды.

Ряд построек третьего строительного горизонта был вскрыт лишь на северном склоне холма. Прямоугольная комната III,1

(2.6 × 3.2 м) имеет стены настолько низкой сохранности, что это не позволило установить место входа. На полу у юго-западной стены расчищена прямоугольная глинобитная жаровня-подиум размером 1.4 × 0.75 м. По краю она обнесена валиком и разделена ступенькой на две части. К юго-восточной стене этого помещения примыкают два отсека, по-видимому, хозяйственного назначения; полы хорошо промазаны и их уровни выше, чем в помещении III,1, на 20 см.

Помещения III,4—6 отделены от предыдущих нешироким проходом. Первое из них (III,4) представляет собой почти квадратную комнату (3.1 × 3 м) с оштукатуренными стенами и глинобитным полом; в нее ведет хорошо сохранившийся проем шириной 40 см с высоким порогом. В восточном ее углу находится крупный бытовой очаг, приподнятый над уровнем пола и разделенный на две части. В одной из них в углублении отмечены следы огня, а другая часть представляла собой горизонтальную поверхность без следов прокаленности. В западной четверти здания на полу расположена уже знакомая нам глинобитная жаровня-подиум, окруженная валиком в 8 см высоты. Она разделена также на две разновысокие части; в большей отмечена прокаленная корка и неглубокая лунка около 20 см в диаметре, заполненная золой (рис. 19, 1—2).

В юго-восточной стене помещения III,4 сохранился дверной проем, через который можно попасть в смежную комнату III,5 размером 2.3 × 2.7 м. В юго-восточном ее углу расположен круглый жертвенник, образованный валиком высотой в 6—8 см и диаметром 70 см (рис. 19, 3—4). Внутренняя его поверхность имеет следы разведения пещинного огня, причем прокаленность пола усиливается от краев к центру. Поверхность эта не строго горизонтальна, а повышается к центру на 2—3 см, где сделано небольшое углубление 16 см в диаметре; именно на этом месте в древности разводился огонь. В центре помещения был найден небольшой горшок без росписи с выбитым дном.

Основными находками на Айна-депе являются фрагменты керамики, причем целых сосудов здесь почти не найдено. Вся керамическая коллекция разделяется на основные группы: расписная, перасписная и кухонная.

К первой подгруппе расписной керамики относится местная посуда, украшенная простой и однообразной росписью (рис. 20, 1—4), которую принято выделять в ялангачский тип. Крупные толстостенные корчаги покрыты либо шевронами, либо горизонтальными полосами вдоль венчика. Горшки украшены обычно также четырьмя линиями вдоль венчика, соединенными попарно в нескольких местах. Узор чаш двойной: это либо четыре линии вдоль венчика, либо одна горизонтальная полоса, соединенная

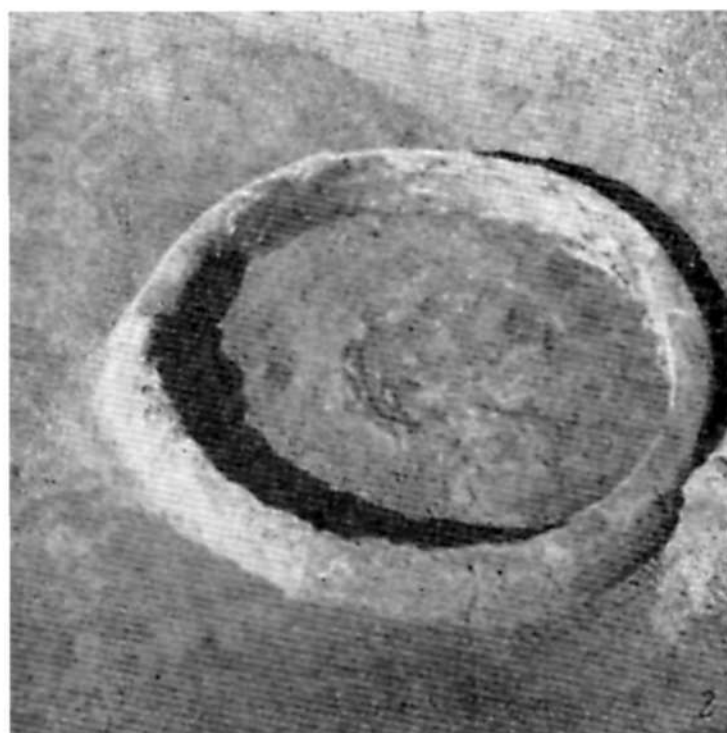
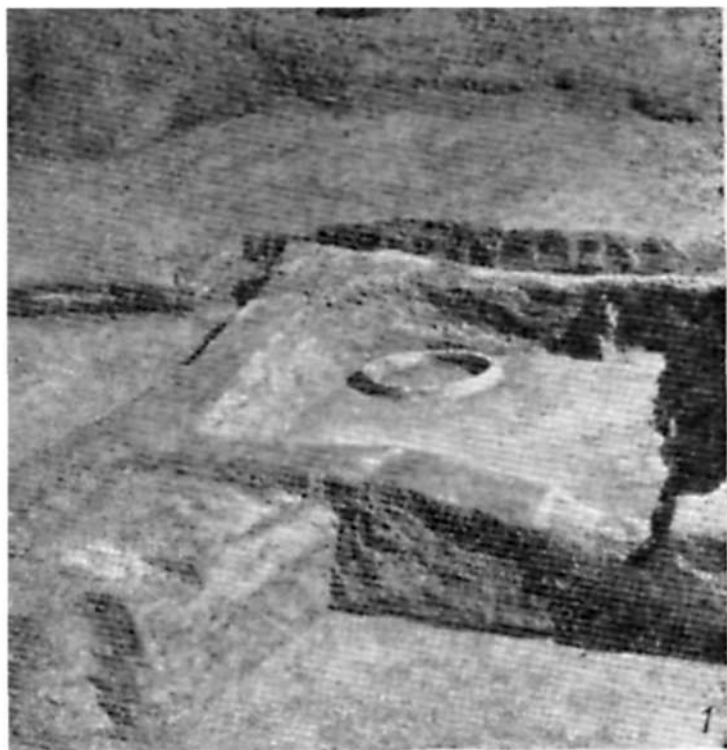

Рис. 19. Айша-дене. Третий строительный горизонт, помещения 4—6.

Рис. 19 (продолжение).

в нескольких местах вертикальными отрезками линий с краем венчика, а вниз от нее свисают дуги.

Несколько фрагментов со своеобразными узорами (рис. 20, 5—7) также относятся к местной посуде. Чаши (их найдено всего 11) имеют вдоль венчика широкий фриз, заполненный треугольными фигурами. Эта керамика особенно интересна, так как указывает на то, что местные мастера украшали свои изделия не только привычными ялангачскими мотивами, но и подражали

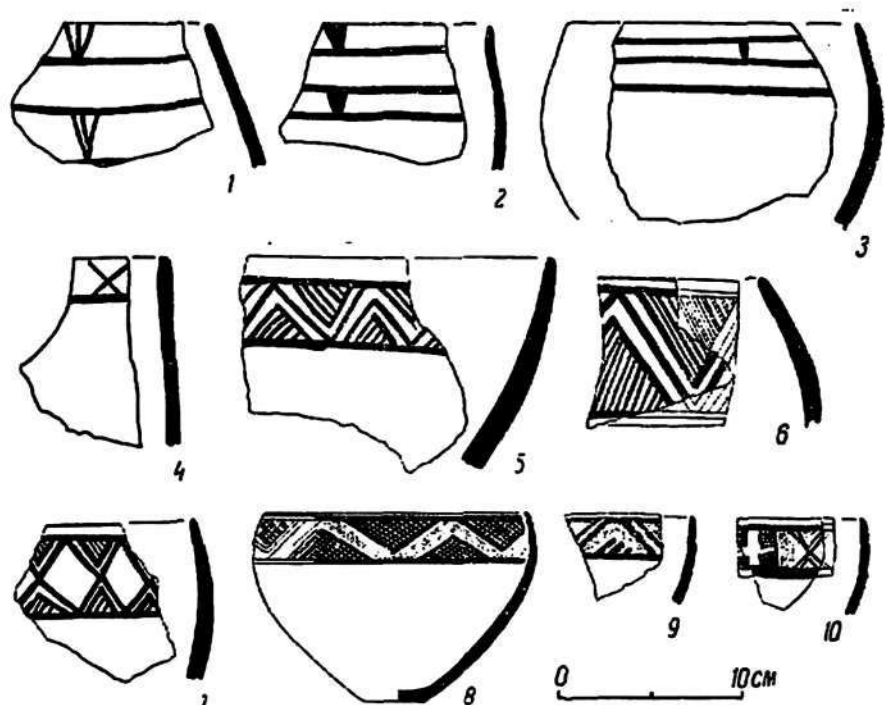

Рис. 20. Айна-депе. Керамика.

привозным образцам, представленным второй подгруппой расписной керамики.

Вторая подгруппа состоит из 20 фрагментов чаш, украшенных полихромными фризовыми узорами (рис. 20, 8—10). Это привозные сосуды из поселений подгорной полосы типа и времени Намазга II.¹⁶

Нерасписная посуда включает в себя корчаги и крупные чаши, толстостенные миски и сферические горшки с небольшим отогнутым венчиком.

Кухонная посуда представлена сферическими котлами разной величины с вертикальными или отогнутыми венчиками.

¹⁶ В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ БЗ—8, ч. II, 1962.

К производственному инвентарю относятся два медных пожа, несколько костяных шильев, три сланцевых шпателя, керамические и каменные напярсла, песты и зернотерки.

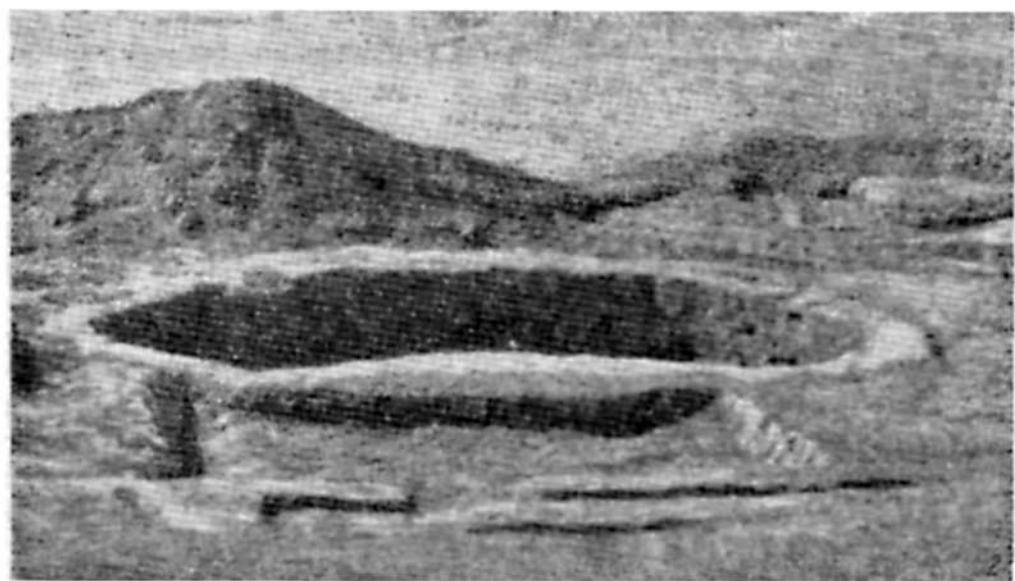

Рис. 21. Геоксюр 7.

1 — общий вид холма; 2 — помещение 1.

Поделки из глины представлены обломками пяти женских статуэток. Это сидящие фигурки с незначительной стеатопней. Положение рук различно: они изображены в виде отростков, а также целиком; последние согнуты в локте и поддерживают

грудь. Кроме того, из глины изготовлены статуэтка животного и несколько колес с односторонней втулкой.

Поселение Геоксюр 7 (рис. 21, 1) расположено также в центре оазиса, в 5 км на юг-юго-восток от холма Геоксюр 1. Оно очень вытянуто и контуры его расплывчаты (около 170 м с севера на юг и около 200 м с запада на восток), имеет возвышенную (около 5 м) северную часть. Поверхность холма поросла чахлой травой и усеяна мельчайшими обломками керамики, которая местами превратилась в крупный песок.

Южная часть более низкая, на нее надвинулась песчаная гряда, и она вся изрыта норами. В 1960 г. на северной части холма заложены два разведочных раскопа общей площадью 100 м², в которых были раскрыты части домов из сырцового кирпича. В 1961 г. один из разведочных раскопов был расширен до 250 м² (рис. 22) и там расчищено целиком два помещения (круглое и прямоугольное) и часть третьего.

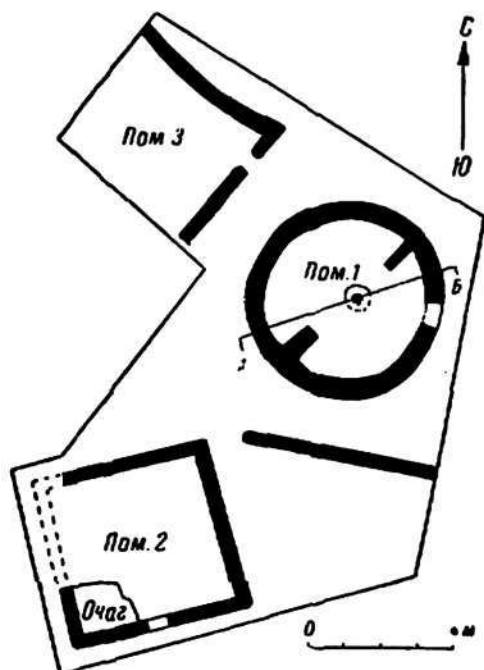

Рис. 22. Геоксюр 7. Планировка вскрытых частей поселения.

находится отверстие. Помещение 2 прямоугольное, почти квадратное; площадь его около 17 м². Юго-западный угол занимает крупный двухчастный очаг обычной для этого времени конструкции. Вход в этот дом находился, по-видимому, в южной стене. У помещения 3 вскрыты лишь две стены, одна из которых имеет проход.

Местная керамика с поселения Геоксюр 7 мало чем отличается от той, которая была найдена на Акча-депе или Муллали-депе. Это чаши с близко проведенными друг от друга параллельными линиями вдоль венчика (рис. 23, 1—4) и корчаги с шевронным узором. Кроме того, здесь обнаружены фрагменты от нескольких баночных сосудов; они украшены вертикальными полосами, внутри которых линии пересекаются так, что образуют сочетания треугольников (рис. 23, 6—8). Треугольники заполнены через

один либо косо́й штриховкой, либо сеткой. Лишь один фрагмент украшен полихромным рисунком, характерным для посуды подгорных поселений времени Намазга II. Впервые в столь раннее время отмечено появление сероглиняной посуды, столь распространенной в геоксюрском периоде: найдены фрагмент от бико-

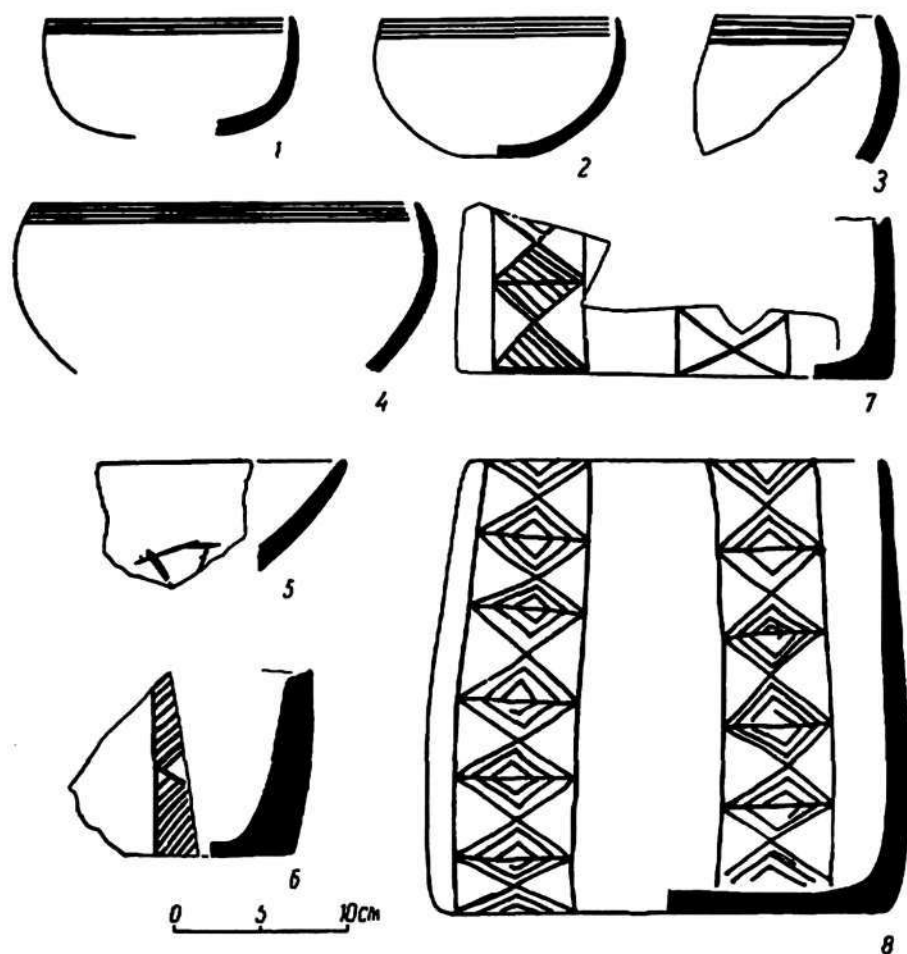

Рис. 23. Геоксюр 7. Керамика.

нического сосуда и небольшая чаша с острым ребром в месте перегиба венчика.

Нерасписная посуда представлена значительным количеством красноангобированных сосудов с черными пятнами и примесью гипса в тесте. Это чаши с наклоненным внутрь венчиком и обломок сферического сосуда с низким и резко отогнутым венчиком. Крупные чаши и тазы изготовлены из глины с растительной примесью; они не имеют красного ангоба. Найдены фрагменты кухонных котлов с отогнутыми венчиками.

Орудия производства представлены сланцевым долотом, костяным шпателем и двумя медными накопечниками стрел или дротиков. Веретенные напярсла конической формы изготовлены из глины; некоторые имеют воронковидное вдавление снизу, а часть украшена вдавленным орнаментом.

Глиняные женские статуэтки насчитывают всего три экземпляра: головка и два обломка торса. Кроме того, найдена головка из камня; у нее четко моделированное лицо и цилиндрический головной убор.

Поселение Геоксюр 8 (Дашлыджи-депе) расположено на северной окраине оазиса, в 6 км к северу от станции Геоксюр, и является самым маленьким из всех известных древнеземледельческих поселений не только этой группы памятников, но и подгорной полосы Копет-Дага. Его размеры — 45 × 38 м, высота 2 м. В 1957 г. были вскрыты его верхний и лежащий под ним строительные горизонты. На следующий год раскопки вскрыли третий и последний строительный горизонт. В результате памятник был раскопан целиком, что является первым и единственным случаем за всю историю изучения древнеземледельческих поселений Южной Туркмении.¹⁷

Остатки первого, верхнего строительного горизонта сохранились в центральной, наиболее возвышенной части холма. Расположение построек позволяет говорить о том, что все помещения образовывали несколько жилых комплексов. В северной части холма было вскрыто место, которое можно связывать с керамическим производством (см. гл. 4).

Второй строительный горизонт сохранился значительно лучше. Тут было расчищено 18 помещений, которые группируются в 4 самостоятельных комплекса (рис. 24). Из них следует упомянуть лишь о первом.

Комплекс 1 расположен в восточной части холма и состоит из помещений 1—6, а также примыкающего к ним с юга дворика. Помещение 1 площадью в 28.5 м² можно рассматривать в качестве центрального. Его стены покрыты зеленоватой штукатуркой без всяких растительных примесей; глинобитный пол имеет большое количество промазок и окрашен черной краской; местами под ней сохранилась красная краска. Вход находится в южной стене, а в юго-западном углу здания был сооружен прямоугольный очаг; его под приподнят на 15 см над уровнем пола. К северной стене примыкает широкая суфа. Она разделена на две части и отгорожена барьером высотой в 60 см из поставленных на ребро

¹⁷ И. Н. Хлощ. 1) Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена, стр. 100 и сл. 2) Дашлыджи-депе . . . , стр. 143—145; 3) Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, стр. 15, 16, табл. XVII, XVIII. — В связи с тем, что материал этого поселения уже издан достаточно подробно, здесь он излагается лишь в минимальном объеме.

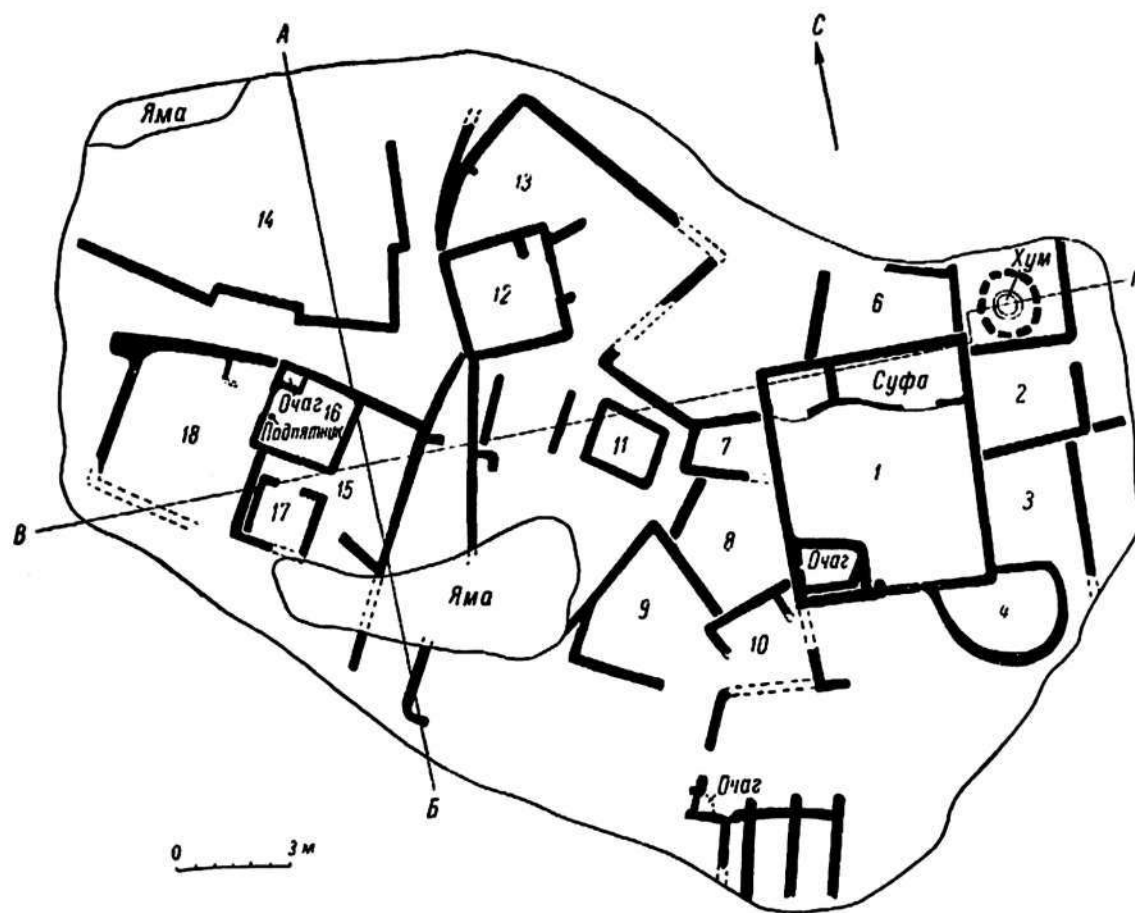

Рис. 24. Дашлыджи-депе. Планировка второго строительного горизонта поселения.

кирпичей. Суфа и барьер покрыты тщательно заглаженной зеленоватой штукатуркой.

Третий нижний строительный горизонт был сооружен непосредственно на материковом аллювии и состоял из 6—8 жилых комплексов.¹⁸

При раскопках Дашлыджи-депе было собрано значительное количество фрагментов керамики. Материал, относящийся к первому строительному горизонту, мало чем отличается от найденного во втором и третьем. Всю керамику можно разделить на три основные группы: покрытую орнаментом в виде росписи с растительными остатками в тесте, не орнаментированную совершенно, хотя и изготовленную из того же теста, и изготовленную из грубого теста с примесью песка и толченого камня и закопченную, которую принято называть кухонной.

Для всей без исключения керамики первой и второй групп характерно двустороннее покрытие ее ангобом, который имеет не всегда одинаковый цвет, зависящий, по-видимому, от режима обжига. Преобладает зеленовато-серый ангоб, который бывает более или менее светлым; небольшая часть сосудов покрыта блекло-красным ангобом. На ряде сосудов ангоб сильно заглажен до блестящей поверхности, так что можно уже говорить о применении лощения при обработке грунта под роспись. Краска обычно более или менее интенсивного коричневого цвета; иногда она приближается к красной.

Расписная керамика (рис. 25) представлена горшками, корчагами, чашами и мисками, причем только последние две формы посуды имеют внутреннюю роспись. В целом орнаментальные мотивы состоят из геометрических фигур, преимущественно треугольников и ромбов, с различным заполнением поверхности, а также лент и шевронов. Вся система орнаментации характерна для поздних этапов периода Намазга I.

Нерасписная посуда представлена также корчагами, горшками и чашами. Кроме того, встречены фрагменты сосудов со сливами, керамические септики и обломки архаичных «салатниц» — прямоугольных в плане сосудов. К разряду кухонной посуды относятся котлы со сферическим туловом и небольшим венчиком.

Производственный инвентарь представлен большим набором керамических напярсел группевидной формы, поделками из камня, костяными шильями и медной проколкой.

На поселении найдено две оригинальные женские статуэтки (рис. 26), причем одна из них целая; около 15 фигурок животных (козлов и быков) из необожженной глины и неопределенные

¹⁸ В предыдущих работах (Дашлыджи-депе. . . стр. 143) содержалось ошибочное заключение о том, что третий строительный горизонт Дашлыджи-депе состоял всего из четырех жилых комплексов и одного неопределенного (хозяйственного).

конические поделки, служившие, вероятно, фишками для какой-то игры.

Последнее поселение оазиса, поселение Геокюр 9, было открыто в 1959 г. Этот небольшой расплывчатый холм овальных очертаний, высотой около 3 м, расположен на крайнем юго-западе Геокюрского оазиса. Его размеры 104 м с запада на восток и 88 м с севера на юг (рис. 27).

В 1961 г. была вскрыта верхняя площадка холма на площади около 750 м² (рис. 28). Здесь обнаружено 12 отдельных помещений,

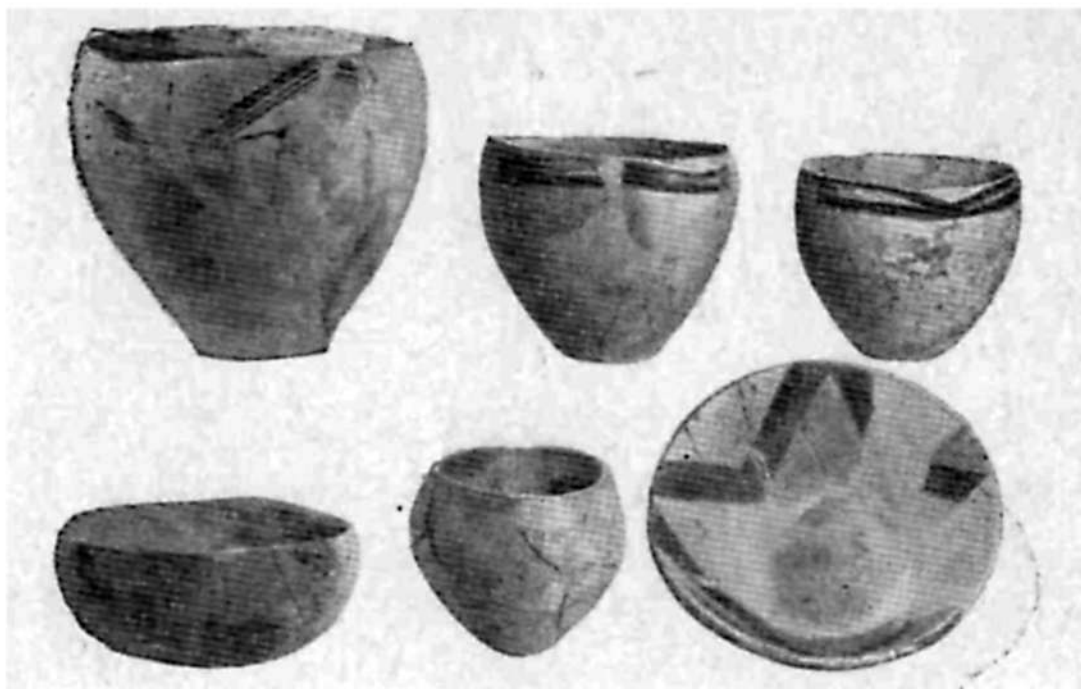

Рис. 25. Дашлыджи-депе. Керамика.

7 из которых сохранились целиком. Все здания построены из прямоугольного формованного сырцового кирпича размером 40×25×10 см.

Весьма примечательны помещения 4 и примыкающее к нему помещение 3. Первое из них почти квадратное (площадь его 24.5 м²); оно имеет стены двойной толщины, хорошо выполненный дверной проем с порогом, слева от которого — выступ с пристроенной к нему Г-образной стенкой. Второе служит как бы его вестибюлем.

Самым крупным является помещение 6 (45 м²). Снаружи плоскости его стен расчленены пилястрами. Вход находился в восточной стене; изнутри, слева от него, небольшой выступ. Помещения 7 (19.5 м²) и 10 (12 м²) были, по-видимому, жилищами. Однако очаги в них отсутствуют.

Кроме указанных помещений, обнаружены остатки оборонительной ограды. От круглого помещения 9 (диаметр 3.5 м)

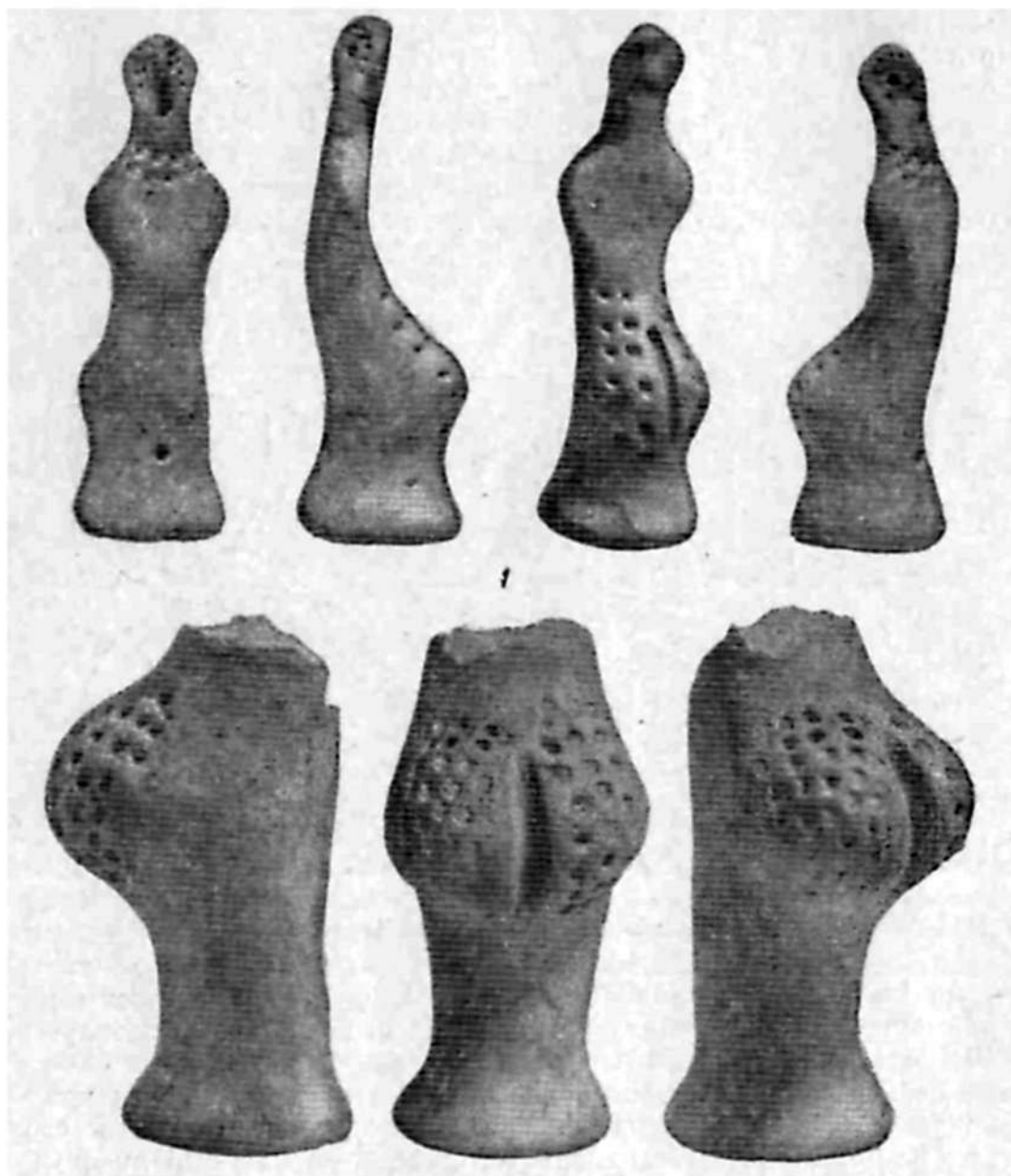

Рис. 26. Дашлыджи-депе. Женские статуэтки.

со стенами метровой толщины отходит прямой отрезок стены в западном направлении; длина его почти 10 м, а ширина 50—60 см.

Поселение Геоксюр 9 самое бедное по найденному там мате-

Рис. 27. Геокюр 9. Виды раскопок поселения.

риалу, в том числе и по керамике. Подавляющее количество посуды представлено фрагментами сосудов красного цвета с черными пятнами. Преобладают чаши и миски; кроме того, встречены обломки сферических сосудов с узким горлом и небольшим

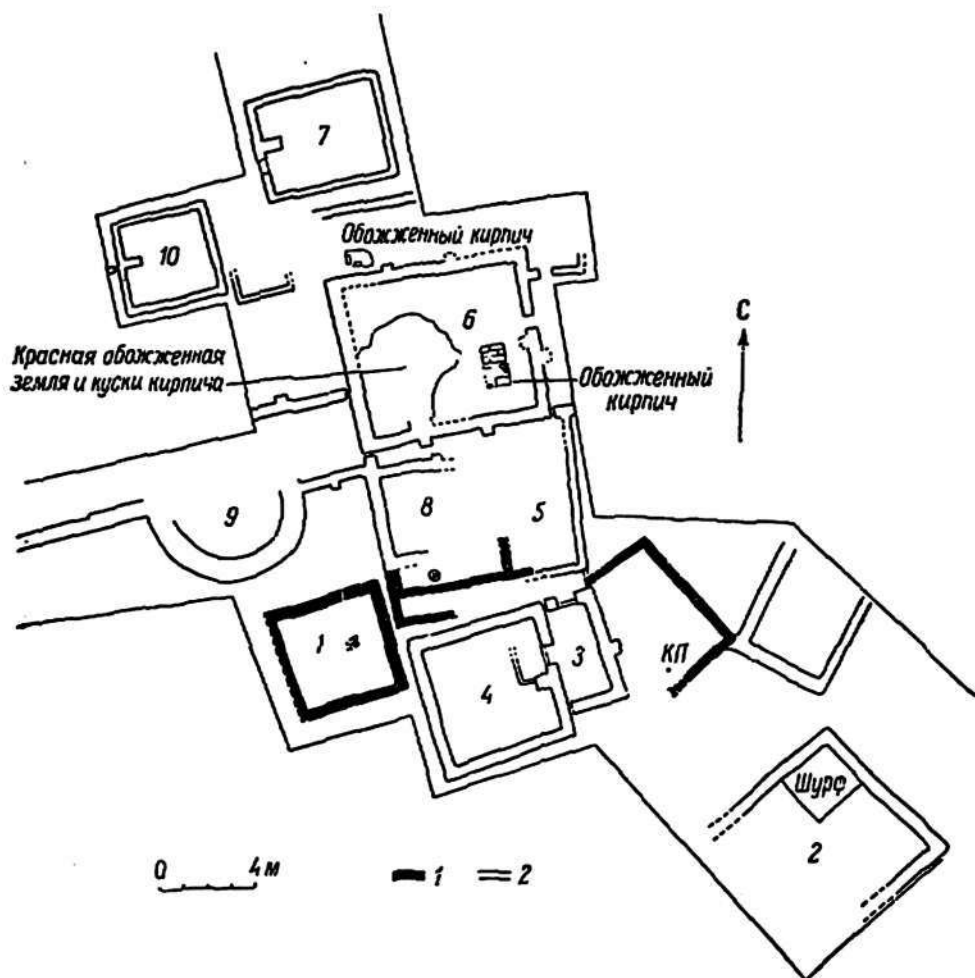

Рис. 28. Геоксюр 9. Планировка.

1 — остатки стены верхнего строительного горизонта; 2 — стены основного строительного горизонта.

вертикальным венчиком и крупных сосудов с широким устьем и массивным квадратным в сечении сливом. За этой группой посуды в количественном отношении следуют обломки корчаг, иногда украшенных шевронами.

Небольшие расписные чаши украшены четырьмя близко расположенными горизонтальными полосками (рис. 29, 1—2), а миски имеют на внутренней поверхности рисунок дерева. Особо необходимо отметить цилиндрический красноангобированный сосуд

из пористого теста, который украшен широкими вертикальными полосами. Эти полосы имеют внутри ромбические просветы и треугольнички с заштрихованной серединой (рис. 29, 4). Несколько фрагментов украшено полихромной росписью типа раннего Намазга II и один фрагмент — монохромной росписью типа позднего Намазга II (рис. 29, 3). Пять фрагментов покрыты раннегеоксюрскими сетчатыми узорами.

Орудий производства найдено мало: зернотерки, три каменных песта и один круглый терочный камень. Кроме того, най-

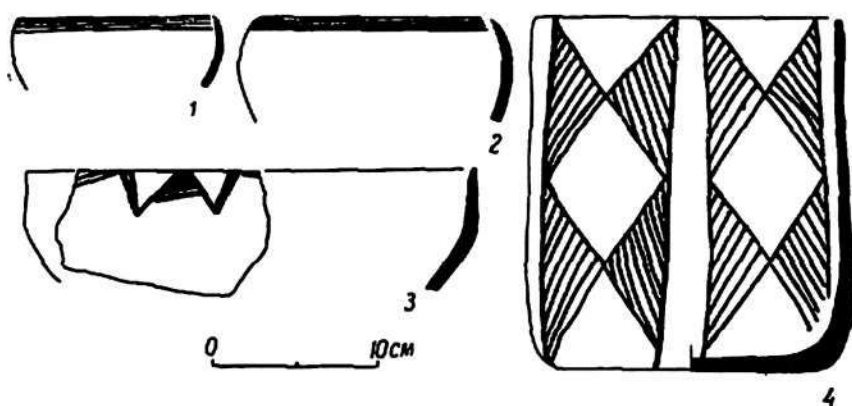

Рис. 29. Геоксюр 9. Керамика.

дено два сломанных медных предмета: нож и проколка, несколько костяных шильев и один костяной вязальный крючок, керамические и каменные веретенные напрасла и глиняные ядра для пращи.

Антропоморфная скульптура представлена двумя обломками глиняных статуэток (нога и часть торса) и одним обломком каменной (голова). Кроме того, найдена слегка обгорелая фигурка барана и шесть глиняных колес с односторонней втулкой.

Кроме названных девяти холмов, на такырах, главным образом к западу от Дашлыджи-депе, встречаются скопления фрагментов керамики времени Намазга I, развезенные по значительной площади и отчетливо видимые на такырной корке. По всей видимости, это остатки отдельных домов, которые существовали недолго и в связи с этим не послужили основой для искусственного холма — тепе.

Г л а в а 2

ВОПРОСЫ СТРАТИГРАФИИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ

Основными и определяющими находками на всех древнеземледельческих поселениях не только Южной Туркмении, но и всего Переднего Востока являются керамические изделия. Развитие орнаментации и форм сосудов было положено в основу всех без исключения стратиграфических колонок, при помощи которых многотысячелетняя дописьменная история древних общин была разбита на ряд этапов, или, как их многие называют, культур. В ряде случаев эти этапы являются чисто условными и зависят от изменения форм или орнамента, но ими всегда оперируют, поскольку керамика и ее орнаментация очень легко поддаются изменениям.

Для расчленения истории древнеземледельческих племен Южной Туркмении на этапы различной продолжительности принято несколько схем. Так, Г. Шмидт предложил деление слоев поселения Анау на 4 культуры Анау: I, II, III и IV.¹ Б. А. Куфтин, более детально изучивший в 1952 г. 30-метровые напластования холма Намазга-деше у Каахка, заменил эту устарелую периодизацию шестью этапами — Намазга I—VI.² В настоящее время принята последняя периодизация, хотя некоторые исследователи все еще «по старинке» употребляют классификацию Пампелли—Шмидта. Однако деление культуры по Намазга тоже не может считаться окончательным, поскольку за истекшие годы археологи обнаружили достаточное количество фактического материала, для того чтобы внести в существующую схему значительные добавления и исправления.

¹ H. S c h m i d t. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. См. кн.: R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan, vol. I. Washington, 1908.

² Б. А. К у ф т и н. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 260—290.

Ныне принятая стратиграфическая колонка памятников подгорной полосы такова: наиболее ранний этап культуры древних земледельцев Южной Туркмении представлен неолитическим Джейтунским поселением и несколько более поздними поселениями — Чопан-депе, Чагаллы-депе и Монджуклы-депе. За ним, возможно, после некоторого временного разрыва следует этап Анау IА. В перекрытом состоянии он был зафиксирован только в западном и центральном районах (Анау, Оводан-депе, Коушутское поселение). Этот этап сохранил свое прежнее наименование, поскольку на Намазга-депе он не был обнаружен. Дальнейшее соотношение культурных напластований Анау и Намазга-депе представлено в таблице 1 (по В. М. Массону).³

Таблица 1

Неолит	Энеолит				Бронзовый век				
	IA	IB	II	—	III	IV			
—	IA	IB	II	—	III	IV	—	Анау (по Г. Шмидту).	
Джейтун	—	I	II	III	IV	V	VI	—	Намазга (по Б. А. Куфтину).

Для центрального района подгорной полосы членение на культурные этапы Намазга I—III обусловлено следующим: переход от Намазга I к Намазга II характеризуется появлением полихромной росписи на посуде; переход от Намазга II к Намазга III — появлением зооморфного орнамента в качестве ведущего, вызванного, вероятнее всего, инфильтрацией населения из северо-восточного Ирана, принесшего с собой изображение «барсов». Эти признаки оказываются несостоятельными для членения стратиграфической колонки Геоксюрского оазиса, ибо появление западной полихромной росписи и зооморфного орнамента в этом районе можно рассматривать как результат определенных межплеменных контактов. В настоящее время в результате произведенных работ накоплено достаточно фактов, дающих возможность разместить во времени все описанные поселения Геоксюрского оазиса и сделать заключение об их относительной хронологии.

Керамика из большого стратиграфического шурфа на поселении Геоксюр 1,⁴ из шурфов на других памятниках и из верх-

³ В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 295.

⁴ В. И. С а р и а н д и. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 1, стр. 141 и сл.

них строительных горизонтов всех поселений оазиса позволила не только связать воедино все памятники, но и установить их соотношение с основными памятниками подгорной полосы Копет-Дага. За основу была взята стратиграфическая колонка Геоксюра и к ней «привязаны» все другие поселения этой группы. В сочетании с результатами геоморфологических исследований сложилось представление об основных периодах истории и культуры древнего населения этих мест, оставившего изолированную группу памятников. Время существования Геоксюрского оазиса было разделено на три периода: дашлыджинский, ялангачский и геоксюрский.⁵

Д а ш л ы д ж и н с к и й период синхронен последним этапам времени Намазга I. Характерная для этого периода керамика была найдена во всех трех строительных горизонтах Дашлыджи-депе и в двух нижних строительных горизонтах Геоксюра 1. Кроме того, ряд наблюдений позволил установить, что слои этого периода подстилают холмы Ялангач-депе, Акча-депе, Айна-депе и, вероятно, Геоксюр 7. Керамика этого периода украшена одноцветной росписью геометрического характера (рис. 30), которую принято относить к стилю Намазга I.⁶ Она распространена по всей Южной Туркмении, но для Геоксюрского оазиса отмечаются некоторые локальные особенности.

Я л а н г а ч с к и й период синхронен времени раннего Намазга II подгорной полосы. В оазисе существуют восемь поселений (кроме Дашлыджи-депе). Слои с характерной ялангачской керамикой пройдены в шурфах на поселениях Геоксюр 1 (7—4 строительных горизонта) и Чонг-депе (VI—X ярусы); верхние слои Ялангач-депе, Айна-депе, Акча-депе, Геоксюра 7, Муллали-депе (Западный комплекс) и в какой-то степени Геоксюра 9 относятся к этому же периоду. Кроме того, из сравнительного анализа керамики вытекает, что верхние слои первых двух поселений можно полагать более ранними, а последних

⁵ Подробная характеристика трех периодов содержится в статье Г. Н. Лисяцкой, В. М. Массона, В. И. Сараниди и И. Н. Хлопина «Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.)» (САИ, 1964, в печати).

⁶ Первоначально и предлагаемую работу была включена специальная глава, посвященная разбору систем орнаментации керамики Южной Туркмении времени Намазга I—Намазга III. Но, во-первых, орнаментация керамики времени и типа Намазга I подробно рассмотрена в САИ БЗ-8, ч. I (И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении), во-вторых, готовится к печати выпуск САИ БЗ-8, ч. III (И. Н. Хлопин. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении), где будет дана подробная публикация и анализ в основном керамического материала времени Намазга II. Поэтому автор считал возможным изъять из предлагаемого исследования главу об орнаментации керамики и включить ее в соответствующие выпуски САИ.

двух — непосредственно примыкающими к следующему геоксюрскому периоду.

Орнаментация керамики этого периода (рис. 31) делится на

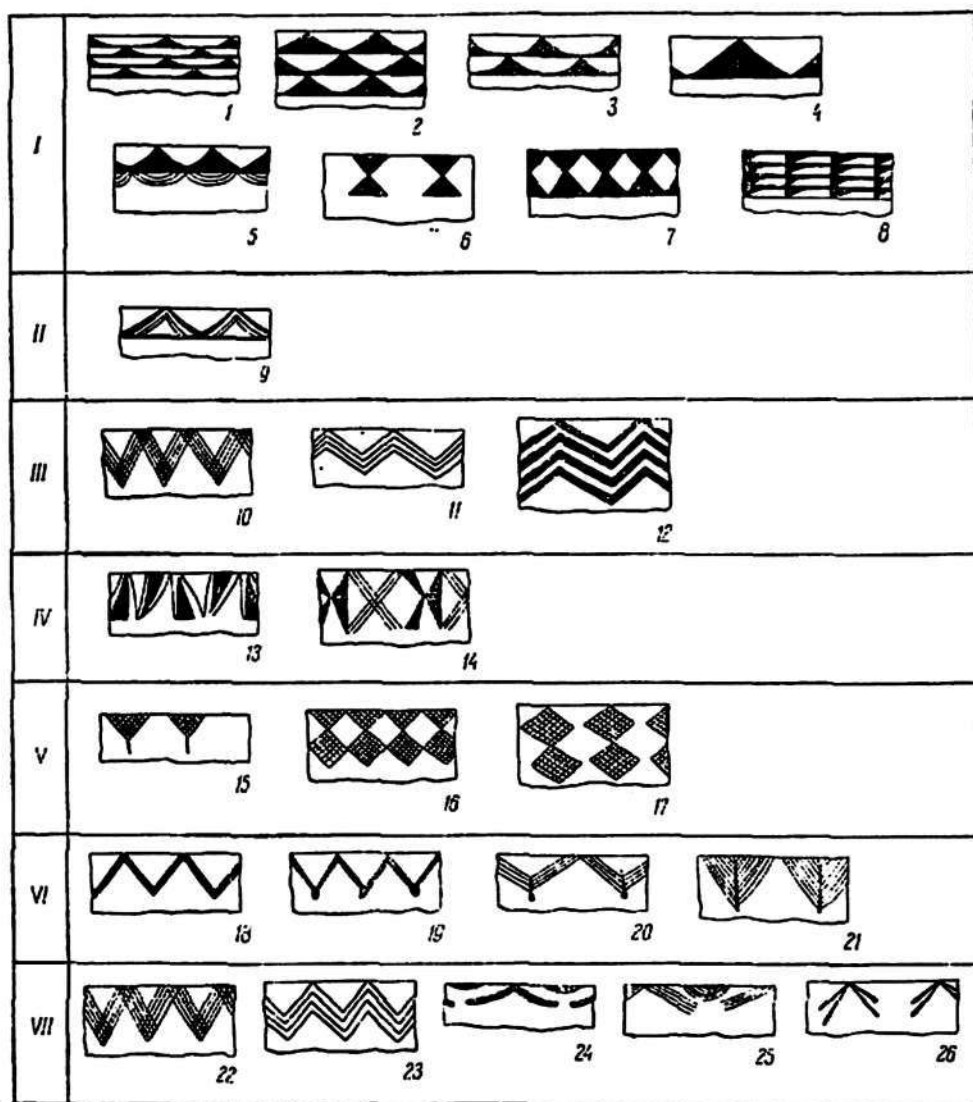

Рис. 30. Основные мотивы орнаментации керамики дашлыджинского периода.

два хронологически последовательных этапа. Более ранняя содержит в себе две группы. К первой относится посуда местного производства, украшенная преимущественно четырьмя горизонтальными полосами вдоль венчика, которые соединены попарно в нескольких местах. Эти мотивы обязаны своим происхождением росписи Намазга I. Ко второй группе относится привозная керамика, украшенная полихромной росписью, из поселений

подгорной полосы Конет-Дага, которая там характеризует период Намазга II.⁷

Керамика позднего этапа состоит из трех групп. К первой по-прежнему относится местная посуда с четырьмя поясками; она отличается от ранней тем, что полоски сильно сближены и,

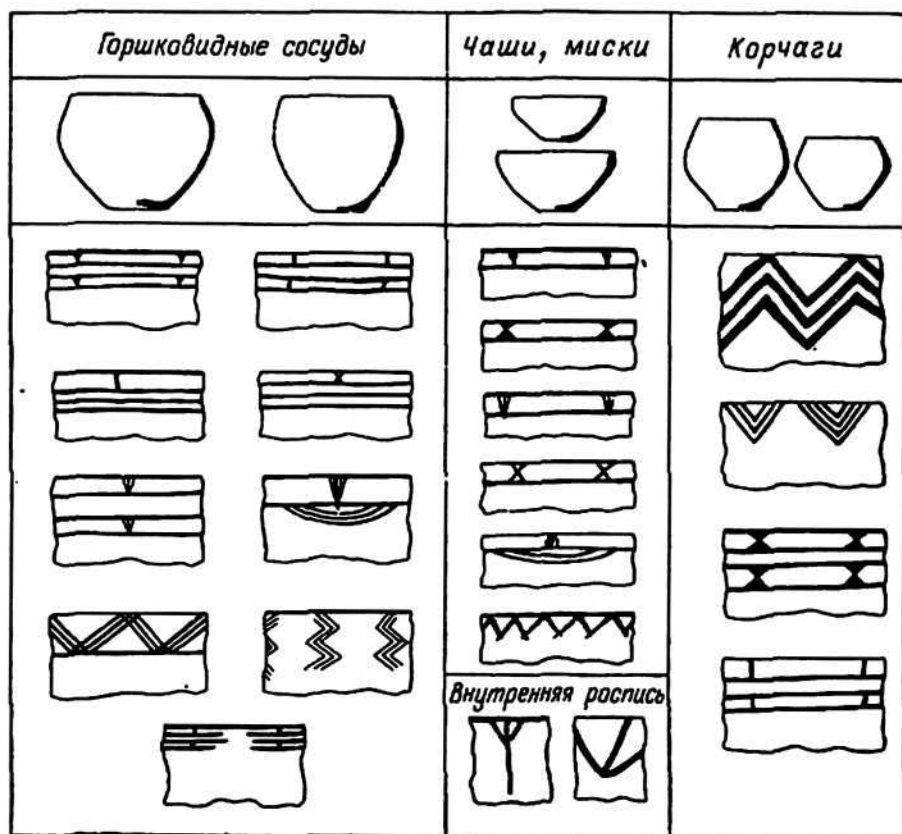

Рис. 31. Основные мотивы орнаментации керамики ялапгачского периода.

кроме того, в ряде случаев отсутствуют знакомые нам перемычки. Вторая группа объединяет привозную посуду с полихромной росписью Намазга II. Третья группа немногочисленна: это чаши и баночные сосуды, украшенные различными сочетаниями треугольников и ромбов. Эта посуда является местным подражанием в монохромной манере полихромной орнаментации керамики с поселений подгорной полосы типа Намазга II.⁸

⁷ Подробнее см.: В. М. М а с с о н. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. II; Н. Н. Х л о п п и н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. III (в печати).

⁸ Н. Н. Х л о п п и н. Псевдодубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении. КСИА АН СССР, 1964, вып. 101.

Геооксюрский период относится к рубежу Намазга II и Намазга III и завершает существование Геооксюрской группы поселений. Этот период делится также на два этапа. На раннем этапе (к нему можно отнести и так называемый переходный период) происходит концентрация населения только на двух поселениях — Геооксюр I и Чонг-депе. Остальные поселения прекращают свое существование либо в конце предыдущего периода, либо в самом начале этого. На позднем этапе еще существует поселение Геооксюр I, но вскоре оно оставляется жителями и жизнь продолжается только на Чонг-депе; последнее переживает Геооксюр I. Остатки населения уходят на юг и в 18 км от Чонг-депе основывают новое поселение — Хапуз-депе.

Керамика геооксюрского периода представлена оригинальной расписной посудой, анализ которой не является темой нашего исследования.⁹ Однако здесь можно отметить, что полихромная роспись керамики этого периода, как мы считаем, сложилась целиком на местной основе, а ее прототипом явились узоры на керамике из поселений подгорной полосы предыдущего периода, т. е. полихромная роспись типа Намазга II (см. гл. 5).

Как указывалось выше, развитие поселений Геооксюрского оазиса было неразрывно связано с древнетедженской дельтой. Отступление дельты, вызванное неотектоническими движениями предгорных районов Туранской низменности, обусловило постепенное оставление оазиса жившими там людьми; население уходило вслед за отступающей водой. Когда вода ушла окончательно, жизнь в этих местах прекратилась.

Такова в общих чертах история Геооксюрской группы поселений. Однако ряд наблюдений позволяет ее существенно уточнить и детализировать. Эти наблюдения были проведены над объективными данными — высоты и площади холмов и средняя толщина их строительных горизонтов. Взаимосвязь названных данных и их соотношение с картой Геооксюрского оазиса, что до сих пор обычно выпадало из поля зрения исследователей, дали интересные и неожиданные результаты.

Высота и площадь холма получены при помощи простых измерений. Другое дело — средняя мощность строительного периода. Для этого надо учесть степень сохранности стен на раскопанных памятниках, а также мощность строительных горизонтов в шурфах; последнее, как правило, отчетливо улавливается по прослойкам полов и уровням прорезанных стен. Средняя толщина строительного горизонта, вычисленная по материалам пяти поселений: Дашлыджи-депе, Ялангач-депе, Муллали-депе, Чонг-депе и Геооксюр I, — 60 см. После этого нетрудно узнать количество

⁹ В. И. Сариниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ ВЗ-8, ч. IV (в печати).

строительных горизонтов в каждом памятнике, разделив его высоту на 60 см.

При вычислении количества строительных горизонтов холмов надо иметь в виду, что полученные цифры не являются абсолютными, так как в отдельных случаях возможны колебания в пределах одного-двух горизонтов. Кроме того, известно, что мощность культурных напластований холмов обычно превышает их высоту над уровнем окружающей равнины. Однако это превышение примерно одинаково для всех холмов, поскольку нарастание почвенного слоя, а также отложение делювия про-

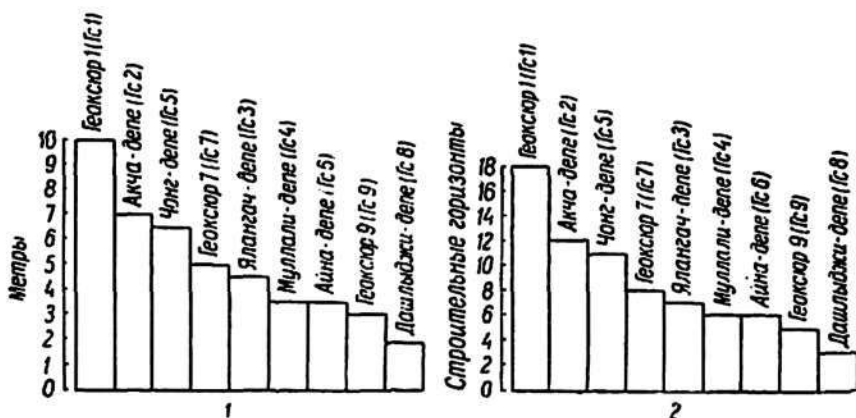

Рис. 32. Относительные высоты поселений Геоксюрского оазиса.

1 — в метрах; 2 — в строительных горизонтах.

исходило более или менее одинаково, что объясняется равнинным характером местности. Поэтому можно полагать, что при наших вычислениях разница в мощности культурных напластований и в действительной высоте холма практически существенного значения не имеет.

Таким образом, мы получили ряд цифр (рис. 32, 1—2), каждая из которых соответствует количеству строительных горизонтов в толще холма. Но сразу бросается в глаза, что количество строительных горизонтов поселения Геоксюр 1 почти удвоено против того, которое было установлено в шурфе; там их 10, а мы приняли, что их было 18. Причиной этому послужила огромная площадь холма (около 12 га) и обнаружение погребений не только в верхнем строительном горизонте, но и в глубине холма, в слоях ялангачского времени.

Как известно, покойники, во всяком случае взрослые, никогда не погребались под полами функционировавших жилищ. Для этого использовались временно не занятые постройками участки холма. Люди, жившие на одной половине холма, на второй устраи-

вали кладбище; по прошествии какого-то времени забрасывались старые дома и строились новые на том месте, где прежде было кладбище. Старые погребения в результате этого оказывались под новыми домами и наоборот. Поскольку в разных местах холма на его склонах отмечаются находки типично ялангачской керамики, мы вправе считать, что в ялангачское время поселение занимало достаточно большую площадь, близкую к площади холма. Но поскольку одновременно была обжита только часть холма, а другая была использована под кладбище, то начиная с восьмого строительного горизонта мы удвоили число последующих строительных горизонтов. Не исключена возможность, что в действительности их было больше.

Теперь мы знаем относительное количество строительных горизонтов в каждом поселении; кроме того, нам известен материал верхнего строительного горизонта каждого из них и его соответствие определенному строительному горизонту шурфа поселения Геоксюр 1. Отложив в нужном масштабе стратиграфическую колонку Геоксура 1, можно «привязать» к ней все поселения оазиса следующим образом: поместив верхний строительный горизонт каждого поселения против соответствующего ему по материалу горизонта Геоксурской колонки, опустим вниз определенное выше количество строительных горизонтов. Получившаяся стратиграфическая таблица (рис. 33) позволяет сделать ряд интересных заключений.

В таблице отчетливо видно, что наиболее древними являются три поселения оазиса: Дашлыджи-депе, Акча-депе и Геоксюр 1. Причем мы можем допустить, что первые два поселения были основаны несколько раньше Геоксура 1. Остальные три поселения — Ялангач-депе, Айна-депе и Геоксюр 7 — возникают позднее трех предыдущих, причем два последних захватывают самый конец дашлыджинского периода.

Ялангачский период характерен наибольшим числом обжитых поселений; их восемь, как это было известно и раньше. Однако следует обратить внимание на одно обстоятельство: все три поселения, основанные в конце предыдущего периода, прекращают свое существование в середине или второй половине текущего периода. Зато примерно в это же время возникают три других поселения: Муллали-депе, Геоксюр 9 и Чонг-депе. Кроме того, в конце этого периода прекращается жизнь на Акча-Деде.

Переходный период, который, по-видимому, справедливее будет считать раннегеоксюрским, зафиксирован всего на четырех поселениях, причем для двух из них (Муллали-депе и Геоксюр 9) он был последним. В геоксюрское время жизнь в оазисе продолжается только в двух местах; после прекращения жизни на Геоксуре 1 в течение нескольких строительных периодов она существует только на Чонг-деде.

Таков результат формального рассмотрения стратиграфической таблицы. На первый взгляд она мало чем отличается от всего известного ранее, кроме установления неодновременности существования поселений ялангачского времени. Однако, как мы увидим ниже, эта таблица в сочетании с картой оазиса поз-

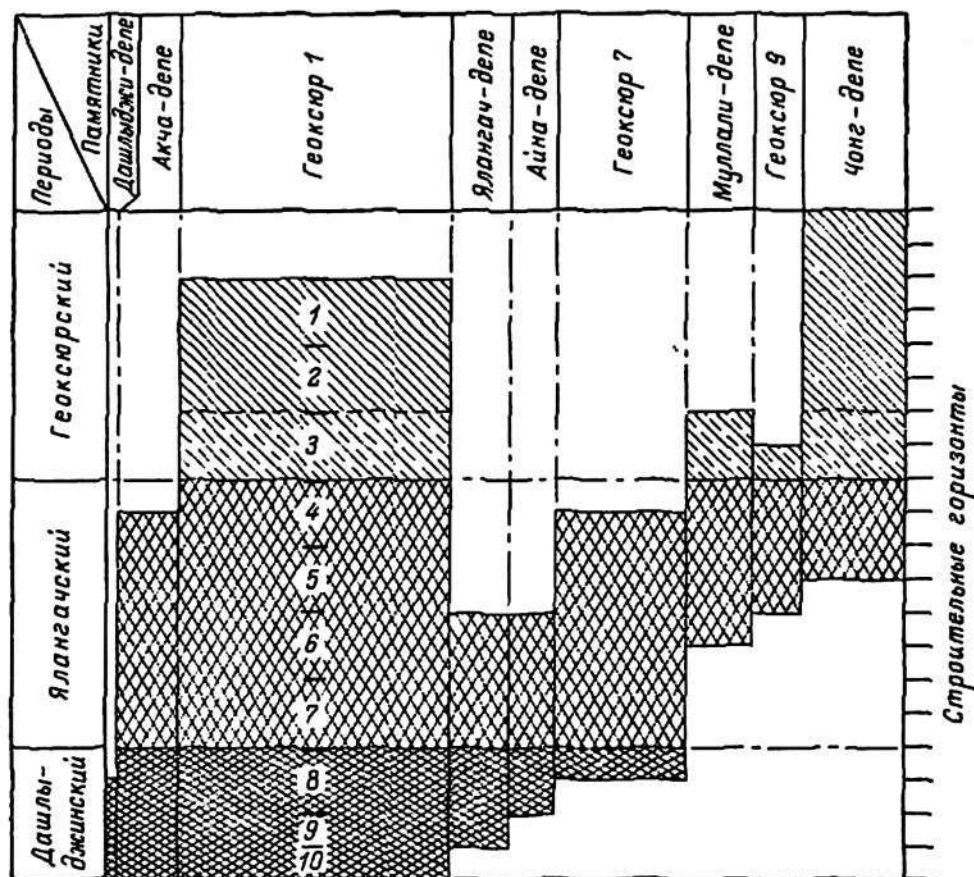

Рис. 33. Относительная стратиграфия поселений Геоксюрского оазиса.

волит сделать ряд принципиально новых исторических выводов (см. гл. 5).

Фрагменты привозной посуды позволяют аргументировать вышесказанное соотношение периодов истории Геоксюрского оазиса с этапами развития культуры древнего населения подгорной полосы Копет-Дага, особенно его Центрального района (Артык—Душак). Дашлыджинский период в целом соответствует концу периода Намазга I; население всей освоенной земледельцами части Южной Туркмении изготовляло керамику с росписью одного стиля. Ялангачский период в целом соответствует времени раннего и развитого Намазга II. Однако возможны уточнения

по наиболее характерным черепкам, в частности с изображениями человеческих фигур. Так, изображение человека из верхнего

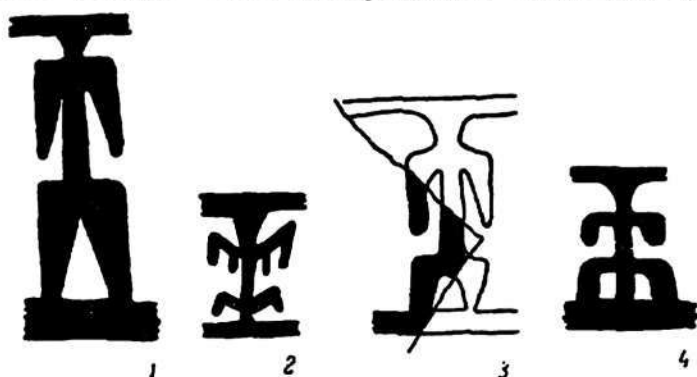

Рис. 34. Антропоморфные рисунки на керамике типа Намазга II из поселений Геокюрского оазиса (1, 2) и из Кара-депе (3, 4).

строительного горизонта Ялангач-депе (рис. 34, 1), синхронного шестому горизонту геокюрского шурфа, имеет почти тождест-

Этапы развития культуры Геокюрского оазиса		Этапы развития культуры центрального района	
Геокюрский период	Поздний период	Кара 1а (2750±220)	Намазга III
	Ранний период	Кара 1б	
Переходный период		Кара 2	Намазга II
		Кара 3	
Ялангачский период	Поздний период	Кара 4	
		Кара 5	
	Ранний период	Кара 6	
		Кара 7	
		?	
Дашлыджинский период		Намазга I (поздний период)	

Рис. 35. Соотношение периодов развития Геокюрского оазиса и поселений подгорной полосы.

венное соответствие в XI ярусе шурфа раскопа № 5 на Кара-депе у Артыка (рис. 34, 3). Поскольку в следующем XII ярусе

указанного шурфа найдена керамика с росписью позднего Намазга I,¹⁰ то названный ярус можно полагать соответствующим XIV—XV ярусам основного стратиграфического шурфа № 1; последние в свою очередь синхронны, по всей вероятности, XVIII—XX ярусам шурфа № 1 на Намазга-депе.¹¹ Другое антропоморфное изображение из Западного комплекса Муллали-депе (рис. 34, 2), синхронного четвертому строительному горизонту геоксюрского шурфа, не так как первая пара, но все же имеет себе аналогию из слоя Кара-4 на раскопе № 1 (рис. 34, 4). Значит указанные строительные горизонты Кара-депе и Геоксюра 1 можно считать в какой-то степени одновременными. Кроме того, устанавливается синхронность раннегеоксюрского периода и слоев Кара-2—3, а его среднего этапа — слою Кара-1б. Слою Кара-1а, содержащему в массовом количестве керамику с зооморфной орнаментацией Намазга III, соответствуют верхние горизонты Чонг-депе. В целом можно определить рамки существования Геоксюрского оазиса: позднее Намазга I—раннее Намазга II (рис. 35).

Что касается абсолютных дат, то верхний строительный горизонт Кара-депе (Кара-1а) относится (по радиоуглероду) к 2750 г. до н. э. (± 220 лет);¹² по-видимому, верхнее поселение на холме Геоксюр 1 относится примерно к этому же времени. Надо полагать, что время существования оазиса не превышало одного тысячелетия. Это предположение позволяет сделать другое, а именно: оазис был обитаем почти на всем протяжении IV тысячелетия и захватывал начало III тысячелетия до н. э.

¹⁰ И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. I, 1963, табл. VIII, 1—17.

¹¹ Там же, стр. 19, 20.

¹² X. В. Протопопов и С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (С¹⁴). СА. 1959, № 2, стр. 32.

Г л а в а 3

ЭВОЛЮЦИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

К настоящему времени исследования древнеземледельческих поселений в Южной Туркмении, в подгорной полосе Копет-Дага и в Геоксюрском оазисе, начинают переходить на ту стадию, когда становится возможным, даже необходимым от разработки проблем стратиграфии и хронологии обратиться к попыткам создания истории древнеземледельческих коллективов. В этом аспекте одним из основных вопросов является осмысление архитектурных остатков на различных и разновременных поселениях, которые охватывают период около 2000 лет (начиная от неолита — Джейтуна — и кончая временем раннего Намазга III — Геоксюр). Кроме общих закономерностей в развитии архитектуры, в связи с данной темой неизбежно встают вопросы о структуре общества и семейных отношениях, которые существовали на ранних этапах истории древних земледельцев Южной Туркмении. Рассмотрение домостроительства эпохи неолита выходит за рамки работы. Однако поскольку развитие архитектуры древних земледельцев Южной Туркмении уходит своими корнями именно в этот культурно-исторический период, обойти его молчанием нельзя. Поэтому рассмотрению остатков энеолитических поселений геоксюрской группы предпослан небольшой очерк, где указываются основные особенности в облике неолитических поселений.

1. Неолитическое поселение

В настоящее время в Южной Туркмении известно около десяти неолитических поселений, но Джейтун имеет наиболее выразительные архитектурные остатки. Все жилые постройки на нем возведены при помощи одинаковых приемов и имеют совершенно одинаковую планировку, что позволяет их рассмат-

ривать как «стандартные» дома. Стены построек сложены не из обычных формованных сырцовых кирпичей, а из предшествовавших им удлиненных глиняных блоков, вальков, с округлым верхом и плоским низом; они достигают в длину 60—70 см при поперечнике в 20—25 см. Глина имеет большую примесь соломы или иных растительных остатков. Вальки скреплены глиной, причем заметна примитивная перевязка по вертикали: они укладывались рядами один над другим так, что один ряд их почти касался наружной плоскости стены, следующий — внутренней. Пространство сбоку в каждом ряду заполнялось глиной с крупнорубленным саманом. Стены, как правило, покрывались штукатуркой и в ряде случаев окрашивались в черный или красный цвет. Пол плотный и крепкий; цветом и плотностью он напоминает известь, достигает в толщину 3—4 см и сверху имеет следы окраски. В тех случаях, когда стены сохранили следы краски, она обычно та же, что и на полу. В дом ведет узкий вход без следов каких-либо дверей. К середине одной из стен примыкает крупный каминоподобный очаг, сложенный из тех же вальков, что и стены. Он имеет довольно узкое топочное отверстие и овальную камеру. По обе стороны топочного отверстия к очагу в ряде случаев пристроены две прямоугольные глинобитные базы, которые могли выполнять роль столиков или же служить основаниями для каких-то подпорных конструкций, поддерживавших крышу. Следов дымохода нет, что позволяет предполагать наличие над очагом вытяжного отверстия. Кроме того, у ряда очагов перед топкой отмечена небольшая площадка, обведенная глиняным валиком. Ее обожженная поверхность указывает на то, что сюда выгребались угли. Почти в каждом доме справа от входа, между ним и очагом, имеется отгороженное глухой стенкой пространство. Оно также иногда обмазано серой известковой штукатуркой. В некоторых случаях обмазка отгороженного участка переходит на стену, образуя своего рода глубокую ванну. По-видимому, стенка была невысокой и отделяла этот хозяйственный отсек от остальной части дома.

Стена, расположенная против очага, имеет в середине длинный выступ; в целом он слегка наклонен внутрь дома. В середине этого выступа в некоторых домах имеются небольшие ниши, расположенные на высоте около 60—70 см над уровнем пола.

Все дома Джейтунского поселения построены как бы по одному проекту. Однако можно легко заметить, что входы всех домов ориентированы преимущественно по двум сторонам горизонта: на восток и на юг. Это позволило разделить жилые постройки на две группы (15 домов ориентированы входом на восток, 13 — на юг), причем на поселении дома этих групп расположены попеременно (рис. 36). Кроме ориентации входа, этим группам домов

присущи и другие особенности (см. таблицу 1). Как мы постараемся показать ниже, такое разделение домов на Джейтуне не является случайным.

Таблица 1

Отличительные признаки	Группа I (рис. 36, 1)	Группа II (рис. 36, 2)
Ориентация входа	Восток.	Юг.
Преимущественная внутренняя окраска	Красная.	Черная.
Средняя площадь	26 м ² .	18 м ² .

Примечание. В группе I три дома на северной стороне поселения (26, 50 и 58) внутри окрашены не в красный, а в черный цвет. Изменение окраски в настоящее время объяснить трудно, но не исключен случайный характер этого явления.

В 1962—1963 гг. близ Меана О. К. Бердыевым были раскопаны два верхних строительных горизонта поселения Чагаллы-депе, синхронные поздним этапам Джейтунской культуры (время Чопан-депе). Наиболее примечательными являются остатки ряда

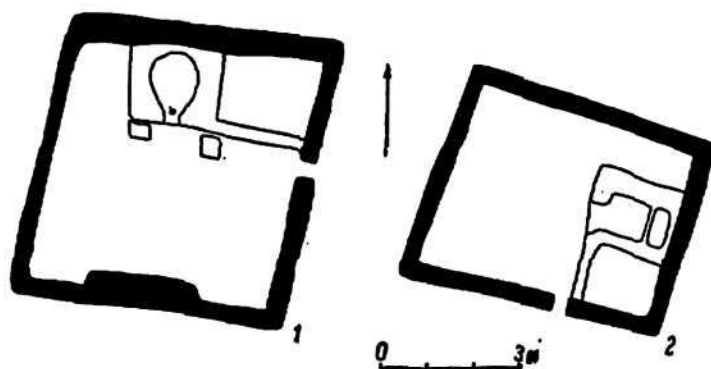

Рис. 36. План жилых домов неолитического поселения Джейтуя.

однокомнатных жилых домов, по своему плану и оформлению интерьера идентичных джейтунским.

Начиная с последжейтунского времени наблюдается изменение основного строительного материала: вместо глиняных вальков для возведения стен употребляется сырцовый прямоугольный формованный кирпич с примесью самана в массе. Растительная примесь прибавляется в кирпич для предотвращения его деформации и растрескивания во время сушки. Рубленая солома не только служит механическим связующим веществом, но придает

глине прочность и пластичность, в особенности если смесь употребляется не сразу, а выдерживается некоторое время.¹ После этого, как и в настоящее время, кирпич формовался в деревянных формах.

2. Жилища раннего неолита

Хотя мы насчитываем около двух десятков поселений времени Намазга I, однако только несколько могут дать нам материал для изучения поселения этого времени в целом или частично. Постройки этого времени вскрыты во втором слое поселения Яссы-депе у Каахка. Прежде чем перейти к их характеристике следует отметить, что раскапывавший этот памятник Б. А. Куфтин считал все вскрытые им постройки частями одного многосемейного дома-массива.² На самом же деле, как удалось установить при помощи более детального анализа материала и его сравнения с позднее вскрытыми синхронными поселениями, на Яссы-депе располагалось поселение, состоявшее из отдельно стоящих домов.³

На этом поселении значительный интерес представляют смежные помещения 15 и 16, расположенные в центре холма. К сожалению, ни у одного из этих помещений не найдено входов, что можно отнести за счет небрежности раскопок, поскольку стены сохранились на значительную высоту. Более того, вызывает сомнение и широкий проход между помещениями; как установлено по сохранившимся фотографиям, выступы являются остатками срубленной стены, что, однако, не исключает возможности наличия в ней обычного дверного проема. В помещении 16 (площадь около 22 м²) имеется пристенный крупный очаг у северо-западной стены и остатки росписи на северо-восточной. И то и другое может указывать на то, что вход находился или в юго-западной стене (она без росписи), или, что вероятнее, в северо-западной, недалеко от очага, о чем косвенно может говорить небольшая ниша (она могла получиться за счет порога). В смежном помещении 15 (площадь около 10.5 м²) наличие выхода наружу маловероятно, поскольку одна из стен занята расписным панно, а у других отмечены ямки от деревянных столбов. Вход в него мог быть со стороны помещения 16.

¹ А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, стр. 104.

² Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 274—276.

³ И. Н. Хлопин. 1) Дашлыджи-депе и неолитические земледельцы Южного Туркменистана. ЮТАКЭ, т. X, стр. 148; 2) Памятники раннего неолита Южной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. I, 1963, стр. 13.

Появление в период Намазга I украшенных росписью домов зафиксировано не только на Яссы-депе. В шурфе на Северном холме Анау также была отмечена полихромная настенная роспись.⁴ Более того, истоки традиции украшения стен домов росписью, по-видимому, уходят в неолитическое время, о чем могут свидетельствовать остатки многоцветного фриз на внутреннем выступе дома 4 Джейтунского поселения.

Напрашивается вопрос, не были ли помещения 15 и 16 на Яссы-депе каким-либо особым сооружением, связанным с выполнением общественных функций?⁵ Для выяснения этого следует вновь обратиться к более ранним памятникам поры неолита. Несмотря на то что на Джейтуне, как уже говорилось, было вскрыто более $\frac{2}{3}$ всего поселения, все дома настолько одинаковы, что ни один из них нельзя считать общественным зданием. В период Намазга I мы можем лишь предполагать о возможности существования таких построек на поселениях подгорной полосы. Что же касается времени Намазга II, то наличие на поселениях среди жилых домов общественных зданий не вызывает сомнения (см. ниже). Поэтому остается еще раз посоветовать на недостаточно точную методику раскрытия архитектуры Яссы-депе, поскольку именно по этой причине мы не можем отнести названные помещения ни к одной из двух категорий построек; они могли быть как двухкомнатным жилым домом, так и остатками одного из наиболее ранних общественных сооружений. Во всяком случае очевидно, что на Яссы-депе уже появляется тенденция к слиянию однокомнатных домов.

Небольшой участок поселения времени позднего Намазга I был вскрыт на Кара-депе у Артыка.⁶ В раскопе у подножия холма расчищена часть дома, где найдены зернотерки и врытые в пол сосуды; на полу отмечены следы черной краски и вымощенные черепками площадки. Из-за небольшой площади раскопа не удалось установить общий облик поселения этого времени, но ряд деталей позволяет нам склониться в пользу того, что на Кара-депе в эту пору были крупные дома, состоявшие из нескольких комнат. Однако надо сразу же оговорить, что это отнюдь не значит, что планировку Кара-депе времени Намазга I можно считать идентичной планировке верхнего слоя этого поселения.

⁴ С. А. Ершов. Северный холм Анау. ТИИАЭ, т. II, 1956, стр. 39; П. Н. Хлопцев. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, табл. IV.

⁵ В одной из наших предыдущих работ (П. Н. Хлопцев. Дашлыджи-депе . . . , стр. 148, 149) мы отрицали возможность усматривать в помещениях 15 и 16 какое-либо общественное здание.

⁶ П. Н. Хлопцев. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении, стр. 12, табл. XXIV.

Шесть жилых помещений были вскрыты во втором и третьем строительных горизонтах Дашлыджи-депе (рис. 37).⁷ Хотя они и имеют между собой много общих черт, все же их нельзя разделить на столь четкие группы, какие мы имеем на Джейтууне. Пять помещений из шести небольших размеров, от 4 до 11 м².

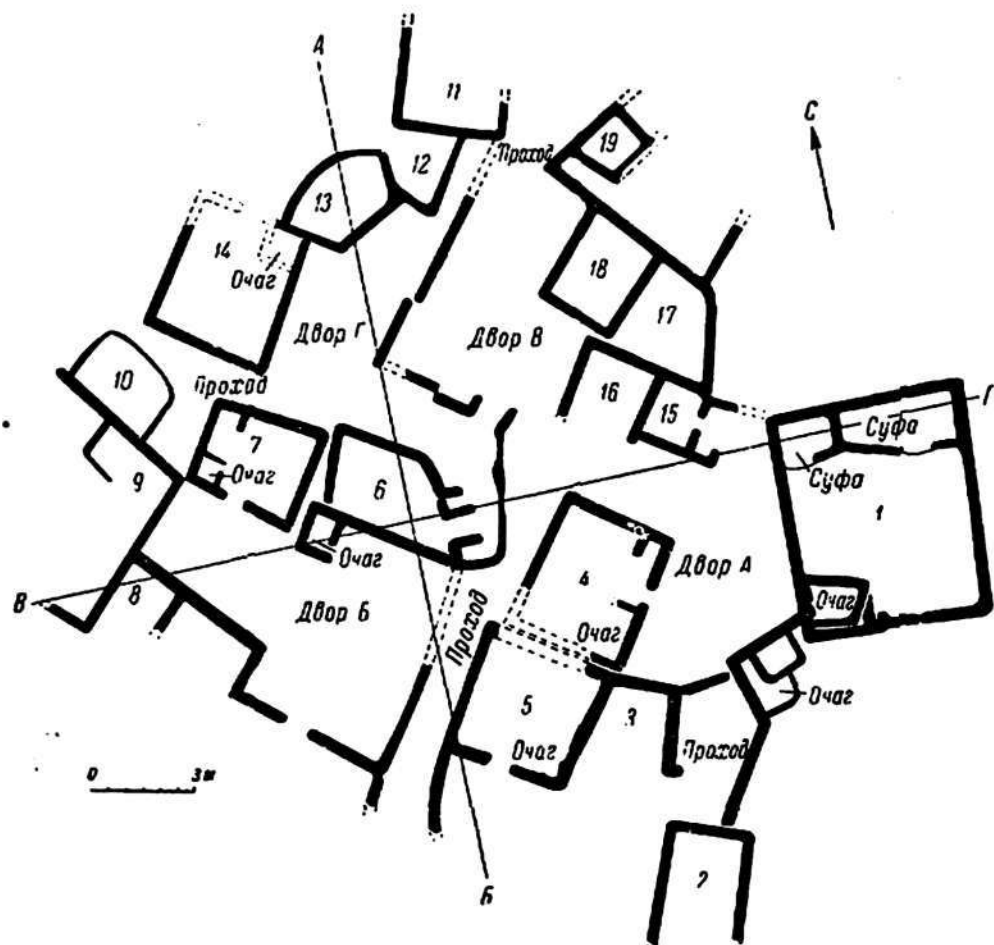

Рис. 37. Дашлыджи-депе. Планировка третьего строительного горизонта.

Их устройство обнаруживает следы той «стандартности», которая так хорошо выражена на Джейтунском поселении.

На основании полученных в результате раскопок Дашлыджи-депе материалов представляется возможным говорить о типе жилой архитектуры для небольших поселений Геоксюрского оазиса времени позднего Намазга I. Жилое помещение состояло

⁷ И. Н. Хлоппи. 1) Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТССР, 1958, № 5, стр. 100—103; 2) Дашлыджи-депе . . . , стр. 140—145. — Первый строительный горизонт Дашлыджи-депе не рассматривается ввиду его плохой сохранности.

из одной комнаты, подквадратной или прямоугольной в плане, как правило, небольшой по площади. Дверной проем имел невысокий порог; с его внутренней стороны иногда находился подпечный камень. Обычно слева от двери, в углу, помещался квадратный очаг, сделанный из поставленных на ребро кирпичей и обмазанный глиной; точное отверстие находилось у внешнего угла очага. Один из углов помещения был отделен от остальной его части небольшой стенкой, выступающей внутрь на 80—100 см. Этот угол, по всей вероятности, служил местом, куда складывалась домашняя утварь. Остальная часть помещения была свободна от каких-либо сооружений и предназначалась непосредственно для жилья.

Одно помещение выделяется. Это дом 1, существовавший в двух (втором и третьем) строительных горизонтах, площадью более 28 м² (рис. 37). Принимая во внимание необычно большие для Дашлыджи-депе размеры постройки, можно полагать, что это помещение вполне могло быть главным домом небольшого поселения. Вполне допустимо, что в этом доме жила семья главы хозяйственного коллектива. И в то время как все другие дома были только жилища, этот дом мог сочетать в себе и общественные функции; площадь дома была настолько велика, что он вполне мог вместить все взрослое население данного поселения, т. е. не исключена возможность, что здесь могли происходить разного рода собрания всех жителей поселка.

Таким образом, постройки дашлыджинского периода в Геоксюрском оазисе по сути дела не дифференцированы. Они различаются только размерами, повторяя в каждом отдельном случае все тот же планировочный принцип.

3. Поселения из однокомнатных домов

Ж и л и щ а

В следующем, ялангачском периоде картина поселения существенно меняется. Наряду с несколькими разновидностями жилищ появляются постройки другого назначения, что хорошо прослеживается на поселениях этого времени (Ялангач-депе, Муллали-депе, Айна-депе, Акча-депе, Геоксюр 7 и Геоксюр 9). Несмотря на то что упомянутые памятники нельзя назвать одновременными, все они относятся к одному культурно-историческому периоду. Поэтому рассмотрение групп однотипных сооружений в дальнейшем будет производиться без строгого хронологического различия между ними.

Итак, жилища, которые характеризуются прежде всего тщательностью отделки стен и пола, представлены тремя разновидностями и насчитывают в общей сложности 20 домов. Кроме того,

к жилым домам можно отнести 14 круглых помещений, включенных в линию обводных стен.

Первая группа состоит из семи домов (Ялангач-депе, второй слой — помещения 6 и 7; Муллали-депе, первый слой — 13 и 14, второй слой — 1; Геоксюр 9 — 7 и 10). Все они прямоугольные, имеют дверной проем как с порогом, так и без него и обычно

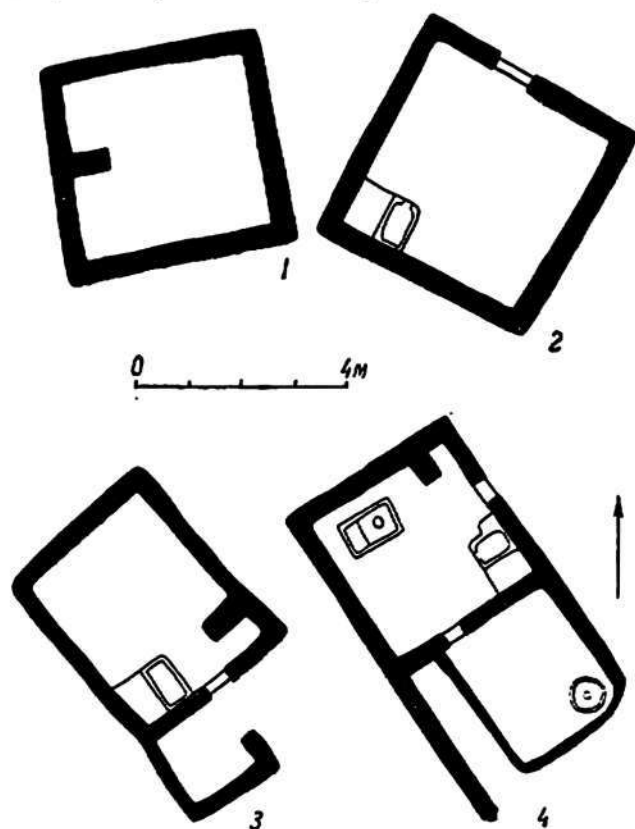

Рис. 38. Планировка жилых домов ялангачского периода.

с внутренней стороны у двери выступ, который отгораживает один из углов комнаты. Все дома прямоугольные в плане и приближаются к квадратным. Размеры их колеблются от 7 до 18 м², причем средняя площадь несколько более 12 м². Входы ориентированы различно (рис. 38, 1).

Ко второй группе жилых домов ялангачского периода относятся девять построек: Ялангач-депе, второй слой — помещения 13, 16, 18 и 19; Муллали-депе, первый слой Западного комплекса — 23, второй слой этого же комплекса — 2 и 3; Геоксюр 7 — 2; Акча-депе — 17. Они все имеют специфический угловой очаг, расположенный слева от входа (исключение — Муллали-депе, помещение 23). Стены этих домов выведены из одного ряда сыр-

цовых кирпичей и тщательно оштукатурены; пол глинобитный, в несколько слоев. Справа от входа с высоким порогом в двух случаях (Ялангач-депе, второй слой — 8; Муллали-депе, второй слой — 3) отмечена стенка, отгораживающая угол. Ориентация входа различная, но все же можно отметить, что предпочтение отдавалось восточной половине горизонта. Площадь этих почти квадратных в плане домов колеблется от 4 до 16,5 м², но средняя — не более 9,5 м² (рис. 38, 2—3).

Третья группа жилых домов ялангачского времени немногочисленная (Ялангач-депе, первый слой — помещение 2; второй слой того же поселения — 4; Айна-депе, третий слой — 4 с примыкающими постройками; возможно, сюда же надо отнести Айна-депе, третий слой — 1 с примыкающими постройками), но крайне интересная (рис. 38, 4). Своим внешним видом и размерами, которые колеблются от 8 до 10 м², угловым двухчастным очагом и отгороженным короткой стенкой углом они почти не отличаются от домов предыдущей группы. Наряду с этим они имеют весьма характерные признаки, которые и позволяют их рассматривать особо.

Во-первых, их нельзя назвать однокомнатными. Так, к дому 4 на Ялангач-депе примыкает смежное помещение 13; кроме того, перед входом имеется огражденный участок. Дом 4 из третьего слоя Айна-депе также имеет смежные помещения 5, 6 и, возможно, другие, ибо комплекс еще не вскрыт целиком. То же самое можно сказать и о комплексе с домом 1 на Айна-депе. Во-вторых, кроме обычного углового очага явно бытового характера, в домах этой группы найдены глинобитные двухчастные прямоугольные жаровни. Эти сооружения являются характерным атрибутом другой категории зданий, которые, забегаая вперед, следует считать общинными домами.

Таким образом, третья разновидность жилых домов, с одной стороны, проявляет закономерную тенденцию к объединению нескольких жилищ и многокомнатные дома-массивы, столь характерные для следующего и последнего периода существования Геокюрского оазиса. С другой стороны, жаровня-подиум, как мы увидим ниже, свидетельствует о том, что в ялангачское время уже можно говорить о возможном выделении каких-то лиц, тесно связанных с обслуживанием общинных домов.

Итак, мы установили, что в ялангачский период существовали жилые дома трех разновидностей. Надо думать, что это является отражением дифференциации в обществе (см. гл. 5). Есть ли какие-либо генетические связи этих построек со зданиями предшествующего, дашлыджинского периода? Да, безусловно. Во-первых, общие приемы домостроительства, в частности тщательная отделка стен и пола. Во-вторых, наличие углового очага почти всегда на определенном месте, слева от входа. Правда,

очаг уже не просто отгороженный вертикально поставленными кирпичами угол комнаты, а значительно более совершенной конструкции. В-третьих, наличие на стене напротив очага небольшого выступа, который как бы отделяет угол комнаты. Однако, если в домах на Дашлыджи-депе этим углом мог быть практически любой угол комнаты, то в домах ялангачского времени он всегда справа от входа.

Можно полагать, что поселения на холмах Акча-депе, Геоксюр 9, а также западная часть поселения на Муллали-депе являются наиболее поздними памятниками с однокомнатными домами. Состав находок в восточной и западной частях поселения Муллали-депе говорит о том, что последняя непосредственно предшествовала первой. В то же время архитектурные остатки в восточной части поселения представлены отличными в принципе постройками. Это часть многокомнатного дома того типа, который характерен для верхнего слоя поселения Геоксюр 1.

При описании жилых домов на поселениях ялангачского времени умышленно ничего не было сказано о зданиях другого назначения. Это связано с тем, что если на более ранних памятниках (время Намазга I) наличие других, нежилых домов (хозяйственные постройки исключаются) было неопределенным и сомнительным, то на поселениях, предшествующих и одновременных появлению полихромной росписи геоксюрского типа, наличие таких построек является бесспорным.

Культовые прямоугольные здания

Каждое из поселений ялангачского периода в Геоксюрском оазисе — Ялангач-депе, Муллали-депе, Айна-депе, Акча-депе и Геоксюр 9 — содержит по одному помещению, которое не укладывается в рамки привычного представления о жилом доме того времени. Эти постройки, по сути дела одинаковые между собой, имеют с жилыми домами определенные черты сходства, связанные как с принципами, так и с приемами домостроительства. Поскольку эти здания одинаковы во всех деталях, их характеристика дается суммарно, с указанием незначительных различий в каждом отдельном случае (рис. 39, 1—3).

Отдельно расположенное от других здание находится почти в середине поселения. Оно несколько крупнее одновременных ему жилых домов. Так, если площадь жилого дома не превышает обычно 15—18 м², то площадь этого здания на Ялангач-депе и Айна-депе достигает почти 37 м², а на Муллали-депе и Акча-депе равна 22 м². Это здание имеет стены двойной толщины (50 см), выложенные вперевязку из сырцового кирпича. Внутренняя поверхность стен покрыта толстым слоем коричневой или зеленоватой штукатурки. Пол представляет собой многослойную

глиняную промазку. Эти здания существовали на одном и том же месте значительное время на протяжении по крайней мере 3—4 строительных периодов, что было зафиксировано на Ялангач-депе и на Муллали-депе. Примечательной их особенностью является довольно строгая ориентация углами по странам света, дверной проем с порогом во многих случаях находился в юго-восточной стене (это не относится к зданиям 1 первого слоя и 5 второго слоя на Айна-депе, где их ориентация сбита). Слева от входа, как и в большинстве жилых домов первой группы, был

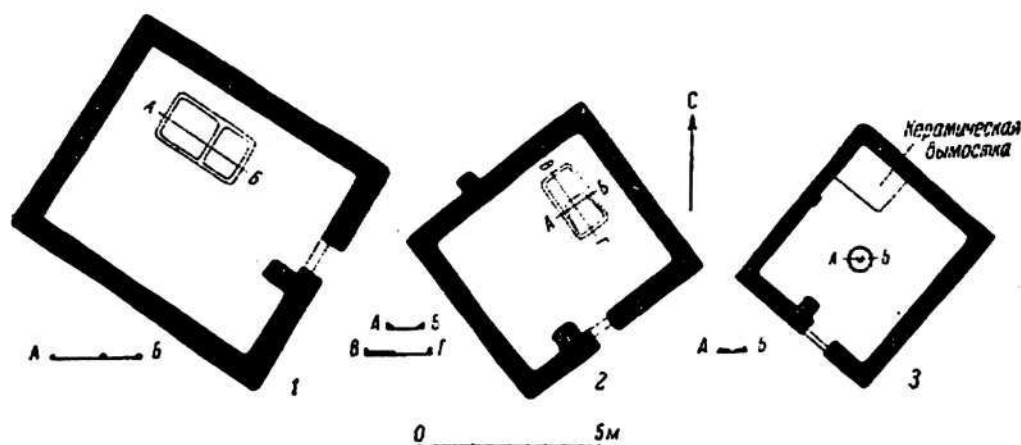

Рис. 39. Планировка общинных домов поселений Геокюрского оазиса.

1 — Ялангач-депе; 2 — Муллали-депе; 3 — Геокюр 1.

сделан обмазанный гладкой штукатуркой прямоугольный выступ, по-видимому, конструктивного порядка, хотя не исключена возможность, что в нем следует усматривать рудимент углового бытового очага, столь обычного для жилых домов второй и третьей групп этого периода. К фасадной стене (с входом), как правило, примыкает своеобразный тамбур.

В дальней от входа правой четверти здания, вдоль стены, отступя от нее примерно на 1 м, построено весьма интересное сооружение. Это прямоугольник с соотношением сторон примерно 1 : 2, образованный глинобитным валиком в 10 см толщины и до 20 см высоты. Валик в середине длинной стенки имеет очень небольшой и плавный прогиб внутрь. На южном углу такого сооружения на Акча-депе сохранился, как уже указывалось, конический глиняный столбик высотой около 15—20 см. Внутреннее пространство представляет собой гладкую площадку, разделенную на две примерно равные части в двух случаях ступенькой в 8—10 см (Муллали-депе и Акча-депе), а в одном — валиком (Ялангач-депе). Противоположная входу, более высокая половина гладко промазана глиной, а ближняя, также обмазанная,

имеет явные признаки того, что на ней если не разводился огонь, то во всяком случае сюда помещались раскаленные угли; об этом свидетельствует круглое глубоко прокаленное пятно в центре диаметром около 15 см. Как выяснилось при детальном изучении этих сооружений, первоначально все они имели лишь поперечный валик. Однако та часть, где не горел огонь, постоянно промазывалась глиной и вследствие этого постепенно повышалась. С течением времени эта часть заполнялась настолько, что обмазка скрывала под собой валик и образовывалась ступенька. Против того, что это место было очагом, говорит отсутствие следов прокаленности на валике. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с одним из древнейших сооружений типа алтаря или жертвенника. Не исключена возможность, что более высокая половина предназначалась для того, чтобы ставить сосуды, необходимые для разного рода ритуальных возлияний в огонь, который тлеет тут же. Остальная часть внутреннего пространства помещения ничем не занята; она достаточно велика, чтобы вместить до 15 — 18 сидящих людей или 25—30 стоящих.

Здания этого типа отличаются от жилого дома следующими чертами.

1. Долговременное существование на одном месте и почти в тех же пределах; только уровень пола повышался в каждом последующем строительном периоде.

2. Более крупные размеры (22—37 м²) потребовали увеличения прочности стен, на которые опиралась крыша. В связи с этим стены в домах такого типа сооружались двойной толщины, что потребовало продольной и поперечной перевязки рядов кладки.

3. Четкая и определенная ориентация помещения независимо от его местонахождения, углами по странам света (за исключением Айна-депе); в двух случаях (Ялангач-депе и Муллали-депе) вход находился в юго-восточной стене, на Айна-депе — в восточной, на Геоксюре 9 — в северо-восточной.

4. Полное отсутствие каких-либо следов очагов бытового назначения, хорошо известных по другим жилым постройкам. Отсутствие очага в центральных зданиях исключает возможность считать их жилыми.

5. Наличие в трех вскрытых зданиях этого типа (кроме Айна-депе и Геоксюр 9) своеобразного глинобитного сооружения — подиума, связанного с разведением несильного огня. Поскольку под воздействием этого огня на пониженной передней части сооружения образовалась лишь тонкая прокаленная корочка, его нельзя считать пригодным для обогрева, тем более для приготовления пищи. Разведение огня вряд ли преследовало иные цели, чем быть составной частью при магических или других церемониях.

6. Наличие в одном случае (помещение 1 второго строительного горизонта Ялангач-депе) уникального тамгаобразного налеса на стене в виде перевернутой буквы Ш с пятнадцатью отверстиями (см. гл. 5). Против этого налеса, на другой стене, отмечены три, расположенных горизонтально, квадратных отверстия (10 × 10 см).

Даже столь краткая характеристика центральных зданий наводит на мысль, что мы имеем перед собой сооружения явно общинного характера. Во-первых, это могло быть родовое святилище, где время от времени совершались культовые церемонии, очевидно, сопровождавшиеся какими-то жертвоприношениями: в данном случае подразумевается принесение в жертву продуктов земледелия и скотоводства для умилостивления духов. Во-вторых, это мог быть дом, аналогичный хорошо известным из этнографии «мужским домам», которые являлись своеобразными клубами. Их посещение разрешалось только после специального посвящения (пнициации), а для остальных, не прошедших его, являлось запретным. Однако не исключена возможность, что в данном случае мы имеем дело с сооружением, которое совмещало в себе обе названные функции.

Круглые постройки

Особым строением второго типа, также представленным на некоторых памятниках названного времени (помещения 12 на Ялангач-депе, 22 на Муллали-депе, 13 на Акча-депе и 1 на Геоксюр 7), является круглый в плане дом, не связанный обычно с другими постройками. Его наружный диаметр равен 6—7 м, причем на Муллали-депе отмечены стены двойной толщины (1 м). К сожалению, сохранность этих помещений недостаточна для того, чтобы с определенностью установить их функцию. Тем не менее установлено, что дом 12 на Ялангач-депе был заполнен кусками сырцового кирпича, подвергшегося воздействию высокой температуры; дом 22 на Муллали-депе имеет внутри отгороженный овальный участок с круглой ямой, у которой были обожжены промазанные глиной стенки; кроме того, в помещении на полу лежали четыре зернотерки. Третье помещение, дом 13 на Акча-депе, вскрыто не полностью, но стены его сохранились на значительно большую высоту, чем у предыдущих; их толщина (до 100 см) и заметный наклон внутрь позволяют поставить вопрос о возможном наличии у сооружений подобного рода ложносводчатого перекрытия; последнее здание этого типа, дом 1 на поселении Геоксюр 7, имеет вход с востока, две короткие стенки, которые как бы делят надвое его внутреннее пространство, и круглый «жертвенник» с отверстием в центре, мало подвергавшийся воздействию огня (стенки отверстия слегка красные). Круглое, не связанное с другими постройками здание было

единственным на поселении (во всяком случае, на Ялангач-депе, Муллали-депе и Акча-депе), и это, вероятнее всего, исключает его использование в качестве постоянного жилья.

Выше, при описании круглого здания на Муллали-депе, была упомянута круглая яма с обмазанными глиной стенками, бортик которой, подобно венчикам врытых в пол корчаг, возвышался на несколько сантиметров над уровнем пола. Аналогичные сооружения были встречены у дома 4 второго строительного горизонта на Ялангач-депе и в раскопе 1 на Кара-депе (второй слой).⁸

Назначение таких ям было неясным, но раскопки на некоторых древнеземледельческих поселениях Северной Месопотамии позволили его уточнить. Подобные сооружения были обнаружены в жилых постройках Хассуны⁹ и Матарра,¹⁰ они были заполнены землей, а на дне находились остатки зерен с примесью мякни. Это позволяет считать, что в качестве хранилищ для зерна употреблялись не только врытые в пол крупные сосуды, но и их прототипы, т. е. обмазанные глиной ямы. Такая яма известна на Джейтувском поселении в помещении 17, причем стенки этой ямы, достигавшей около одного метра глубины, были сильно обожжены, но не возвышались над уровнем пола. Все это приводит нас к заключению, что обмазанная глиной яма в помещении 22 на Муллали-депе могла служить вместилищем для зерна и это может являться дополнительным аргументом того, что отдельно стоящие круглые дома на поселениях Геоксюрского оазиса были хозяйственными постройками общественного характера, в которых производился размол и хранение зерна.

Оборонительные сооружения

Обводные стены, открытые на Ялангач-депе в 1959 г., оказались настолько неожиданными и уникальными, что даже вызвали предположение об исключительном культовом характере построек всего верхнего горизонта этого поселения.¹¹ Такая гипотеза объяснялась тем, что несколько лет назад предположение о наличии обводных стен даже для времени Намазга VI (середина II тысячелетия до н. э.) казалось слишком смелым. Однако в 1959—1960 гг. на холме Алтын-депе у Меана (раскопки А. Ф. Ганялина и А. А. Марущенко) были вскрыты настроенные друг

⁸ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 333.

⁹ S. Lloyd and F. Safar. Tell Hassuna. JNES, vol. IV, № 4, стр. 268, табл. IV, 2; VI, 2.

¹⁰ R. and L. Braidwood, J. G. Smith, Ch. Leslie. Matarrah. A Southern variant in 1948. JNES, 1952, vol. XI, № 1, стр. 7, 8.

¹¹ К. А. Адьков, В. М. Массон. Древности Теджеп-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, 1960, № 2, стр. 59.

на друга отрезки обводных стен на участке до 100 м времени Намазга IV (около второй половины III тысячелетия до н. э.). Тогда же была вскрыта часть обводной стены на Намазга-депе. В 1960 г. при раскопках поселения Муллалли-депе, верхний слой которого моложе верхнего слоя Ялангач-депе, обнаружена идентичная ограда с круглыми постройками, включенными в ее периметр. В 1961 г. остатки обводных стен были раскопаны на некоторых других поселениях Геоксюрского оазиса (Айна-депе и Геоксюр 9), а в 1963 г. на центральном поселении Геоксюр 1. Таким образом, перед нами предстала довольно обычная картина древнеземледельческого поселения, окруженного стенами с круглыми помещениями по углам.

Обводные стены с включенными в их периметр круглыми зданиями являются, по-видимому, характерной и неотъемлемой составной частью поселений оазиса ялангачского времени. Эти сооружения изучены с достаточной полнотой пока только на двух памятниках — Ялангач-депе и Муллалли-депе. На том и на другом поселении они сохранились неполностью, по дошедших до нас частей вполне достаточно для их подробной характеристики. В обоих случаях это прямые отрезки стен (на Ялангач-депе в среднем длиной по 8 м, на Муллалли-депе — 8,5—10 м), образующие в плане неправильный многоугольник. В местах стыка этих отрезков сооружены круглые в плане помещения, причем на Ялангач-депе они меньше (3,1—3,8 м в диаметре). В своих общих чертах все эти помещения более или менее одинаковы, хотя их нельзя назвать «стандартными». Вход в такое помещение обращен внутрь огражденного участка. В ряде круглых домов имеется хорошо промазанный глиняный пол и небольшой очажок из глинобитного валика, напоминающий жаровню. Внутреннее оформление этих зданий и состав находок в них говорят о том, что эти сооружения вполне могли быть использованы для жилья.

Два других поселения (Акча-депе и Геоксюр 9) были также укреплены, но несколько иначе. В траншеях, которые были сделаны для изучения стыка культурных слоев поселений с окружающей равниной, были обнаружены остатки глинобитных фундаментов до 4,5 м в ширину. Более того, на поселении Геоксюр 9 с внешней стороны такого фундамента отмечены следы рва шириной до 14 м.

При взгляде на общий план Ялангач-депе и Муллалли-депе можно сразу отметить сильное выступание круглых помещений за линию стены. В некоторых случаях (помещение 11 на Ялангач-депе) отмечается двойная толщина наружной части стены. Этих признаков вполне достаточно, чтобы видеть в них наиболее древний вариант башен. Во все времена башни имели первостепенное значение для защиты огороженной стенами территории, поскольку их основная задача — защита расположенного между

ними прясла стены. Длина прясла зависела от того, на какое расстояние защитники могли метать оборонительные снаряды. Безусловно, дальность полета стрелы была значительно больше десяти метров, но, кстати сказать, в древнеземледельческих поселениях Южной Туркмении находки наконечников стрел крайне редки и насчитываются единицами. Значит, не лук и стрелы были средством защиты этих поселений.

Единственным вероятным оружием, которое могло выполнить эти функции, была праща, с помощью которой метали ядра из необожженной глины. Тогда получают объяснение обнаруженные во многих местах всех поселений глиняные ядра овальной формы величиной с куриное яйцо; в частности, в круглой бапше 11 на Ялангач-депе было найдено около тридцати таких ядер. Сила удара такого ядра, выпущенного умелой рукой из пращи, была достаточной для нанесения тяжелого увечья.

Не отвлекаясь от основной темы нашего исследования, уместно отметить, что повсеместное обнаружение глиняных ядер для пращи позволяет считать это оружие наиболее распространенным у земледельцев поры энеолита. Помимо Южной Туркмении, пращу можно считать основным оружием у земледельцев Северной Месопотамии (Хассуна и Халаф), Северного и Северо-Западного Ирана (Гисар I A и Синалк III. 1), Фарса (Тали-Бакуп A) и даже долины Инда. По мнению Г. Чайлда, столь широкое распространение пращи является характерной особенностью племен, обитавших к северу и востоку от Месопотамии. К западу от нее лежит область распространения лука и стрел.¹² Таким образом, территорию Туркмении на основании многочисленных находок ядер для пращи и малому количеству стрел можно включить в первую, восточную зону.

Исходя из заключения об оборонительном характере обводных степ и «бапш», можно попытаться реконструировать внешний облик ограды.

Ограда была, по всей вероятности, такой высоты, которая при толщине в 50—60 см делала бы невозможной ее преодоление «сходу», т. е. не ниже 2,5—3 м. «Бапши» ни в коем случае не могли быть ниже стен; эти круглые помещения были скорее всего перекрыты на высоте около 2 м, причем их крыши и использовались, надо полагать, как оборонительные площадки. На такой площадке для защиты обороняющихся людей возводился, очевидно, небольшой парапет, верхний край которого был на уровне верха стены. Если представленная нами картина соответствовала действительности, то при том уровне производительных сил такая

¹² В. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 288.

система обороны была в достаточной мере эффективной и трудно преодолимой.

Правда, в противовес этой точке зрения может быть высказано мнение о том, что подобная ограда предполагала защиту поселения не от людей, а от животных. Однако такая мысль малосостоятельна, поскольку в этом случае вполне достаточным было бы сооружение обыкновенного забора без «башен». Последние уже сами по себе говорят о защите поселения именно от людей, способных преодолеть сравнительно невысокие стены; и защита эта прежде всего заключалась в том, чтобы воспрепятствовать нападающим достигнуть этих стен. Но, по-видимому, эти сооружения никогда не были использованы по своему прямому назначению, поскольку раскопки поселений не обнаружили свидетельств их гибели в результате насилия.

В какой период существования оазиса были возведены оборонительные стены? Многие отрезки стен были построены там, где прежде находились жилые дома, что свидетельствует о некотором сокращении обжитой ранее площади холма. Значит, обводные стены относятся только к последнему периоду жизни на ряде поселений. Более того, на плане Муллали-депе отлично видно, что первоначально были построены почти все жилые дома и общественное здание. Когда появилась необходимость возведения оборонительных сооружений, то они были построены с таким расчетом, чтобы охватить как можно более плотно уже существовавшие дома. В некоторых случаях (у помещения 7) были сооружены только «башни» 17 и 18 без соединяющего их прясла стены; северо-восточная стена помещения 7 была усилена на такую же толщину, а собственно оборонительная стена соединила только северный угол общинного дома и башню 18. Если бы сооружение степ не было вызвано какой-то необходимостью уже после строительства основных построек, то они, безусловно, носили бы более планомерный характер. Однако на некоторых поселениях (Айпадепе) все же наблюдается несколько последовательных укреплений.

Таким образом, если не принимать во внимание ров с Геокюра 9, то получается, что древнейшие обводные стены на поселениях Геокюрского оазиса следует относить к начальным этапам Намазга II, т. е. примерно ко второй половине IV тысячелетия до н. э. Можно полагать, что обводные стены были в ялангачское время на всех поселениях оазиса, в том числе и на холме Геокюр 1.

В настоящее время наблюдается общая тенденция удревнения времени появления оборонительных сооружений. Если прежде наличие обводных степ и башен приурочивалось обычно к периоду, непосредственно предшествовавшему возникновению классового общества, то в настоящее время факты, добытые археоло-

гами, изменяют наши прежние представления, и наличие этих сооружений в IV тысячелетии до н. э. выглядит вполне закономерным.

Наиболее древними являются оборонительные сооружения докерамического неолитического Иерихона, открытие которых было настолько неожиданным, что вызвало оживленную дискуссию в печати.¹³ В каком бы аспекте не рассматривался этот замечательный памятник, очевидно одно, что уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. неолитические земледельцы начали защищать свои поселения при помощи каменных стен. Тенденция к сооружению укреплений продолжала развиваться и далее, а случаи ее обнаружения на Переднем Востоке, в частности в Южной Туркмении, стали возможным исключительно благодаря вскрытию древних поселений на всей площади, а не отдельными, небольшими раскопами.

Оборонительные стены окружали некоторые архаические поселения Малой Азии и Закавказья, в частности Хаджилар,¹⁴ Мерсин,¹⁵ Узерлик-тепе.¹⁶ Однако между названными памятниками и поселениями Геоксюрского оазиса обнаружены существенные различия, прежде всего во внешнем виде этих стен. Если стены Ялангач-депе и Муллали-депе представляют собой совершенно обособленные от жилых помещений сооружения, то стены поселений Малой Азии и Закавказья являются скорее наружными, значительно утолщенными стенами жилищ, объединенными в многокомнатные дома-массивы. Стены, аналогичные хаджиларским и мерсинским, исходя из принципа планировки поселения в целом, можно было бы полагать у поселений Кара-депе и Геоксюр 1, однако эти сооружения там пока не обнаружены.

На другом конце древнеземледельческой ойкумены, на территории Восточной Европы, также были найдены следы оборонительных сооружений. Так, рвы, которые позволяют предполагать наличие валов, отмечены в Кукутенах, Эрожде и на поселении Поливапов Яр.¹⁷ В последнее время на поселении Михайловка были обнаружены не только рвы, но и каменные кладки

¹³ К. Н. Кепуон. Digging up Jericho. London, 1957; В. М. Массеоп. Докерамический неолит Иерихона. (Дискуссия в «Antiquity»). СА, 1958, № 3, стр. 250—252.

¹⁴ J. Mellart. Excavations at Hacilar. Third Preliminary Report, 1959, AS, vol. X, стр. 94—97. — Эти стены датируются второй половиной VI—началом V тысячелетия до н. э.

¹⁵ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, рис. 78—80а. — Стены датируются второй половиной IV тысячелетия до н. э.

¹⁶ К. Х. Кушарова. Поселения эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе. МИА, № 67, 1959, стр. 394. — Стена поселения относится к середине II тысячелетия до н. э.

¹⁷ С. Н. Бибикова. Раннеэпохальное поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 286.

стен с откосом и бермой.¹⁸ Учитывая генетическое родство племен трипольской культуры и древнеземледельческих племен Восточного Средиземноморья, можно полагать, что подобные сооружения вместе с земледелием и скотоводством были принесены переселившимися коллективами людей с территории Переднего Востока в Подунавье и Поднепровье.

4. Поселок «протогородского» типа

Ж и л и щ а

Части жилых комплексов верхнего поселения на холме Геоксюр 1 были вскрыты на площади около 800 м².¹⁹ Планировка их коренным образом отличается от всех более ранних энеолитических поселений. Вместо однокомнатных домов верхний слой поселения состоит из ряда замкнутых многокомнатных, объединенных в своеобразные кварталы, и имеет облик «протогородского» типа. Более того, эти кварталы разделены узкими длинными проходами, один из которых был вскрыт в длину более 50 м.

Вскрытая часть поселения в раскопе № 1 состоит из пяти упомянутых выше «кварталов» (рис. 40). К сожалению, ни один из них не раскопан целиком. Тем не менее отчетливо видно, что дома из нескольких помещений входят в один квартал, но не составляют монолитного массива. Так, например, в массив А (по В. И. Сарпаиди) входит, с пашей точки зрения, три многокомнатных дома: I (помещения 1—7), II (помещения 8—10) и III (помещения 25, 26, 29, 30); расположенные между II и III домами комнаты 11 и 12 относятся, судя по составу заполнявшего их культурного слоя, к более раннему этапу верхнего строительного периода. Наиболее хорошо вскрыт дом II. Он занимает площадь около 50 м² и состоит из пяти комнат. Помещение 8 с круглым очагом типа сапдала в центре и выходом в общий с домом I двор можно считать основным. Вокруг этого помещения находятся небольшие отсеки 9 и 10, причем под последним номером имеются в виду три маленькие смежные комнаты. Поскольку последние комнаты не имеют очагов, их можно с равной долей вероятности считать как хозяйственными, так и жилыми.

На холме Чонг-депе²⁰ на площади около 600 м² вскрыто до 50 различных помещений, которые могут быть разделены на пять комплексов. Эти комплексы, как правило, отделены друг от друга

¹⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Киев, 1962, стр. 48—61.

¹⁹ В. И. Сарпаиди. 1) Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. КСНМК, 1959, вын. 76, стр. 50—52; 2) Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 229—235.

²⁰ В. И. Сарпаиди. Развитой энеолит Юго-Восточной Туркмении. САИ БЗ-8, ч. IV (в печати).

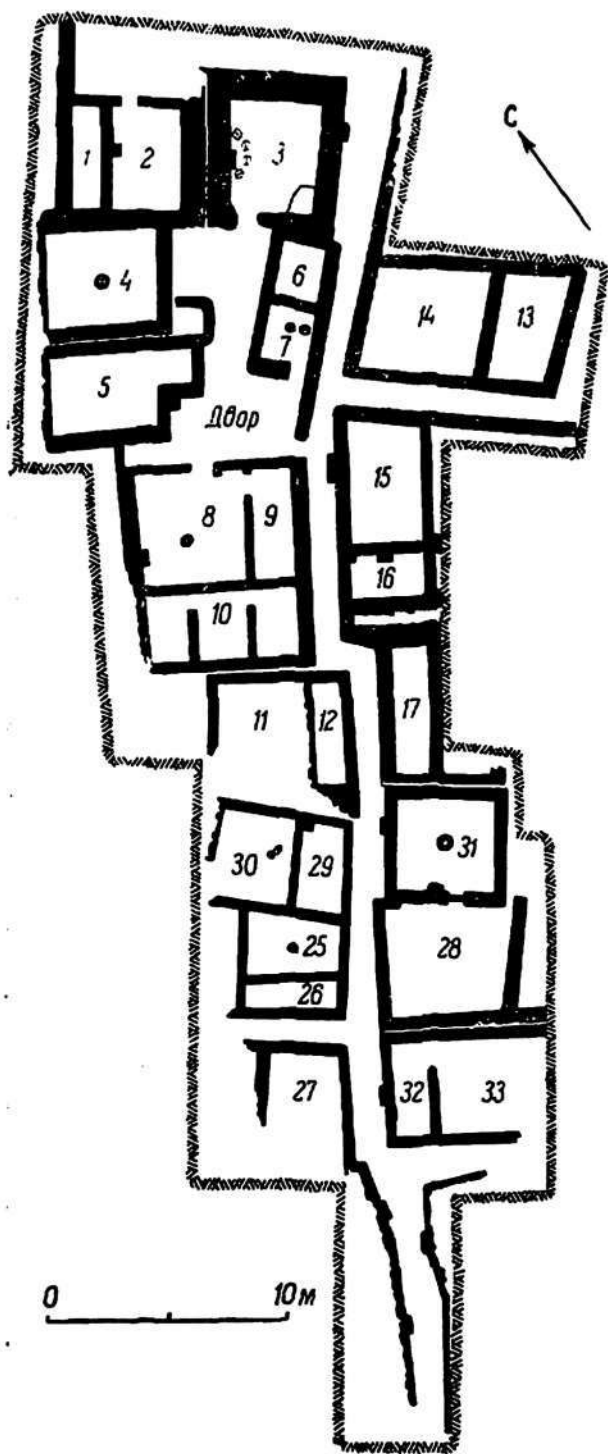

Рис. 40. Планировка геоксюрского времени на поселении Геоксюр 1. (По В. И. Сарпа-ниди).

широкими проходами. Каждый комплекс состоит из ряда комнат: жилые помещения с круглыми утопленными в пол обогревательными очагами-садалами диаметром до 30 см, хозяйственные кладовые и святилища, в центре которых находятся круглые алтари особой конструкции. Здесь мы не наблюдаем столь четкого деления на кварталы, как на Геоксюре. Возможно, это следует объяснять меньшими размерами холма, но тем не менее принцип планировки идентичен геоксюрскому.

Таким образом, принципиальной особенностью планировки жилищ геоксюрского периода является многокомнатность, отражающая, очевидно, завершившиеся изменения в структуре общества. Каждый многокомнатный дом был выстроен целиком, а уже потом подвергался внутренним перестройкам, что отнюдь не напоминает более ранних приемов домостроительства, когда сооружалось однокомнатное здание, а затем рядом с ним по мере надобности пристраивались другие комнаты. Кроме того, отмечается значительно большая плотность за-

стройки, свидетельствующая о концентрации и бóльшей плотности населения. Однако эта застройка не носит хаотического характера, а ее систематичность наталкивает на мысль, что при возведении построек могли руководствоваться каким-то планировочным принципом в рамках всего поселения. Наконец, в связи с членением поселка на кварталы и многокомнатные дома в каждом квартале наблюдаются не только отдельные хозяйственные помещения и хранилища, но и специальные общественные здания (см. ниже).

Исходя даже из простого перечисления особенностей поселений геоксюрского периода, очевидно, что в течение сравнительно небольшого отрезка времени, который разделяет Западный комплекс Муллалп-депе (а также синхронные ему памятники) и поселения названного периода, завершился перелом в общественных отношениях, повлекший за собой столь резкие изменения в принципах домостроительства. К попытке объяснения этого явления мы вернемся несколько ниже.

С в я т и л и щ а

С помещениями общинного типа, которые с еще бóльшим основанием можно считать культовыми — «святилищами», — мы встречаемся в поселениях геоксюрского периода: на холме Геоксюр 1, в нижнем строительном периоде этого слоя, и на холме Чонг-депе. Помещение 31 на поселении Геоксюр 1²¹ находится в составе «квартала» и во многом напоминает общинные здания более ранних по времени поселений. Оно прямоугольное в плане (3,5 × 4 м), ориентировано углами по странам света, но вход в него находится не в юго-восточной, а в юго-западной стене. Стены покрыты штукатуркой, а пол — слоями глиняной обмазки; слева от входа имеется прямоугольный выступ. В северном углу помещения расчищена керамическая вымостка размером 1,5 × 1,1 м. В центре находится оригинальное сооружение (рис. 41, 3), которое представляет собой обожженную глинобитную круглую платформу, диск, диаметром 70 см, окруженную по краю валиком. Все сооружение возвышается над уровнем пола на 15—18 см. Изнутри оно совершенно ровное; в центре этой горизонтальной площадки находится круглое отверстие диаметром в 20 см с отвесными стенками, которое заполнено белой золой. Культовый характер этого сооружения представляется настолько бесспорным, что его определение как своеобразного алтаря не вызывает сомнений.

В 1960 г. святилище с круглым алтарем на Геоксюре 1 было явлением уникальным. Однако уже в 1961 г. на поселении Чонг-депе (раскопки В. И. Сарпаниди) были расчищены пять идентич-

²¹ В. И. Сарпаниди. Культовые здания поселений Анауской культуры. СА, 1962, № 1, стр. 49.

ных сооружений; все они находились в слое, который, как мы видели, моложе верхнего строительного горизонта основного поселения оазиса. Так же как и на Геокюре 1, они находились в центре прямоугольных помещений, ориентированных углами по странам света, одно из них имело вход в северо-восточной стене, а другое — в юго-восточной. Интересно особо отметить размеры этих помещений: они колеблются от 17 до 7.5 м², а их средние размеры едва достигают 13 м². Планировка верхнего слоя поселения Чонг-депе не отличается от геокюрской, т. е. состоит из таких же домов-массивов, разделенных проходами.

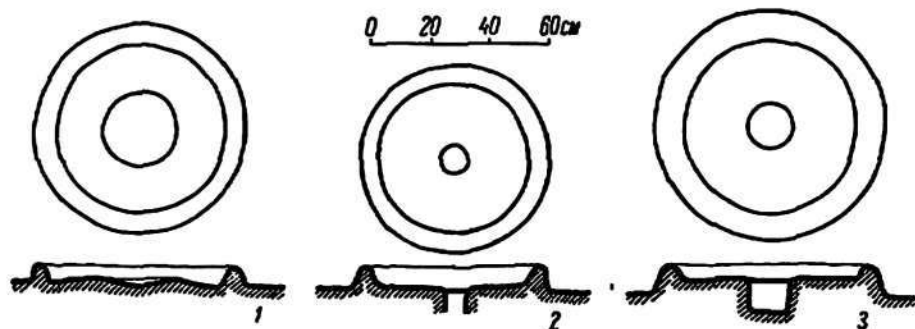

Рис. 41. Круглые жертвенники с поселений Геокюрского оазиса.
1 — Айна-депе; 2 — Геокюр 7; 3 — Геокюр 1.

В составе каждого такого дома было свое святилище. Таким образом, наличие «домового» или «квартирного» святилища в геокюрский период стало непреложным фактом.

Круглые очаги геокюрского времени являются неизменными атрибутами специальных святилищ. Бесспорно, они играли существенную роль при отправлениях определенных культовых церемоний, составной частью которых было, очевидно, возжигание священного огня и поклонение ему. Имея в виду их особое назначение, а также то, что возжигаемый огонь не мог предназначаться для бытовых целей (приготовление повседневной пищи, обогрев и т. д.), будет значительно вернее полагать эти сооружения не очагами, а алтарями или жертвенниками. И если действительно на них приносились жертвы, то это были плоды земли, хлеб, продукты животноводства и охоты. Возможно, в категорию последних надо включать и жертвенных животных с последующей ритуальной трапезой — реликтовой формой поедания тотема с целью приобщения к нему.

В 1961 г. были обнаружены новые данные, которые не только свидетельствуют о типичности сооружений подобного рода в геокюрское время, но и о том, что круглые жертвенники (алтари) появляются в Южной Туркмении задолго до полихромной орнаментации керамики геокюрского стиля. В помещении 5 третьего

строительного горизонта Айна-депе в одном из углов находится великолепный экземпляр такого жертвенника (рис. 41, 1). Его диаметр равен 70 см, а валик шириной в 6 см поднимается над уровнем пола тоже на 6 см. В центре он имеет прокаленную корку, но вместо вертикального отверстия, столь характерного для более поздних жертвенников, сделана неглубокая лунка диаметром 15 см. Кроме того, в центре круглого здания 1 на поселении Геоксюр 7 был расчищен глиняный необожженный диск очень плохой сохранности диаметром в 60 см (рис. 41, 2). Его окружает невысокий валик, в центре проделано узкое (5—6 см) круглое отверстие.

Как уже упоминалось выше, в корчаге, врытой в пол четвертого сверху строительного горизонта Ялангач-депе, был найден предмет, представляющий миниатюрную модель жертвенника описываемого типа (см. гл. 5). О том, что изображает этот предмет, не может быть двух мнений. находка этой модели в столь ранних слоях позволяет поставить вопрос о сугубо местном возникновении как самих круглых алтарей, так и идеологических воззрений, связанных с их использованием. Однако вопрос о том, являются ли они созданием населения оазиса или все же проникли в оазис из поселений подгорной полосы Копет-Дага подобно керамике с полихромными узорами типа Намазга II, до сих пор остается открытым.²²

Попутно возникает вопрос: какова взаимосвязь круглых жертвенников и прямоугольных подиумов? Несмотря на столь различную форму этих сооружений, их роднят некоторые общечерты. И те и другие окружены валиком и возвышаются над уровнем пола; и те и другие имеют разновысокие плоскости (у круглых — понижение в центре, а у прямоугольных — сбоку), причем на пониженной части горел огонь. Однако все это не является свидетельством генетического родства, так как они сосуществуют во времени и, более того, встречены в одном архитектурном комплексе (смежные помещения 4 и 5 одного дома в третьем строительном горизонте Айна-депе). Единственным объяснением такого сосуществования может быть лишь то, что они могли использоваться при совершении каких-то обрядов с разным целевым назначением, но это предположение получит свое подтверждение лишь в случае нахождения прямоугольных подиумов в слоях

²² Круглый жертвенник совершенно аналогичного облика был обнаружен в последнее время в одном из помещений на поселении Амирапис Гора (близ г. Ахалцихе Грузинской ССР). Это сооружение в столь удаленных от Южной Туркмении местах не может быть оставлено без внимания, но для объяснения отмечаемого факта пока данных недостаточно [см.: Т. Н. Чубинишвили, Амирапис Гора. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.)]. Названное поселение датируется первой половиной III тысячелетия до н. э. (К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 1963, № 3, стр. 16, 17).

геоксюрского времени, которые там еще неизвестны. Пока можно полагать, что в Геоксюрском оазисе существовало два самостоятельных типа жертвенников; тут же надо подчеркнуть, что круглые жертвенники появляются раньше, а заканчивают свое существование позже прямоугольных.²³

Дополнительным доказательством того, что отдельно стоящие дома с поддумами служили святилищами, являются некоторые аналоги из Южной Месопотамии периода освоения этих территорий спустившимися в долину жителями горных районов — протопшумерами. Раскопки в Эриду²⁴ вскрыли храм бога Энки на высокой платформе, которая заключала в себе остатки 17 более ранних святилищ. Особо интересными для нас являются самые древние храмы, первый из которых был построен прямо на материковом аллювии.²⁵ Это квадратное в плане здание площадью около 10 м². Оно построено из длинных сырцовых кирпичей призматической формы,²⁶ в которых, по-видимому, можно усматривать строительный материал, подобный джейтунскому и перихонскому, и ориентировано углами по странам света, с некоторым, правда, отклонением. Вход в него не был обнаружен, но кое-какие детали внутреннего убранства сохранились. Это планы на двух стенах и квадратное возвышение в середине — поддум.

Следующая (—XVI) постройка уже более совершенной конструкции, даже ее внешний вид выдает культовое здание. Оно несколько больше по площади (около 13 м²), ориентировано так же как и предыдущее, и имеет вход в юго-западной стене. Против входа сделана П-образная абсида. Внутри этого сооружения расположены две квадратные в плане невысокие тумбы.

Более поздние по времени храмы были открыты в VIII—X слоях тепе Гавра, в Северной Месопотамии.²⁷ Эти постройки

²³ Интересные материалы получены при раскопках поселения Мундигак в Южном Афганистане (J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, t. XVII, Paris, 1961). Всего в строительных горизонтах I—IV было раскопано свыше 300 помещений; около 80 из них содержали очаги-жаровни в центре. Они представляют собой прямоугольник или квадрат, окруженный глиняным валиком, в центре которого или у одного из краев обычно помещено круглое отверстие. По расположению и внешнему виду они напоминают поддумы ялангачского периода, но ни один из них не разделен на две части. Очевидно, на Мундигаке они служили обыкновенными очагами; их обнаружение может в дальнейшем дать материал для выяснения генезиса ялангачских поддумов.

²⁴ A. Parrot. *Archeologie mesopotamienne*. Paris, 1953, стр. 162.

²⁵ Хотя авторы сообщений не считают эту постройку культовой, ее особое общественное назначение несомненно, так как по традиции на Переднем Востоке храмы строились на одном и том же месте (см.: В. Г. Чайлд, *ук. соч.*, стр. 180).

²⁶ В. Г. Чайлд, *ук. соч.*, стр. 180.

²⁷ E. A. Spreiser. *Excavations at Tepe Gawra*, vol. I. Philadelphia, 1935, стр. 24, табл. IX—XII, XIV; A. Töbler. *Excavations at Tepe Gawra*, vol. II. Philadelphia, 1950, стр. 6—12, табл. II, III.

отличаются от южнотуркменских своим совершенным архитектурным обликом и планом, однако они имеют в своем главном помещении одинаковые подпумы — алтари, прямоугольные, сложенные из сырцовых кирпичей и обмазанные толстым слоем штукатурки. В центре находится углубление, которое, по мнению Шпайзера, по своим контурам напоминает грубую антропоморфную фигуру. Интересно, что алтарь в северном храме не имеет такого углубления, но в целом образует в плане ту фигуру, которая у других жертвенников представлена в виде углубления.

Несмотря на большое расстояние во времени и пространстве между описанными храмами Месопотамии и Элама, с одной стороны, и Геоксюрского оазиса — с другой, их роднит ряд общих черт. Однако все характерные особенности столь удаленных друг от друга построек надо, вероятнее всего, объяснять их конвергентным развитием.

Таким образом, мы рассмотрели развитие архитектуры изолированной группы энеолитических поселений на отрезке времени, вряд ли превышавшем одно тысячелетие. За это время наблюдается ряд изменений — дифференциация однокомнатных домов и их постепенное слияние в многокомнатные, появление и развитие ряда зданий жилищного характера и многое другое. Не подлежит сомнению, что развитие архитектуры отражает определенную эволюцию общественных отношений населения, оставившего нам эти памятники. Попытка выявить эти общественные отношения сделана в пятой главе.

Г л а в а 4

Х О З Я Й С Т В О

Широкие археологические исследования древних поселений Геоксюрского оазиса дали в руки археологов сравнительно большое количество фактов, для того чтобы судить о хозяйственной деятельности его первобытных обитателей. Орудия производства, органические остатки и различные изделия, дошедшие до нас, в сочетании с некоторыми другими данными, характерными для всего ареала культур с расписной керамикой в целом, при внимательном рассмотрении могут дать довольно полное представление о ранних этапах производящего хозяйства.

Население Геоксюрского оазиса было оседлым и занималось земледелием, разведением домашнего скота и различными домашними промыслами; об этом свидетельствует и сам характер поселений и описанный выше археологический материал. Поэтому задачей главы является детальный разбор тех находок, которые помогают охарактеризовать хозяйственную деятельность коллективов людей на протяжении всего периода существования оазиса.

1. Земледелие

Земледелие было той основой, на которой произошла так называемая «неолитическая революция», обусловившая дальнейшее поступательное развитие человеческого общества. Благодаря земледелию люди впервые получили постоянный источник питания, что освобождало их от непрерывных поисков пищи, способствовало развитию устойчивой оседлости и давало стимул к непрерывному совершенствованию всех других отраслей первобытного производства.

Земледелие, в частности выращивание злаков, которое было основой производства продуктов питания, уже на своих ранних этапах предполагает подтвержденную общественно накопленным

опытом уверенность в том, что всякое посеянное зерно дает росток и, что главное, дает увеличенное количество подобных же зерен; кроме того, общественным опытом было установлено, что именно надо было сеять и какие условия были необходимы для успешного прорастания семян и созревания зерен.¹

Кроме земледельческого инвентаря, находимого на всех без исключения южнотуркменских поселениях, о котором будет сказано ниже, при раскопках многих холмов были обнаружены остатки культурных злаков. Они были как в обугленном состоянии, так и в виде отпечатков зерен на глине. На неолитическом Джейтуле обнаружены отпечатки соломы и зерен, по-видимому пшеницы, а также остатки зерен ячменя.² Таков же состав злаков и на поселении Чопан-депе.³

В слоях Анау I Б (Намазга I) на поселении Анау обнаружены зерна мягкой пшеницы (*Triticum vulgare Will*) и двурядного ячменя (*Hordeum distichum*).⁴ При этом М. М. Якубцинер полагает, что наряду с мягкой пшеницей в то время возделывалась и карликовая.⁵

При раскопках верхнего слоя поселения Муллали-депе на полу помещения 14 найдено значительное количество зерен хлебных растений. При исследовании выделены зерна ячменя, принадлежащего к двурядным формам (*Hordeum distichum*), и мягкая пшеница (*Triticum vulgare Will*). Кроме того, обнаружено одно семечко астрагала (*astragalus*), который в виде сорняка мог произрастать на поле вместе с культурными растениями. Ячменя найдено больше чем пшеницы примерно в 30 раз.⁶

На памятниках времени Намазга IV—V, на поселениях Ак-депе⁷ и Намазга-депе,⁸ обнаружены мягкая и карликовая пшеница, ячмень, нут, рожь и виноград. Причем на Намазга-депе ячменя также было значительно больше, чем пшеницы. Сюда же следует привлечь данные о растительных остатках с поселения Тахирбай 3 времени позднего Намазга V в древней Маргиане; там тоже найдена мягкая пшеница.⁹

К сожалению, находки зерен вообще чрезвычайно редки при археологических раскопках. Тем не менее ряд данных позволяет

¹ В. Г. Чайлд. Археологические документы по предистории науки. ВНИИ, 1957, № 2, стр. 59.

² М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. «Материалы по истории земледелия СССР», М.—Л., 1956, вып. II, стр. 108.

³ С. А. Ершов. Холмы Чопан-тепе. ТИИАЭ, т. II, 1956, стр. 19.

⁴ Н. С. Schellenberg. Wheat and Barley from the North Kurgan Anau. В кн.: Prehistoric Civilisation of Anau, t. II. Washington, 1908.

⁵ М. М. Якубцинер, ук. соч., стр. 108.

⁶ Определение А. В. Кирьянова.

⁷ М. М. Якубцинер, ук. соч., стр. 109.

⁸ Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 1, стр. 46, 47.

⁹ М. М. Якубцинер, ук. соч., стр. 109.

нам представить картину распространения различных сортов возделываемых злаков. Как уже отмечалось, в Южной Туркмении были распространены исключительно мягкая и карликовая (в меньшей степени) пшеница (*Triticum vulgare* Will и *Triticum compactum* Host) и ячмень (*Hordeum distichum*). Что касается твердых пшениц, то их ареал лежит к западу от Иранского нагорья. Так, зерна двух сортов твердой пшеницы — *Triticum monosossum* (эммер) и *Triticum dicossum* — были найдены в древнеземледельческих поселениях Переднего Востока (Джармо, Халаф), а также в Закавказье, Сирии (Амук 1), Палестине, Малой Азии и Египте.¹⁰ Двухрядный ячмень (*Hordeum distichum*), в отличие от мягких пшениц, встречается по всему Переднему Востоку. Древнейшие остатки этого злака были найдены в Джармо, Халафе и Матарра.¹¹

Данные археологии и геоботаники позволяют сделать вывод о наличии на Переднем Востоке двух больших областей первоначального освоения разных видов культурных растений. Мягкая пшеница, одно из основных культурных растений человека от самых древних этапов земледелия до современности, насчитывает максимальное количество разновидностей (более 60) на Переднем Востоке, в горных районах между Северной Индией (Белуджистаном) и Западным Ираком, особенно в Афганистане и прилегающих районах Таджикистана и Туркменистана. Что касается непосредственно интересующей нас Закаспийской области, т. е. юга Туркменской ССР и Северного Ирака, то для этих мест Н. И. Вавиловым установлено до 40 разновидностей мягких пшениц, в том числе *Triticum vulgare* Will и *Triticum compactum* Host. При этом интересно, что в соседней с ней Астрабадской провинции насчитывается всего 8 разновидностей.¹² Н. И. Вавилов на основании концентрации сортового разнообразия предлагает считать родиной мягкой пшеницы именно эти горные области, которые объединяются им в юго-западно-азиатский очаг возникновения земледелия.

«Растения, их разновидности, — писал он, — не так легко переносимы из одной области в другую; несмотря на многие тысячелетия страствований народов, нет никаких затруднений в уста-

¹⁰ Н. П e l l e r. 1) Archaeology and Agricultural Botany. University of London, Institute of Archaeology. IX-th Annual Report, 1953, стр. 46—48; 2) Cereals and weed Grasses in Phase A. В кн.: R. and L. B r a i d w o o d. Excavations in the plain of Antioch, OIP, t. LXI, стр. 540—542; А. Л у к а с. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, стр. 683, 684.

¹¹ F. E. Z e u n e r. Civilisation of Plants. «A History of Technology», Oxford, 1955, t. I, стр. 317.

¹² Д. Д. Б у к н и ч. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 105.

новлении основных очагов, центров формообразования большинства культурных растений». ¹³ Кроме мягких пшениц (родиной твердых пшениц является северная Африка, особенно Абиссиния), из этого же очага происходит ячмень, рожь, лен, люцерна, шабдар, персидский клевер, яблоня, груша, алыча, гранат, айва, черешня, виноград и многие огородные растения. ¹⁴ Таким образом, горные районы юго-западной части Азии, куда неотъемлемой частью входит Южная Туркмения, можно полагать одним из центров возникновения земледельческой культуры вообще. ¹⁵

Главную роль в процессе возникновения земледелия, по мнению Н. И. Вавилова, сыграли благоприятные природные условия. «Если во влажных тропиках преимущественно развивается древесная растительность, — говорил он, — то в горных тропиках и субтропиках, где обосновались первые земледельческие культуры, наоборот, развиваются преимущественно травянистые виды, к которым относится большинство важнейших культурных растений земли». ¹⁶ В силу специфических природных условий этих мест на древнейших этапах земледелия здесь отсутствовало какое-либо искусственное орошение.

Вполне допустимо, что горные районы северо-западного Копет-Дага были населены охотничье-собираТЕЛЬскими племенами, которые хронологически предшествовали появлению на подгорной равнине неолитической раннеземледельческой джейтунской культуры, хотя никаких прямых данных о населении горных районов в джейтунское время пока не имеется. Природные условия этих районов настолько благоприятны, что наличие здесь памятников, оставленных охотничье-собираТЕЛЬскими племенами, весьма вероятно. Однако для предположения о том, что Туркмено-Хорасанские горы были заселены в мезолитическое время коллективами собирателей, одним благоприятных условий недостаточно. Кроме них, неоспоримым свидетельством этого можно считать весь комплекс джейтунских неолитических кремневых орудий, которые восходят к более архаическим формам прикаспийского мезолита. ¹⁷

Для племен с «промежуточной» формой хозяйства (т. е. когда они уже перестали быть охотниками-собираТЕЛЯМИ, но еще не

¹³ Н. И. Вавилов. О восточных центрах происхождения культурных растений. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 304.

¹⁴ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932, стр. 7; В. Л. Комаров. Происхождение растений. М., 1961, стр. 167.

¹⁵ Н. Н. Хлопин. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. «Исследования по археологии СССР», (Сб. статей в честь 60-летия М. И. Артамонова, ЛГУ, 1961, стр. 47—55).

¹⁶ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований, стр. 13.

¹⁷ В. М. Массов. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 69.

превратились в земледельцев-скотоводов) в этнографической литературе имеется специальный термин: народы — собиратели урожая.¹⁸ Они еще не осознают необходимости искусственной посадки злаков, по добыванию продуктов питания у них основано на планомерном собирании больших количеств одного или нескольких видов дикорастущих злаков, которые и служат им основной пищей. В отличие от охотников и собирателей племена с такой формой хозяйства селятся уже в определенных местах, т. е. в непосредственной близости к территории, на которой произрастают большие массы растений одного вида. Более чем вероятно, что истоки и земледелия, и скотоводства надо искать именно в этой последней, наиболее развитой форме хозяйства охотников-собирателей. И в последнее время у ряда племен Австралии, Полинезии, Северной и Южной Америки в основе хозяйства лежало собирание произраставших большими массами дикорастущих злаков и иных растений. К числу племен с подобным хозяйством мы можем также отнести и древних собирателей ряда районов Переднего Востока, в том числе и вероятное доджейтунское население Туркмено-Хорасанских гор.

Еще в начале XX в. в Южной Туркмении к северу от Кушки большие пространства были заняты диким ячменем (*Hordeum spontaneum*), причем местами его заросли занимали площадь по пять и более гектаров. «С трудом можно было поверить, что это не засеянные поля, а участки дикой растительности», — пишет Л. С. Берг, ссылаясь на свидетельства очевидцев.¹⁹ Исходя из этого, можно считать, что многие районы Южной Туркмении были благодатными местами для проживания племен с упомянутой «промжуточной» формой хозяйства.

Было бы неверным полагать, что люди раннего неолита, сделавшие первые шаги к искусственному выращиванию злаков, одновременно с этим изобрели также весь комплекс земледельческих орудий. Скорее всего последовательность была как раз обратная: сперва на поздних этапах присваивающего хозяйства собиратели урожая выработали и научились применять для сбора и обработки продуктов такие орудия, как жатвенные ножи, терочные камни, ступки и др. Затем набор собирательского инвентаря был применен для обработки и специально посеянных злаков, чем знаменовался его качественный переход в категорию орудий для производства пищи.

Первоначально, в джейтунском периоде, земледелие еще не основывалось на искусственном орошении. На плато и в межгорных долинах народы — собиратели урожая привыкли к естественно произраставшим диким злакам, которые не требовали

¹⁸ Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 26, 103—110.

¹⁹ Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, т. II. М., 1952, стр. 209.

никакого ухода. Когда злаки созревали, происходил их сбор, причем обропанные зерна всходили сами на следующий сезон. На равнине люди стали использовать естественные лиманы, где во время весенних паводков талыми водами заливались пониженные места в дельтах подгорных ручьев. В нижнем течении одного из древних водотоков (ручей Кара-су) и расположено Джейтунское поселение.

Некоторые памятники джейтунской культуры (Чопап-депе, Келята и др.) были расположены значительно ближе к горам, чем сам Джейтун; это может служить указанием, что иногда в качестве места для посевов использовались западины у подошвы мергелистых холмов в предгорной части прикопетдагской равнины. Вода, стекающая с них, содержит большое количество богатого известью ила, который благодаря этому делает почву очень плодородной.²⁰

Некоторые виды лиманного орошения сохранились у населения западного Копет-Дага вплоть до нашего времени.²¹ Так, на Атреке существовал способ «лоя-сепма», когда посев производился на площади, засеянной илом во время половодья; после спада воды дыни сажали прямо в трещины, образовавшиеся при высыхании.²² Более совершенным является способ «соуми», при котором сооружаются примитивные ирригационные устройства в виде валиков для задержания влаги, выведенных поперек направления тока воды. Еще более прогрессивным является метод полива «дарава», когда, кроме поперечных валиков, уже проводятся небольшие канавки для направления тока воды.²³

К очень древним способам сбора воды можно отнести водосборные ямы («как»), существующие и по сей день повсеместно в Туркмении и, в частности, в Теджен-Мургабском междуречье. Для этого в каком-нибудь понижении местности выкапывается бассейн иногда довольно крупных размеров (по дороге Теджен—Меана находится и сейчас такой «как» размером 100×20 м). На окружающих такырах проводят по направлению к нему неглубокие борозды, не более 20 см в глубину. Зимой и в периоды весенних дождей на глинистой поверхности такыра собирается вода, которая по вырытым канавкам устремляется к бассейну. Воды

²⁰ Д. Д. Букнич, *ук. соч.*, стр. 108.

²¹ Г. В. Григорьев. К вопросу о центрах происхождения культурных растений. ИГАИМК, т. XIII, вып. 9, 1932, стр. 6 и сл.

²² Аналогичный способ существовал также в Приаралье (см.: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 60, 61).

²³ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букнич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 165. — О развитии ирригации в Средней Азии см. также: Б. А. Латыпин. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. Л., 1962.

собиралось настолько много, что ее хватало надолго, несмотря на жаркое и сухое лето. В настоящее время к этим «какам» пастухи пригоняют на водопой стада баранов. Возможно, что древние земледельцы употребляли собранную таким образом воду для полива рядом расположенных земель. Не исключена возможность, что роль такого «кака» выполнял открытый у поселения Муллали-депе водоем. Правда, вода там скапливалась не с такыров, а поступала из близ расположенного русла в период весеннего половодья.

В IV тысячелетии до н. э., в период Намазга I, поселения уже располагаются на среднем течении стекающих с гор ручьев. Примером таких поселков служат все без исключения крупные и мелкие поселения подгорной равнины. Возможно, что земледельцы времени Намазга I уже применяли небольшие подруды для отведения воды на свои поля. Это в первую очередь говорит о коллективной обработке полей с последующим, по-видимому, также коллективным использованием продуктов земледелия.

На поздних этапах периода Намазга I оседлыми земледельцами впервые осваивается Тедженская дельта, и складывается геоксюрская группа поселений. В условиях краевой части дельты широкие разливы, насыщенные тонким глинистым материалом, покрывали окружающие пространства в периоды паводков. Они являлись там субстратом, на базе которого развивалось земледелие в этих районах.²⁴ Поскольку через сравнительно небольшой промежуток времени вода перестала доходить до северных поселков (Дашлыджи-депе) вследствие высыхания и миграции дельты, они были оставлены в конце Намазга I. Жители поселений, расположенных в центральной и южной частях Геоксюрского оазиса на крупных дельтовых протоках, применяли, по-видимому, способ орошения полей, по сути своей не отличавшийся от самотечного способа среднего течения ручьев прикопетдагской равнины.

Мотыги не были найдены ни на одном из поселений, но ряд данных указывает на употребление хорошо известных по этнографическим материалам заостренных палок-копалок. Для увеличения силы удара о землю эти копалки утяжелялись специально насаженными на них каменными грузилами. Таких грузил в виде толстых колец, по форме напоминающих бублик или навершие булавы (рис. 42), попадает сравнительно много начиная с ялангачского времени; особенно большое их число было собрано на холме Геоксюр 1, а также на поселении Кара-депе у Артыка в подгорной полосе. Совершенно аналогичные изделия были найдены

²⁴ Г. Н. Лисицын, Основные черты палеогеографии Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, 1963, вып. 93, стр. 69—73.

в Джармо, причем Р. Брейдвуд и Г. Чайлд разделяют мнение о том, что эти изделия служили грузилами для палок-копалок.²⁵ Поскольку на поселениях, относимых ко времени Намазга I, пока не найдено грузил от палок-копалок, мы вправе предположить, что тогда посев производился на лиманных площадках без предварительной обработки земли, подобно упомянутому выше способу «лоя-сепма». И только со времени Намазга II, когда грузила для палок-копалок находятся повсеместно, мы уже имеем неоспоримые свидетельства о начавшейся обработке земли.

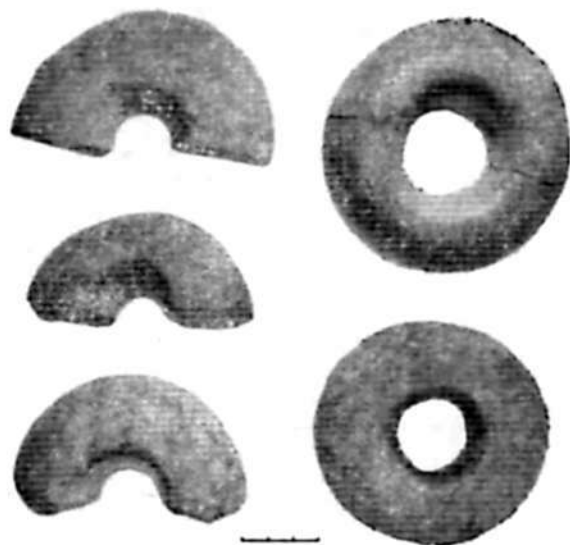

Рис. 42. Утяжелители для палок-копалок.

Следы наиболее ранних искусственных ирригационных сооружений были обнаружены близ поселений Геоксюр I (арыки) и Муллали-депе (водоем вместимостью до 3500 м³).²⁶ Они определенно датруются геоксюрским периодом, когда становится ощутимым изменение водного режима тедженской дельты. На поверхности земли прослеживаются дельтовые протоки только последнего периода существования оазиса; сеть же ялангачского периода погребена под аллювиальными наносами толщиной до 0,8 м. Поскольку единственное землекопное орудие (палка-копалка) появляется в ялангачском периоде, то мы вправе предположить, что тогда же могли начать строить простейшие ирригационные сооружения.

²⁵ В. Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 166.

²⁶ Г. Н. Лисицына. Древние земледельцы в дельте Теджена. «Природа», 1963, № 10, стр. 102.

В последний период существования поселения на холме Геоксюр 1 населением стала остро ощущаться нехватка воды. Для того чтобы не расставаться с родным поселком, была предпринята последняя попытка снабдить водой себя и свои посевы. Для этих целей от крупного и, очевидно, пересыхающего дельтового протока под прямым углом от него отвели канал длиной около 3 км и сечением 2×3 м. От этого канала сделали веерные отводы. Однако старания людей не были вознаграждены, поскольку они еще не умели строить каналы, а дельта неумолимо высыхала. Через

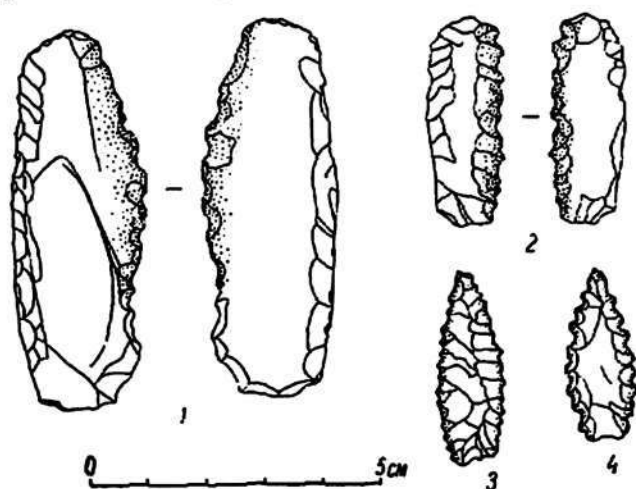

Рис. 43. Вкладыши от жатвенных ножей со следами сработанности.

несколько лет поселение Геоксюр 1 было оставлено, а открытые каналы заполнились надувным песком.²⁷

Техника посева нам неизвестна, как и характеристика древних полей, не обнаруженных аэрометодами. Однако, исходя из факта совместного нахождения зерен ячменя и пшеницы на разных поселениях, можно выдвинуть тезис о том, что древние земледельцы поры энеолита еще слабо различали сорта злаков и вследствие этого посевы пшеницы и ячменя, как и их последующее хранение, были смешанными.

Для сбора урожая существовали жатвенные ножи, о чем свидетельствуют находки кремневых вкладышей и следы сработанности на них, изученные Г. Ф. Коробковой в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР. Большинство их изготовлено из узких пластин, сколотых с призматического нуклеуса,

²⁷ Честь открытия в 1963 г. древнейшей оросительной системы на территории Средней Азии принадлежит Г. Н. Лисицыной, сочетавшей данные произведенной ею аэрофотосъемки с наземным поиском (см.: Г. Н. Л и с и ц ы н а. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965 (в печати).

и характеризуется сильной степенью изношенности (рис. 43). Жатвенные ножи ялангачского периода представлены несколькими разновидностями. К первой относятся вкладыши с зазубренным рабочим краем. Они небольших размеров и следы сработанности на них отмечены вдоль всего края, но не заходят на концы пластины. Из этой группы кремневых изделий два выделяются своей формой. Они миндалевидны, имеют слегка вогнутое основание, острый конец и зазубренные края, благодаря чему

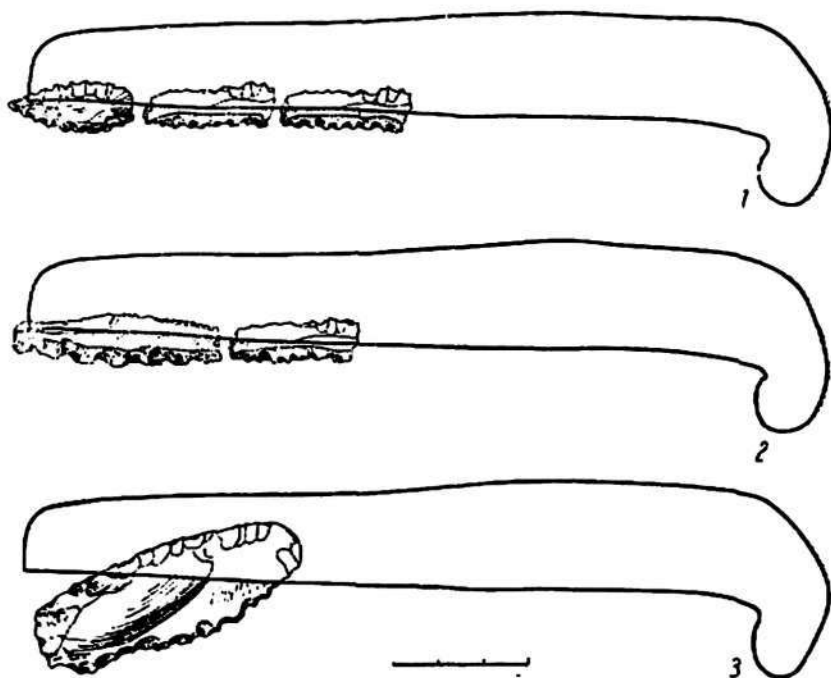

Рис. 44. Жатвенные ножи ялангачского периода (реконструкция).

их можно было бы считать кремневыми наконечниками стрел. Однако исследование следов сработанности позволило их причислить к категории вкладышей для серпов. Если первые находились в середине составного лезвия серпа, то последние служили его острым рабочим концом (рис. 44, 1).

К следующей разновидности относятся более крупные пластины, следы сработанности на которых расположены не только вдоль всего рабочего края, но и заходят частично на верхний конец орудия. Это позволяет считать, что лезвие крепилось в продольный паз рукояти, а его конец несколько выступал наружу (рис. 44, 2).

Единственный экземпляр серпа не может быть отнесен ни к одной из двух разновидностей. Это массивная пластина, один из краев которой заострен при помощи отжимной ретуши и имеет

следы сильной сработанности. Характер следов показывает, что это орудие употреблялось в работе, будучи вставленным в сквозное косое отверстие рукоятки, образуя с последней тупой угол (рис. 44, 3).

Находки основ от жатвенных ножей чрезвычайно редки, поскольку они изготовлялись в основном, по-видимому, из дерева. Костяные изделия подобного рода известны нам с поселения позднейше-джейтунского времени Чопан-депе²⁸ и из нижних слоев Тепе-Сялка.²⁹ Эти основы могли употребляться как для первой, так и для второй разновидности жатвенных ножей.

Попутно следует отметить корепное отличие, наблюдаемое между неолитическими жатвенными ножами (джейтунская культура) и жатвенными ножами культуры энеолита времени Намазга I—II. В неолите в качестве вкладных лезвий употреблялись пластины, сколотые с призматического нуклеуса, без какой-либо подправляющей ретуши, а срезание стебля злака происходило только за счет острого режущего края. Позднейшие энеолитические вкладыши имеют более или менее постоянные размеры и дополнительную обработку лезвия ретушью, что делает их напоминающими плу с «разведенными» зубцами. Говорить о применении серповидных жатвенных орудий, характерных для древних земледельцев Восточной Европы,³⁰ мы не можем из-за недостаточности материала. По-видимому, земледельцы Средней Азии долгое время пользовались традиционной формой жатвенного ножа и лишь с эпохи бронзы металлический серп приобретает характерный изгиб лезвия.

Кремневые жатвенные ножи обладали сравнительно большой производительностью. Во время экспериментов было выяснено, что пучок в 20 стеблей ячменя срезался одним-двумя ударами. При этом установлено, что наиболее долговечными могли быть серпы второй разновидности, поскольку пластина почти не подвергалась ломке и в случае необходимости могла быть использована дважды.³¹

Из раскопок северного холма Апау также происходят кремневые вкладышевые пластинки с зазубренными лезвиями, причем характер следов сработанности на них говорит о том, что они использовались с обеих сторон.³² Кроме того, там же была найдена крупная пластина, аналогичная ялангачской.

²⁸ В. М. М а с с о н. Южно-Туркменистанский центр равнинноземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 15, рис. 4.

²⁹ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk près de Kashan. Paris, 1937, t. I, табл. VIII.

³⁰ С. П. Б л б и к о в. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА, 1962, № 3, стр. 3—24.

³¹ С. А. С е м е н о в. Древнейшие каменные серпы. СА, XXI, 1954, стр. 364.

³² Там же, стр. 365.

С. А. Семенов полагает, что эта пластина употреблялась без деревянной рукоятки,³³ но можно вполне допустить для нее толстую рукоять, так как работа без нее затруднительна.

Поскольку мы находим по нескольку разновидностей жатвенных ножей, существовавших одновременно на поселениях одного периода, это можно считать закономерным явлением. Отсюда возникает вопрос, не была ли каждая из этих разновидностей приспособлена для срезания определенных видов растительности — злаков, травы, тростника и т. п.³⁴

Зерно могло обрабатываться разными способами: во-первых, растираться при помощи зернотерок в муку, из которой, вероятно, пеклись лепешки; во-вторых, дробиться в ступах; из обработанного таким образом зерна могла приготавливаться каша. Хлеб пекся, по всей вероятности, в крупных бытовых очагах, которые, судя по их конструктивным особенностям, могли служить одновременно тандырами. Из ячменя, кроме каши, могли приготавливаться слабоалкогольные напитки вроде пива или бузы.

Побочные продукты земледелия, в первую очередь и в основном солома и мякиша, также находили себе применение. Саман замешивался в глину для изготовления кирпичей и являлся составной частью штукатурки. При сооружении перекрытий помещений наряду с тростником использовались пучки соломы; глиной с саманом заливали крышу. Мелко рубленый саман и солома были важными составными частями глиняного теста для изготовления посуды. Вопрос об использовании соломы в качестве корма для скота в зимнее время пока остается открытым.

В дополнение к сказанному еще одна проблема привлекает наше внимание. Дело в том, что племена со столь длительными земледельческими традициями должны были иметь какой-то счет времени, обязательный для сельскохозяйственных работ. Иными словами, для успешного возделывания злаков, которое ежегодно проходило ряд последовательных этапов — обработка полей, посев, прорастание и вызревание зерен и, наконец, сбор урожая, закономерно было изобретение какого-то сельскохозяйственного календаря, основанного на земледельческом цикле работ.

Необходимость установления сроков наступления тех или иных сельскохозяйственных работ толкала людей на поиски таких природных периодических явлений, с помощью которых можно было бы решить эту задачу. Уже в глубокой древности

³³ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 148, рис. 57, 1.

³⁴ Сравнительно малое (по сравнению с неолитом) количество кремневых вкладышей от жатвенных ножей, с одной стороны, и развитая металлургия меди (см. выше) — с другой, позволяют предположить раннее появление медных жатвенных орудий, не обнаруженных пока раскопками.

люди осознали, что такие периоды следует искать среди астрономических явлений, так как Солнце, Луна, планеты и звезды воспроизводят в своих движениях подобные периоды бесконечное число раз. Важно было выбрать те из этих периодов, которые были бы связаны с повторяемостью сезонных природных явлений, от которых зависел весь уклад жизни древних земледельцев. Безусловно, обработка земли, посев, жатва и другие работы совершались в определенное время года. Цикличность полевых работ связывалась с положением на небе Солнца и Луны, звезд и планет, и наблюдения за движением небесных тел, передававшиеся из поколения в поколение, не могли не послужить основой для создания календаря. Последний вряд ли служил для счета лет или других отрезков времени, но для регулирования полевых работ и связанных с ними сельскохозяйственных праздников и иных культовых отправлений он был необходим.

У современных земледельческих племен Африки и Юго-Западной Азии³⁵ существуют примитивные календари для регулирования полевых работ, причем за основу берется положение на небе созвездия Плеяд, хотя наблюдается также положение Солнца и Луны. Это общее положение у нецивилизованных народов современности; их календарь, по словам Э. Тейлора, тем и отличается, что хотя дни, месяцы и годы известны людям, дни еще не сгруппированы в месяцы и не установлено, из скольких месяцев и тем более из скольких дней состоит год.³⁶

Иначе обстояло дело у культурных народов древности, вавилонян и египтян. Вавилонские жрецы знали уже не только Солнце и Луну, но и остальные пять планет, которые составляли одну группу из семи светил и служили предметом поклонения; каждая из планет отождествлялась с определенным божеством, носила его имя и изображалась при помощи специального символа. Астрономические познания находились на высоком уровне: все звездное небо было разбито на 15 частей, эклиптика делилась на 12 частей, проводились наблюдения и регистрировались кульминационные моменты отдельных звезд.³⁷ Основными единицами счета времени были сутки, лунный месяц и лунный год.

Что касается территории Средней Азии, то древнейшие календари, известные по преданиям, отмечаются в Согде и Хорезме; в основе своей они не отличались от древнеперсидского, т. е. состояли из 12 тридцатидневных месяцев и 5 добавочных дней.³⁸

³⁵ А. Т. Брайант. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 164.

³⁶ Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 195.

³⁷ В. Н. Авдиев. История Древнего Востока. М., 1948, стр. 112, 113.

³⁸ Бирюни. Избранные произведения. Ташкент, 1957, т. I, стр. 20.

Данные этнографии говорят о том, что у горных таджиков существовало два календаря. Один из них был мусульманским, а другой, крайне архаичный, по всей вероятности, являлся пережитком очень древних времен. Он заключался в том, что солнце во время своего годового цикла, по их повериям, останавливалось последовательно на всех частях человеческого тела; его «остановки» определяли весь быт и всю последовательность полевых и иных хозяйственных работ.³⁹

Как мы видим, народы южного земледельческого пояса Евразийского материка были с давних пор знакомы с движением светил и создали весьма рациональные календарные системы, основанные на движении Солнца и Луны среди практически неподвижных звезд. Не исключена возможность, что на основе астрономического хозяйственного календаря у ряда племен были усложненные календари жреческого, сугубо религиозного характера.

С пятой календарной системой мы сталкиваемся у древних культурных народов Америки — майя⁴⁰ и ацтеков (толтеков).⁴¹ Продолжительность солнечного года у них была высчитана с точностью до одной минуты; они умели рассчитывать наступление солнечных затмений, знали периоды обращения Луны, Венеры и других планет. Календарь майя состоял из двух разделов: ритуальной последовательности дней (тоналпоуалли), охватывавшей 260 дней,⁴² и солнечного календаря, разделенного на 18 двадцатидневных месяцев и пятидневный несчастливый период. Названия месяцев, связанные с различными сельскохозяйственными культурами, указывают на происхождение счета времени от земледельческих работ.

Таким образом, мы видим, что в разных местах Земли имелись и имеются различные календарные системы, причем истоки некоторых из них до сих пор остаются неясными. Солнечный год, лунный месяц, тоналпоуалли, различные циклы и другие отрезки времени в конечном счете берут свое начало от земледельческих рабочих циклов и лишь впоследствии приобретают религиозную окраску.

Что же может, на наш взгляд, свидетельствовать о наличии земледельческого календаря у исследуемых нами племен? Осед-

³⁹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. ТИИАЭ АН Тадж. ССР, т. XI, 1958, вып. II, стр. 153—174.

⁴⁰ Ю. В. Квирозов. Днего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М., 1955, стр. 48—73, 165.

⁴¹ Дж. Вайяна. История Ацтеков. М., 1949, стр. 139—143.

⁴² По свидетельству Дж. Вайяна (ук. соч., стр. 140) и Ю. В. Квирозова (ук. соч., стр. 64), не установлено, каковы источники 260-дневного тоналпоуалли; этот срок либо имел магическое значение, либо основывался на каких-то астрономических явлениях (каких именно, до сих пор не выяснено).

лые земледельческие племена не могли не знать смены времени года, возвращения солнца в какую-то определенную исходную точку, что образовывало тем самым солнечный цикл, то которого зависели полевые работы. Они прекрасно знали, что летний зной неминуемо сменяется холодом, что между этими временами года постоянны дождливые периоды. Можно не сомневаться в том, что древние земледельцы Южного Туркменистана на основании сельскохозяйственного цикла имели какой-то календарь. Вся сложность проблемы заключается в том, чтобы при помощи данных археологии попытаться уловить нить, которая хотя бы в порядке предположения позволила бы привести к установлению их системы счисления времени.

Какими данными мы можем оперировать а priori? Во-первых, известно, что древние календари персов, согдийцев и хорезмийцев насчитывали в году 360 дней и 5 лишних дней: во-вторых, новый год многих земледельческих народов начинался с дня весеннего равноденствия (23 марта), который совпадал с восходом Плеяд и началом полевых работ.

На бедрах женской статуэтки с Ялангач-депе, олицетворяющей, надо полагать, плодоносящую мать-землю, изображено 15 солнечных кругов (12 одинарных и 3 двойных) (рис. 45) и фигура в виде елочки среди них. По поводу этих знаков может возникнуть два мнения: или они случайны, или имеют определенный смысл. Поскольку перед нами несомненно сакральное изображение, представляется маловероятным нанесение безусловно семантических символов по произвольному желанию человека, изготовлявшего его. Более того, известны фрагменты аналогичных женских статуэток с изображениями солнц на тех же местах, что подчеркивает не случайный характер подобного орнамента. Хотя в нашем распоряжении и нет больше целых экземпляров, но число 15 также нельзя считать случайным. Последнюю мысль может подтвердить тамгаобразный антропоморфный налест на стене ялангачского «святилища», который украшен опять же пятнадцатью углублениями.

Если мы попытаемся установить определенную связь между числом 15 и количеством дней в году (365), то окажется, что последнее, будучи разделенным на 15, даст 24 и в остатке 5. На основании этого было бы заманчивым полагать, в порядке рабочей гипотезы, для окончательного разрешения которой еще, к сожалению, недостаточно данных, что земледельческий календарь населения Южной Туркмении поры энеолита состоял из 15 двадцатичетырехдневных месяцев и 5 «лишних» дней. А то, что древние земледельцы подгорной полосы Копет-Дага и Геоксюрского оазиса прекрасно знали небесные тела и, видимо, ориентировались в них, нам хорошо известно по тем астрально-солярным символам, которые представлены не только на статуэтках, но

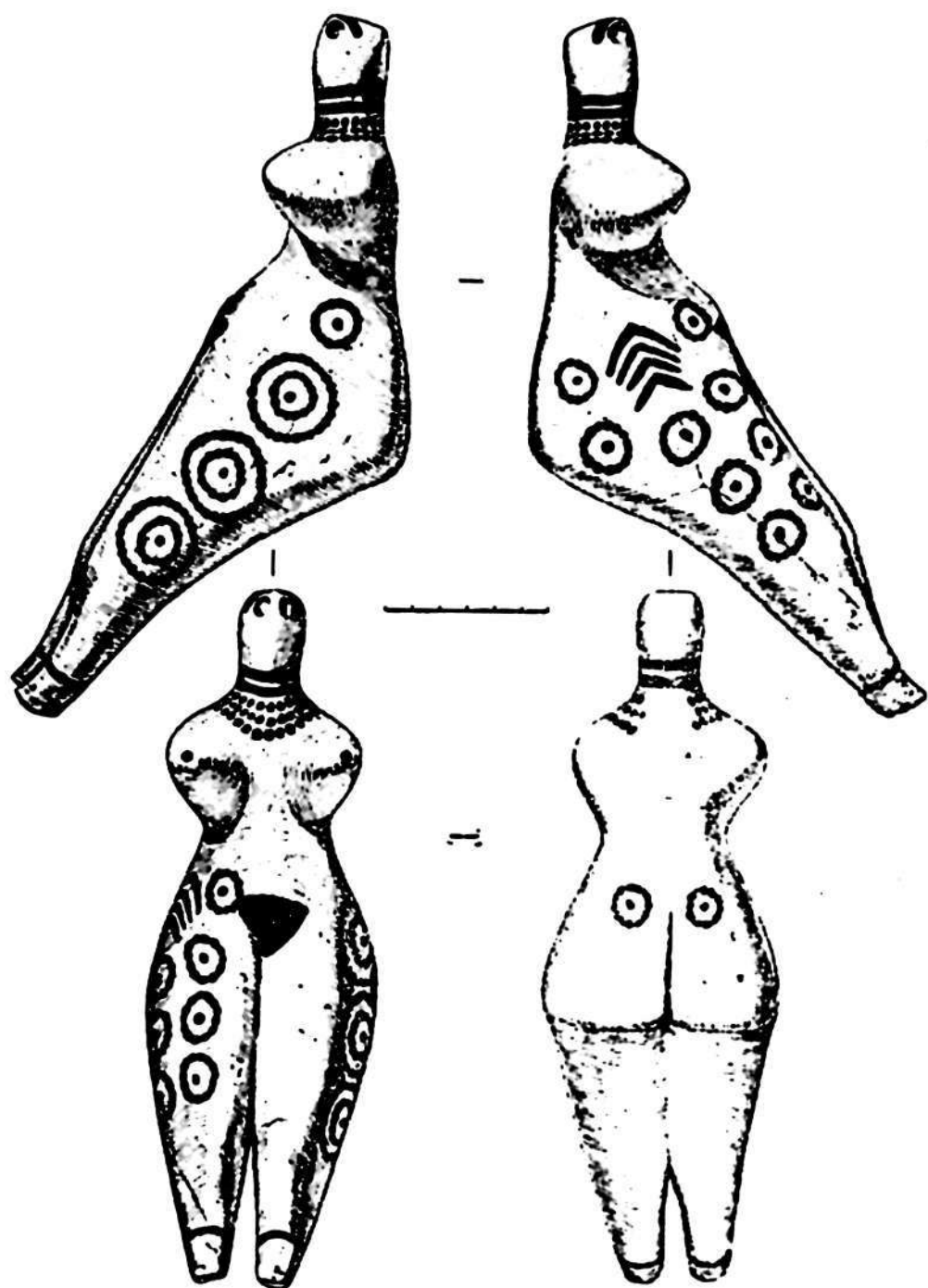

Рис. 45. Женская статуэтка с солярными кругами с Ялапгач-дене.

и на многочисленной керамике времени Намазга I, Намазга II и Намазга III.⁴³

Кроме числа 15, которое можно увидеть на некоторых предметах из области культа (статуэтка, налеп), на аналогичных же предметах встречено число 24 и 12. Так, на женской статуэтке с Кара-депе имеется на плечах 24 налепных шашечки; на статуэтке с Геоксюра насчитывается 12 (т. е. половина) таких налепов.⁴⁴ Не делая пока никаких категорических выводов, необходимо все же отметить, что количество налепов или других повторяющихся деталей орнаментации на культовых предметах представляется не случайным.

Предлагаемая гипотеза еще нуждается в проверке. Однако, несмотря на это, не исключена возможность, что именно таким и был древний земледельческий календарь исследуемых нами племен. Одно несомненно, что под многими символами, которые повсеместно встречаются в культуре древних земледельцев и относятся исследователями к различным культам и магии, всегда следует искать рациональное зерно, поскольку все положительные знания человечества уходят своими корнями в далекие времена дописьменной истории.

2. Скотоводство и охота

Ряд археологических находок и большое количество остеологических остатков, пзвлекаемых из культурных напластований древнеземледельческих поселений, указывает на то, что скотоводство играло в жизни древних земледельцев Геоксюрского оазиса, как и всей подгорной полосы Южной Туркмении, значительную роль. Однако его доля в хозяйстве была, по-видимому, меньше, чем доля земледелия. Характер скотоводства нам неизвестен, но исходя из общего облика хозяйства можно а priori предполагать, что оно было пастушеским. Находки собачьих черепов могут указывать на то, что при пастыбе стад применялись собаки.

Кости животных были найдены на всех раскапывавшихся поселениях в значительном количестве. Определения костей произведены А. И. Шевченко (Дашлыджи-депе, Ялангач-депе и Гео-

⁴³ Возможен еще один аспект рассмотрения числа 15. Дело в том, что на Переднем Востоке (в Шумере и Вавилоне) были приняты для счета времени лунные циклы длительностью в 4 недели. Не исключена возможность, что каждый рисунок солнца обозначал не условный двадцатичетырехдневный месяц, а всего лишь один день. Тогда общее количество «солнц» соответствовало бы половине лунного месяца и охватывало более короткий отрезок времени.

⁴⁴ В. М. М а с с о н. Новые раскопки на Джейтуве и Кара-депе. СА, 1962, № 3, стр. 163, рис. 4; В. И. С а р я н и д. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, табл. XII, 1.

ксюр 1) и В. И. Цалкиным (Айна-деше, Муллали-деше, Акча-деше и Геоксюр 7). К сожалению, данные А. И. Шевченко неполные, так как она определила только количество особей, не подсчитав количества костей каждого вида животных. Статистическая обработка фаунистических остатков показала, что подсчет животных по особям (табл. 1) не всегда совпадает с подсчетом животных по костям (табл. 2). Поэтому нами приводятся ниже обе таблицы. Поскольку основной упор всей книги делается на ялангачский период, то данные с поселений этого периода выделены особо.

Количественный перевес мелкого рогатого скота (козы—овцы), отчетливо видимый из таблиц, вполне понятен, поскольку последний не только отличается большей скороспелостью, чем крупный рогатый скот, но и численно преобладал в составе стада. На более молодых памятниках разрыв между мелким и крупным рогатым скотом значительно ощутимее. Так, на Дашлыджи-деше это соотношение было 1 : 5, в ялангачском периоде это соотношение колеблется от 1 : 3 до 1 : 7, что, возможно, зависело от природных условий каждого микрорайона; к геоксюрскому времени оно доходит до 1 : 11. По-видимому, это возрастание численности коз и овец было в то время закономерным явлением и может быть поставлено в связь с постепенным затуханием древней тедженской дельты. В более засушливом климате стали отдавать предпочтение разведению мелкого рогатого скота по причине его большей неприхотливости.

Крупный рогатый скот был длиннорогим и отличался крупными размерами. Его высота в холке могла быть, согласно определению В. И. Цалкина, 125—130 см.

Кости свиней принадлежат крупным животным домашней формы вида, но встречены в незначительном числе. По-видимому, разведение свиней не было популярным у жителей Геоксюрских поселений.

Если мы обратимся для сравнения к другим областям Ближнего Востока, где в V—IV тысячелетиях до н. э. существовали оседлоземледельческие поселения с расписной керамикой, то увидим аналогичную картину. В Джармо и в Хассуне наблюдаются те же четыре вида домашних животных (бык, свинья, овца и коза); быки и свиньи отмечены в Сирии и Палестине (Натуф и Телль-Джудейде); в Сналке I были найдены кости тех же животных, кроме свиньи.⁴⁵ Р. Дайсон, подробно разбирая все случаи находок костей домашних животных, полагает, что сочетание названных четырех видов скота является экономическим

⁴⁵ R. H. D y s o n. Archeology and the Domestication of Animals in the Old World. «American Anthropologist», vol. 55, № 5, 1, part. 1, 1953, стр. 662.

Животные Геокюрского оазиса (по костям)

Период	Памятник	Домашние животные						Дикие животные							Всего костей домашних и диких животных	% костей домашних животных от всего количества
		крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	собака	всего костей	соотношение количества костей крупного и мелкого рогатого скота	степные		тугайные		лиса	птица	всего костей		
								лошадь (кулан)	джебран	олень бухарский	кабан					
Плани- гачский.	Айна-депе	409	413	7	2	831	1:1	21	3	1	8	—	—	33	864	96
	Геокюр 7	162	341	11	—	514	1:2	4	3	—	8	—	—	15	529	97
	Муллали-депе	37	89	14	1	141	1:2	9	4	1	—	—	—	14	155	91
	Акча-депе	134	663	11	1	809	1:5	45	16	—	—	7	1	69	878	92
	Всего костей	742	1506	43	4	2295		79	26	2	16	7	1	131	2426	
	% видов домашних и диких животных от общего количества тех и других	32.33	65.62	1.87	0.18	100		60.3	20	1.52	12.21	5.34	0.76	100		
	% от всего количества животных					94.6									5.4	100

стенным комплексом, характерным для поселений Ближнего Востока середины V тысячелетия до н. э.⁴⁶

Наряду с развитым земледелием и скотоводством древнее население Геоксюрского оазиса продолжало заниматься охотой. Объектами охоты служили в основном мясные животные, представленные двумя фаунистическими комплексами — обитателями тугайных зарослей и обитателями безлесной равнины. К первым относятся бухарский олень, кабан и заяц; ко вторым — джейран, кулан и сайга. Относительно кулана существуют два мнения. А. И. Шевченко полагает, что принадлежность костей эквид лошади или кулану не поддается определению. В. И. Цалкин считает, что все поддающиеся видовому определению кости эквид, безусловно, принадлежат кулану (*Equus hemionis*).

Общее количество костей диких животных сравнительно велико; в среднем составляет около 10% от всего количества особей, определяемых по костным остаткам (табл. 1 и 2). Это дает основание полагать, что несмотря на развитое производящее хозяйство, охота имела существенное значение в экономике (главным образом в питании) населения Геоксюрского оазиса. При этом необходимо отметить, что в подавляющем большинстве объектов охоты служили обитатели равнинной полупустыни (джейран и кулан), на которых приходится до 85% от общего числа особей и костей диких животных. Вопрос о способах добычи этих быстроногих представителей животного мира пока остается открытым.

Кроме перечисленных животных, следует отметить еще верблюда (*Camelus Bactrianus*); кости его были найдены во втором строительном горизонте шурфа на холме Геоксюр 1 и на холме Чонг-депе. По поводу находок костей этого животного, сделанных в разных поселениях Туркмении (Анау) и Северного Ирана (Шах-тепе), Р. Форбс полагает, что все же это животное нельзя считать столь рано одомашненным; по его мнению, оно было одомашнено не позднее конца II тысячелетия до н. э.⁴⁷ Возможно, об этом же говорят находки глиняных головок от фигурок верблюдов в верхнем слое Намазга-депе времени Намазга V (начало II тысячелетия до н. э.).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ R. J. Forbes. *Studies in Ancient Technology*, t. II. Leiden, 1955, стр. 189. — Е. Е. Кузьмина (Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема domestикации бактрианов. СА. 1963, № 2, стр. 39) полагает, вслед за В. Амплером, что кости верблюда из III слоя Шах-тепе (первая половина III тысячелетия до н. э.) принадлежали домашней форме вида. В подтверждение этому взгляду она ссылается на фигурки одnogорбых и двугорбых верблюдов с поселения Кара-депе, с которыми ее ознакомил А. А. Марущенко. Однако я, хотя и принимал участие в раскопках этого поселения в 1955—1963 гг., не видел ни одной фигурки этого животного. По-видимому, виденные ею фигурки происходят с другого, более позднего поселения, которое было названо «Кара-депе» по недоразумению.

3. Домашнее производство

Уровень домашнего производства на ранних этапах развития культуры древних обитателей Геоксюрского оазиса был сравнительно высоким, но большинство его отраслей направлялось на удовлетворение нужд замкнутого хозяйственного коллектива, т. е. его можно считать натуральным. На поздних этапах, как мы увидим ниже, имеются некоторые свидетельства о зарождающемся разделении труда, приведшем впоследствии к товарному хозяйству.

Гончарное производство

Наиболее массовыми находками при археологических раскопках является керамика. По всей вероятности, производством посуды занимались женщины, как об этом свидетельствуют многочисленные и хорошо известные этнографические примеры, приводить которые здесь нет надобности.

Расписная керамика, как и ангобированная нерасписная, имеет в тесте значительную примесь мелко рубленой соломы или травы. Эта примесь добавлялась для уменьшения липкости слишком «жирной» глины, а также для содействия испарению воды и одновременно предотвращения усадки, которая сопровождается растрескиванием и деформацией изделия. В последнем случае растительная примесь выполняла роль своеобразного костяка. После ее выгорания во время обжига посуда становилась мелкопористой и влагопроницаемой. Последнее свойство давало возможность находящейся в сосуде жидкости испаряться, вследствие чего эта жидкость оставалась холодной. Кухонная посуда (котлы) имеет, наоборот, очень плотный черепок. Это достигалось примешиванием в тесто песка для увеличения жаростойкости изделия и обеспечения тем самым его большей долговечности.

Таким образом, очевидно, что для производства посуды приготавливалось специальное тесто нескольких сортов, в зависимости от назначения того или иного изделия.

Изучение ряда фрагментов позволило установить некоторые технические приемы изготовления посуды. Крупные толстостенные корчаги с подкосом в придонной части изготовлялись ленточной техникой. Для этого делались длинные глиняные ленты шириной до 8 см. Верхний край такой ленты приострялся и на него насаживалась лента, причем ее нижняя часть получала продольную выемку. Края этой выемки как бы натягивались с двух сторон на приострение нижней ленты, после чего место соединения тщательно заглаживалось. После того как верхняя и нижняя части сосуда были изготовлены, они соединялись. Для более прочного соединения снаружи, на перегиб, поверх соединитель-

ного шва накладывалась еще одна тонкая глиняная лента; ее концы заглаживались и сводились на пет (рис. 46). Этим достигалось то утолщение в перегибе, которое фиксируется у многих крупных корчаг.

На топкостенных сосудах среднего размера этого приема проследить не удалось, однако некоторые миски с коническими стенками (Дашлыджи-лепе) были изготовлены, по-видимому, также из двух частей. На глиняную лепешку, которая служила дном, налеплялась глиняная лента стенок. Место их соединения было

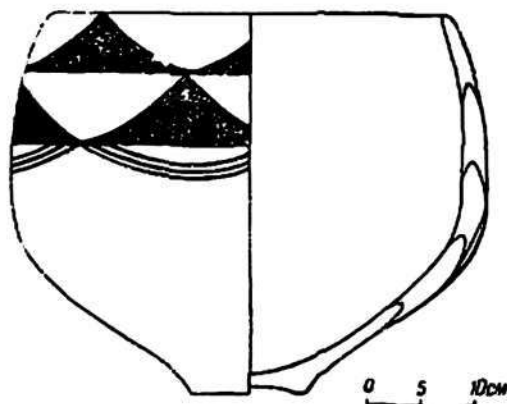

Рис. 46. Разрез корчаги, сделанной ленточным способом (схема).

непрочным, так как при ломке стенки отламывались от дна и почти точно по его краю. Сосуды небольших размеров могли быть изготовлены из одного куска глины при помощи постепенного вытягивания легкими ударами по стенке. Для этого изнутри изделия помещался какой-либо сферический предмет, например окатанная галька, служившая наковальней, и по стенкам ударяли специальной лопаточкой.⁴⁸

После того как сосуд был вчерне сформован, его стенкам придавалась ровная поверхность. В ялангачское время для этого служили специальные костяные и каменные шпатели. Первые изготавливались из широких ребер крупного скота и представляли собой костяную пластинку подтреугольной формы плавных очертаний (рис. 47, 1), вторые были плоские сланцевые (рис. 47, 2); при помощи таких орудий удалялись все неровности, места соединения лент выглаживались заподлицо со всей поверхностью.

Следующим этапом технологического процесса являлось нанесение на поверхность тонкого слоя жидкой глины без каких-либо примесей. Слабые, порой едва заметные пучки параллельных бороздок на сосуде свидетельствуют о том, что ангоб наносился куском шкуры или пучком травы, обмакнутыми в жидко разведенную глину.

Столь широкое применение ангоба было обусловлено тем, что неангобированная поверхность вследствие проступания растительных примесей становилась после обжига очень неровной. Ангоб же образовывал плотную пленку и препятствовал застреванию остатков пищи в порах сосуда. Кроме того, он усиливал

⁴⁸ В. И. Сариянди. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 12.

влагонепроницаемость пористых стенок сосуда и служил прекрасным грунтом для росписи. Соединение ангоба с глиной сосуда не всегда было прочным; в ряде случаев он легко отскакивает, обнажая пористую и неровную поверхность глины.

На высушенный сосуд поверх ангоба, который иногда был заглажен до блеска, обычно наносилась роспись более или менее интенсивного коричневого цвета. Изредка она даже приближается к красному. Состав краски, надо полагать, был один, а варианты оттенков зависели от режима обжига. Мы имеем несколько не-

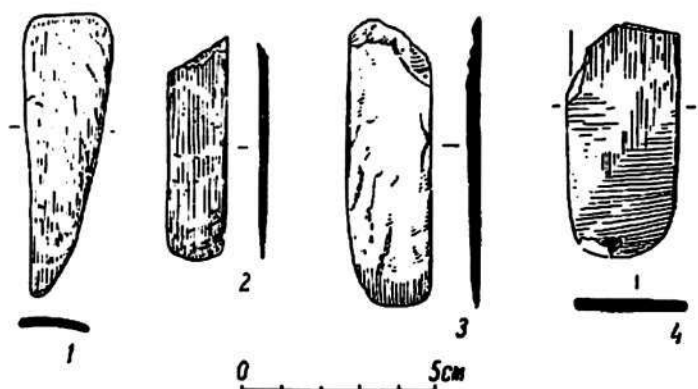

Рис. 47. Шпатели из кости (1) и камня (2—4) для выглаживания керамики.

1, 2 — Илагач-депе; 3 — Муллали-депе; 4 — Айна-депе.

обожженных предметов, правда, более позднего времени, с Карадепе у Артыка;⁴⁹ роспись на них нанесена краской, которая до обжига имела красный цвет. После обжига узоры становились темно-коричневыми. Первоначальный цвет краски свидетельствует о том, что в ее состав могли входить железистые соединения.

Судя по длинным мазкам, узоры наносилась при помощи длинноворсной жесткой кисти, которая могла пабрать сравнительно большое количество краски. Среди находок на поселении Карадепе у Артыка времени раннего Намазга III известен костяной инструмент, который можно считать основой кисти для росписи керамики. Это трубчатая кость животного с отпиленным эпифизом. Вся средняя часть ее забита глиной, а в одном из хорошо отделанных концов сохранились кусочки красной охры. Туда, по-видимому, вставлялся и как-то закреплялся пучок щетины (травы?), при помощи которой краска наносилась на сосуд.

⁴⁹ В. М. М а с с о п. Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, 1959, вып. 73, рис. 25, 7; Н. Н. Х л о п и н. Верхний слой поселения Карадепе. КСИИМК, 1959, вып. 76, стр. 47.

Суждение о режиме обжига сосудов можно составить по их многочисленным фрагментам. Температура обжига была сравнительно невысокой. Черепок тонкостенных сосудов в изломе одноцветен, поскольку они прокаливались равномерно на всю толщину, а органические примеси полностью выгорали. Толстостенные же корчаги, наоборот, имеют в середине излома черную полосу, которая указывает, что для прокаливания толстых стенок температура обжига была явно недостаточной. Об этом же говорит черная расслаивающаяся сердцевина крупных терракотовых статуэток. Эта черная полоса в середине черепка является результатом обугливания органических веществ, содержащихся в виде естественных примесей к глине или прибавленных сознательно. Вполне допустимо, что тесто могло замешиваться на жидкости органического происхождения. Туда могли, например, добавлять навоз или сыворотку от творога и т. п.

На вопрос о том, каким образом обжигали керамику времени Намазга I—Намазга II, позволяет ответить открытое на Дашлыджи-дехе мощное скопление однородной золы, которое перекрывает помещение 14 третьего строительного горизонта и комплекс IV второго строительного горизонта. Прокаленность сохранившихся в этом месте стен свидетельствует о разведении здесь сильного огня, а обжиг посуды без каких-либо специальных печей на открытом воздухе имел место до недавнего времени у многих современных примитивно-земледельческих народов.

В настоящее время у горных таджиков, живущих в Ягнобе, Каратегине, Файзабаде и на левобережье Вахша, практикуется обжиг посуды, изготовленной женщинами ручной лепкой, без применения специальных горнов.⁵⁰ С небольшими вариантами для каждого из названных мест процесс обжига сводится к следующему. Во дворе или на улице выбирают площадку около 4 м в диаметре, на которую кладут слой сухого коровьего навоза толщиной в 20—25 см. На середине этой подстилки устанавливают крупные сосуды, а между ними помещают раскаленные угли. Вокруг крупных предметов складывают компактно более мелкие. Когда вся куча, которую таджики называют «пур», уложена, ее покрывают навозными лепешками; этими же лепешками и их обломками заполняют пустое пространство между сосудами. Для покрытия «пура» применяют лепешки, сделанные из смеси коровьего и овечьего навоза, так как они дают больше жара. Интересно, что из одного овечьего навоза таджики топлива не делают, поскольку он, по их мнению, излишне жарок и посуда вследствие этого трескается. Интересно отметить, что в одном

⁵⁰ Е. М. Пещерев а. Гончарное производство Средней Азии. ТИЭ, нов. сер., т. XLII, М.—Л., 1959, стр. 40—42.

«шуре» может быть обожжена продукция не только одной семьи, но и нескольких живущих по соседству.

Подобный же способ обжига посуды известен у других земледельческих племен — у североамериканских индейцев пуэбло.⁵¹ У них также не было специальных горнов для обжига их великолепной расписной посуды. Для этой цели высушенная на воздухе продукция устанавливалась компактной группой в неглубокой яме где-нибудь недалеко от жилья, обкладывалась кругом каменными плитами и поверх них лепешками сушеного навоза. При этом в отличие от таджиков наиболее целесообразным индейцы считали применение овечьего навоза. Ряд земледельческих племен Африки, в первую очередь гончары народов Судана и банту, изготовленную наленом посуду также обжигали на открытом воздухе без каких-либо дополнительных приспособлений.⁵² Попутно отметим, что брак при таком обжиге посуды был очень незначительным.

Как мы видим, многие земледельческие племена и народы не знакомы со специальными горнами для обжига посуды. Причем без горнов обжигались отнюдь не грубые примитивные горшки исключительно утилитарного назначения, а великолепная тонко выделанная посуда, подчас богато украшенная превосходной росписью.

Видимо, подобным же способом обжигали свою посуду и древние земледельцы Геоксюрского оазиса в IV тысячелетии до н. э. (рис. 48). Поэтому мощная «свалка» золы, обнаруженная на Дашлыджи-депе, может быть интерпретирована как специальное место для обжига посуды, которым пользовалось сообщество все население этого небольшого поселка. При таком толковании зольника становится понятной его мощность и однородность, а также очень сильная прокаленность полов и остатков стен заброшенных помещений.⁵³

Анализируя обжиг древнеегипетской посуды додинастического времени, А. Лукас полагает, что на ранней ступени производства керамики горшки обжигались также прямо на земле в куче топлива, вероятно, покрытого навозом для сохранения тепла. Позднее, по его мнению, эту кучу стали окружать невысокой стенкой из глины, а поверхностный слой навоза постепенно уступил свое место той же глине. Это, наконец, привело к созданию простейшей гончарной печи с перегородкой между горшками и топливом.⁵⁴

В результате исследований последних лет появился значительный материал для определения того исторического этапа, на

⁵¹ С. Е. G h i t e. Pueblo Pottery making. New-Haven, 1925, стр. 26.

⁵² «Народы Африки». М., 1954, стр. 533.

⁵³ Иную точку зрения на происхождение зольника с Дашлыджи-депе см.: В. И. С а р п а н и д и. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 298.

⁵⁴ А. Л у к а с, ук. соч., стр. 560.

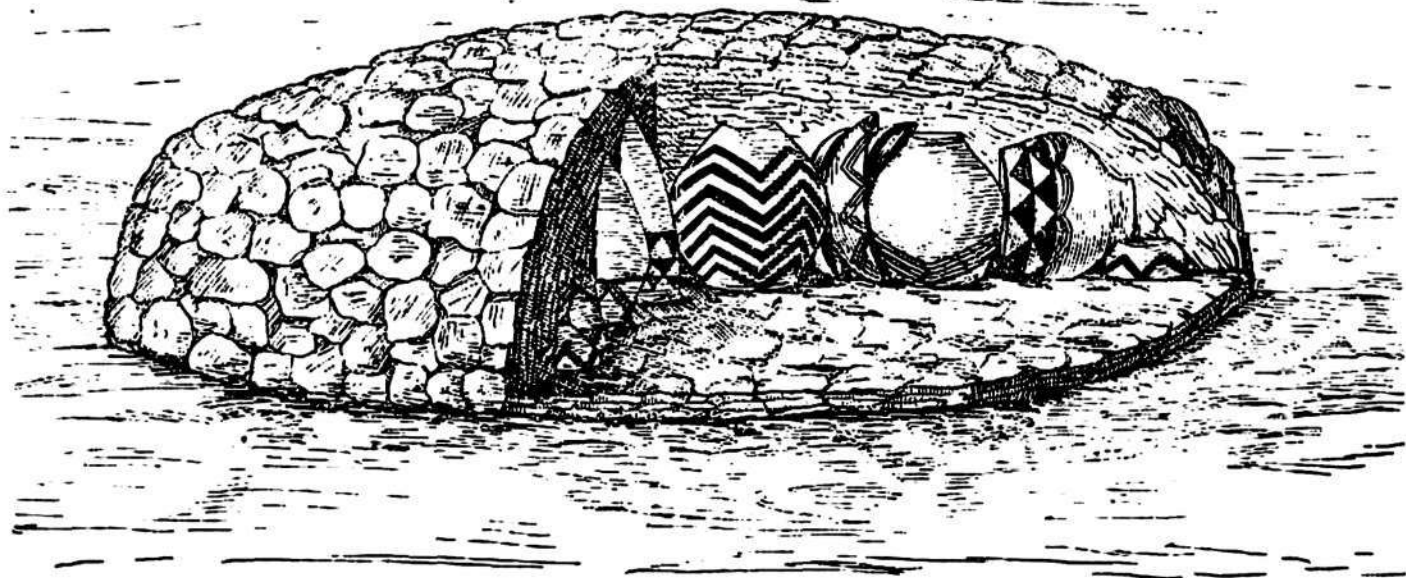

Рис. 48. Обжиг керамики в куче в дашлиджинское и ялашгачское время (реконструкция).

котором гончары поселений Геоксюрского оазиса перешли к употреблению специальных керамических горнов. Этот материал представлен, во-первых, большой керамической коллекцией, анализ которой позволяет установить вероятное время начала применения горнов, и, во-вторых, самими обжигательными печами весьма примитивной конструкции. Кроме того, имеется материал, свидетельствующий о местных генетических корнях специальных обжигательных устройств.

Рассматривая керамику Геоксюрского оазиса от момента возникновения группы поселений до прекращения жизни в них, можно установить несколько своеобразных, но четких этапов. Не вызывает никаких возражений тот факт, что наблюдается непрерывная линия развития посуды (форм, орнамента и технологии производства) вплоть до времени Муллали-депе и Акча-депе, которые соответствуют четвертому строительному периоду в шурфе Геоксюрского холма. Как мы установили выше, на Дашлыджиде керамические изделия могли обжигаться на открытом воздухе без применения даже какого-то подобия печи. Такой же способ обжига применялся, по-видимому, в течение всего ялангачского периода. Об этом свидетельствует тесто сосудов, неизменно рыхлое и содержащее растительную примесь. Рыхлость теста, явившаяся следствием равномерного, но слабого обжига, обусловила гигроскопичность черепка. Переживание деградированных мотивов дашлыджинской росписи является косвенным указанием сохранения прежних производственных традиций и навыков.

На смену ялангачской керамике приходит совершенно отличная от нее посуда. Продолжительность ее существования соответствует времени жизни одного-двух строительных периодов, после чего она уступает место сосудам, украшенным полихромной росписью геоксюрского стиля. Иными словами, эта керамика во всех случаях ее обнаружения стратиграфически является связующим звеном и своеобразным рубежом между двумя различными орнаментальными системами: ялангачской и геоксюрской.

Тесто названной группы керамики в изломе почти совершенно не содержит растительных примесей. Вместо этого часто наблюдается примесь мелкого песка и толченого гипса в виде крупинок различной величины. Эти примеси заменили собой растительную, поскольку предназначались для выполнения тех же функций — они отощали жирную глину и делали ее пригодной для выделки сосудов. Кроме того, гипс по своим свойствам являлся плавцем, т. е. при той же температуре обеспечивал лучшее прокалывание глины. Отсутствие растительной примеси, которая прежде выгорала при обжиге и образовывала пористость, а также примесь гипса способствовали тому, что черепок стал более плотным и звонким. Покрытие сосуда ангобом с его последующим лощением, в сочетании с повышенной температурой обжига, сделало посуду

значительно более влагонепроницаемой. Цвет готовой продукции преимущественно красный. Тем не менее почти не встречено сосудов с равномерной окраской. Большинство дошедших до нас экземпляров имеет во многих местах темно-серые, доходящие до черного цвета пятна, подчас занимающие чуть ли не половину поверхности изделия. Иногда вся поверхность снаружи или изнутри, а то и с обеих сторон, вместо красного цвета приобретает темно-серый оттенок, причем у таких сосудов ангоб, как правило, непрочен.

Присутствие пятен на посуде, исключая возможность намеренного изменения цвета с целью украшения сосуда (додинастический Египет), объясняется несколькими причинами. Во-первых, это могло быть вызвано неравномерностью температуры обжига в разных местах одного и того же сосуда; в «пурах» это вряд ли могло иметь место ввиду равномерности жара во всей куче. Во-вторых, появление пятен могло произойти в результате воздействия коптящего пламени; это опять-таки было почти исключено при обжиге в «пурах», поскольку внутри «пура» был только жар, а коптящее пламя уходило наружу, выше уложенной для обжига посуды. Очевидно, пятна на посуде образовывались в результате того, что неравномерное и временами коптящее пламя ударяло в один из боков сосуда, обтекало его и оставляло без должного нагрева другую сторону. Такое явление могло иметь место только при наличии раздельного расположения дров и продукции для обжига, т. е. при печном обжиге посуды. Кроме того, нельзя упускать из виду возможность закалки изделия после обжига, но она маловероятна.

Древнейшие гончарные печи не только Геоксюрского оазиса, но и всего юго-запада Средней Азии относятся ко времени позднего Намазга II—раннего Намазга III. Две из них были открыты в верхнем слое поселения Геоксюр 1. Они настолько похожи, что, безусловно, относятся к одному типу и не имеют многих характерных признаков специальных и совершенных в конструктивном отношении гончарных горнов времени Намазга V на Намазга-депе.⁵⁵

Печи, открытые на холме Геоксюр 1,⁵⁶ различаются между собой только размерами. Это прямоугольное сооружение из сырового кирпича, докрасна обожженного в процессе функционирования печи. Внутреннее пространство печи разделено на две примерно равные части поперечной стенкой; вся конструкция приподнята над уровнем древней поверхности на 15—20 см. Уровни

⁵⁵ В. П. Сариянди. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. ИАН ТССР, 1956, № 6, стр. 67—69.

⁵⁶ В. П. Сариянди. 1) К истории древнего гончарства... стр. 66; 2) Керамические горны восточнопашауских поселений. КСИА АН СССР, 1963, вып. 93, стр. 80—85.

пода в обеих половинах находятся на разной высоте: разница между ними около 10 см. В зависимости от этого и поперечная стенка, сделанная из поставленных на ребро кирпичей, обмазанных глиной, имеет со стороны топочной камеры большую высоту, чем с другой. Кладка внешних стенок такова, что вышележащий ряд кирпичей слегка нависает внутрь над нижележащим. Это дает возможность предположить, что верхняя часть печи или по крайней мере ее половина с более низким уровнем пода представляла собой купольное либо ложносводчатое сооружение. В передней стенке проделаны два отверстия, причем топочное вдвое уже загрузочного.⁵⁷

Можно считать установленным, что перед нами один из наиболее ранних типов обжигательной керамической печи. В таких печах топливо, которым, по-видимому, служил не кизяк, а дрова, помещалось в более узкой части, а керамическая продукция устанавливалась во второй. Благодаря тому, что горшки были на разном удалении от барьера, отделяющего дрова от обжигаемых изделий, они получали разное количество жара и обжигались неравномерно, что было полностью устранено в двухъярусных горнах. В дополнение надо отметить, что в таких печах одновременно могло быть обожжено только небольшое количество сравнительно мелких изделий, главным образом чаш. Что касается более крупных сосудов, то они обжигались, по-видимому, по старинке — в «пурах».

Откуда появились горны для обжига посуды — изобрели ли их на месте или они были принесены в этот район, подобно тому как это имело место с образцами посуды, украшенной полихромными узорами типа Намазга II? На этот вопрос в настоящее время нельзя ответить определенно. Что касается внедрения в гончарную практику печей извне, то это вполне допустимо, тем более что считаются установленными постоянные связи населения Геоксюрского оазиса с населением подгорной полосы. Однако мы до сих пор не знаем конструкции более ранних горнов для обжига посуды во всем подгорном районе, чем керамические обжигательные печи времени Намазга V с Намазга-депе; так что вопрос о существовании обжигательных печей остается пока открытым.

Для предположения о местном происхождении описанных выше обжигательных печей Геоксюрского оазиса данных больше. Как уже было показано, во многих жилых домах разных поселений ялангачского времени были хозяйственные угловые двух-

⁵⁷ В. П. Сарпаниди склонен печь из помещения 17 на Акча-депе без оговорок причислить к гончарным горнам (Керамические горны . . . , стр. 80—82). К этому, с нашей точки зрения, нет достаточных оснований хотя бы потому, что пока не известно случая обжига посуды в помещениях, особенно если помещения расположены в центре поселка.

частные очаги. Все они сооружены по одному принципу; в узкой части разводился огонь, а широкая часть представляла собой ровную поверхность, своеобразный стол. Если мы мысленно возведем над таким очагом перекрытие, а вытяжное отверстие поместим так, чтобы огонь и жар проходили через широкую часть, то получим не что иное как именно ранний тип обжигательного горна (рис. 49).

Как мы видим, конец ялангачского периода знаменует собой резкое изменение в технологии изготовления посуды. Иные при-

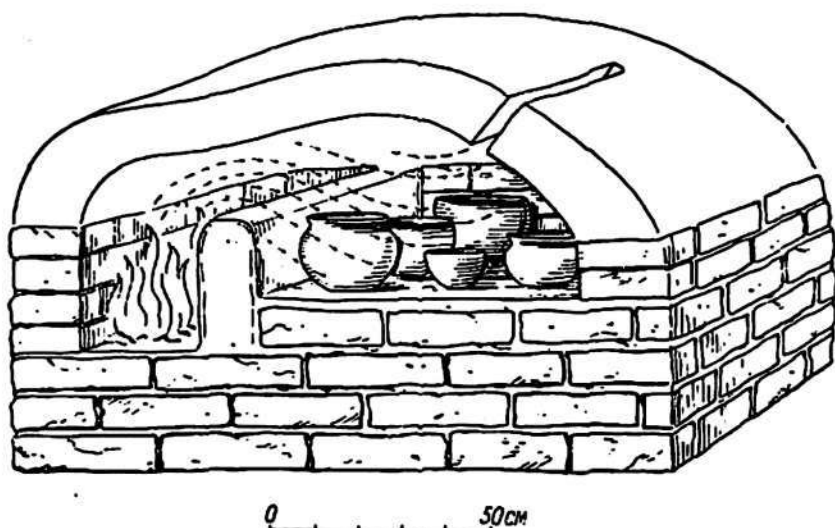

Рис. 49. Печь для обжига керамики геоксюрского времени (реконструкция).

емы обжига не могли не сказаться и на других этапах изготовления керамики. Большая строгость старых форм (чаши) и появление ряда новых (сферические сосуды с горлом) в некоторой степени свидетельствуют о том, что при формовке сосуда могли начать применять какое-то поворачивающееся приспособление еще, разумеется, далекое от настоящего гончарного круга. Примером тому служат употребляемые гончарами горного Таджикистана навозные лепешки или деревянные дощечки.⁵⁸

При увеличении температуры обжига в результате применения новых обжигательных приспособлений происходило иногда оплавление красной обмазки, наложенной поверх ангоба. Многочисленные фрагменты чаш из Восточного комплекса Муллали-депе иллю-

⁵⁸ Е. М. Пещерова, ук. соч., стр. 30.

стрируют нам это явление. Нанесенная на них обмазка под действием более высокой, чем раньше, температуры подверглась оплавлению и вследствие этого собралась в горизонтальные концентрические валики. Набухшие валики каплями протекали вниз и образовали своеобразный мелкоячеистый рисунок на поверхности сосуда.

Кратковременность бытования красной переходной керамики как бы свидетельствует об успешном завершении «периода исканий и опытов». Был, очевидно, найден новый, более жаростойкий состав краски, при помощи которого стали наносить раннегеоксюрские узоры в виде сетки из сходящихся на дне полос, имитировавшие как бы плетеную поверхность. Однако первые чаши, украшенные таким образом, отражают употребление обжигательных горнов, в которых топка и обжигательная камера располагались рядом на одном уровне, а не друг над другом. На них имеется значительное количество серых пятен, которые пагубным образом отражались на красной краске. Пятно как бы съедало красный цвет, и поэтому мы часто встречаем фрагменты стенок с сетчатым узором, выполненным в красном цвете, однако на пятне он приобретает обычный черный цвет. Лишь со времени верхнего слоя Геоксюра пятна на керамике в значительной мере исчезают, что может свидетельствовать о каком-то, пока неизвестном усовершенствовании в конструкции обжигательных печей. Между архаическими горнами времени позднего Намазга II (Геоксюр) и более совершенными двухъярусными печами времени Намазга V (Намазга-депе) значительный отрезок времени. Судя по усложненной конструкции последних, их нельзя считать только что изобретенными. Поэтому обнаружение примитивного горна, но уже с двухъярусным устройством на каком-либо поселении, в хронологическом отношении следующим за верхним слоем Геоксюра I (как, например, нижние слои Хапуз-депе или Серахское поселение), не должно быть большой неожиданностью.

Таким образом, из приведенного краткого очерка развития технологии и приемов изготовления керамики по материалам поселений Геоксюрского оазиса можно сделать существенный вывод — обнаружение при раскопках, в особенности при закладке стратиграфических раскопов и шурфов, изменений в керамике (появление новых форм и орнамента) не всегда надо связывать с какими-то воздействиями извне. На конкретном примере мы только что убедились, что на первый взгляд совершенно отличная от предыдущей посуда может быть результатом внутреннего развития производственных навыков людей. Однако в ряде случаев отмечается явное влияние извне, главным образом в системе орнаментации; но для того чтобы окончательно решить, чему отдать предпочтение, следует подвергать археологический материал тщательному анализу, отказавшись от поспешных выводов.

Каменные изделия

Всевозможные изделия из камня представлены набором разнообразных инструментов⁵⁹ и поделок непромышленного характера.

Ряд поделок из кремня, как уже отмечалось, является вкладышами от жатвенных ножей и отражает древнюю неолитическую традицию кремневой индустрии. Другие поделки из того же материала служили сверлами для работы по камню. Интересно то, что вкладыши жатвенных ножей и сверла (по функции орудий) по формально-типологической классификации можно отнести к наконечникам стрел. Это может, по-видимому, свидетельствовать о том, что наконечники метательного оружия (дротик) населением оазиса уже изготавливались из другого материала (меди), причем основное место среди орудий нападения и защиты занимает праща. Сохранившиеся кремневые наконечники более раннего времени использовались вторично: ими просверливались отверстия в бусах, прошивках и каменных веретенных напярслах. Позднее, в геоксюрское время, с их помощью изготавливали каменные сосуды.

Другой группой каменных изделий являются инструменты, изготовленные шлифовкой из сланца и мыльного камня. К ним относятся небольшие плоские орудия с Дашлыджи-депе и поселений ялангачского периода (первые использовались для работы по коже, а вторые служили керамическими шпателями), отжимник для работы по кремню; небольшие плоские диски с отверстиями служили веретеными напярслами. Многочисленные песты, зернотерки, небольшие каменные сосуды и сферические грузила для палок-копалок изготавливались из песчаника. Из белого мраморовидного камня делались небольшие сосуды, усеченно-конические и колесовидные веретенные напярсла. Кроме того, употреблялись шаровидные изделия, отверстия в которых доходили только до середины; их назначение остается пока невыясненным.

Третью группу каменных изделий составляют бусы, изготовленные из различных пород камня: кальцита, сердолика, бпрюзы, агата и мыльного камня. Кроме того, встречены биконические керамические бусины. Почти все бусы просверлены вручную с двух сторон. Перед сверлением заготовки шлифовались на абразиве (песчаниковая плита). Некоторые экземпляры бус выделяются более сложной техникой изготовления. Так, кальцитовая прошивка и агатовая бусинка были просверлены с двух сторон цилиндрическим металлическим (медным) сверлом с подсыпкой абразивного порошка, а затем отшлифованы снаружи для прида-

⁵⁹ Здесь и далее назначение орудий по следам сработанности установлено Г. Ф. Коробковой.

ния им требуемой формы. Бусина из мыльного камня была высверлена кремневым сверлом с двух сторон, после чего на ее наружную цилиндрическую поверхность были при помощи металлпческой (медной) иглы нанесены пунктирные полосы, затертые черпой краской.

Как можно отметить, уже на дашлыджинском этапе (не говоря о ялангачском) роль каменных орудий производства была сведена до минимума. В быту употреблялись лишь те инструменты (серпы, сверла), заменить которые металлическими было трудно, возможно потому, что этому способствовала их специфичность и в какой-то мере сила традиции.

Изделия из органических материалов

Земледелие и скотоводство в качестве побочных продуктов давали разнообразное сырье для многих отраслей домашнего ремесла. Из соломы, например, плелись всевозможные циновки; отпечатки их были найдены в верхнем строительном горизонте ⁶⁰ и в пятом строительном комплексе шурфа 1 на поселении Геоксюр 1. ⁶¹ По-видимому, солома окрашивалась в различные цвета и подобные изделия имели красивое поле, покрытое геометрическим орнаментом. Насколько эти изделия являлись украшением быта, мы легко поймем, вспомнив прекрасные плетеные предметы такого рода, производившиеся до недавнего времени многими отсталыми племенами Азии, Африки ⁶² и Америки. ⁶³ Было высказано, в частности, мнение, что корзиночное и циновочное плетение послужило одним из отправных пунктов при формировании геоксюрского стиля полпхромной росписи посуды. ⁶⁴

Существенными продуктами скотоводства являлись шерсть, кожа и кости. Судя по многочисленным находкам веретенных пряслел, известных с самых ранних слоев поселений Геоксюрского оазиса, население этих поселений издавна занималось прядением шерсти. Спряденные нити, по-видимому, окрашивались в разные цвета и из них изготовлялись ткани. При археологических раскопках не было найдено частей от ткацкого станка даже самой примитивной конструкции. Отсутствие его сделов может быть объяснено тем, что станок был целиком деревянным и не сохранился. Однако на поселении Геоксюр 9 было найдено костяное орудие, напоминающее современный вязальный крючок. Это указывает

⁶⁰ В. П. Сарпаниди. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, № 1, стр. 50.

⁶¹ В. П. Сарпаниди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 144.

⁶² «Народы Африки», стр. 237, 323, 385, 511.

⁶³ «Народы Америки». М., 1959, стр. 277.

⁶⁴ В. М. Массои. Южно-Туркменистанский центр. . . , стр. 24.

на то, что из шерстяных нитей если не ткались ткани, то, во всяком случае, вязались. Кроме того, из шерсти могли быть изготовлены плотные кошмы. Готовые ткани и кошмы могли богато украшаться, тем более, что многие мотивы орнамента на посуде как нельзя более подходят для этого и даже в ряде случаев напоминают аппликации. Возможно также, что мотивы орнаментации

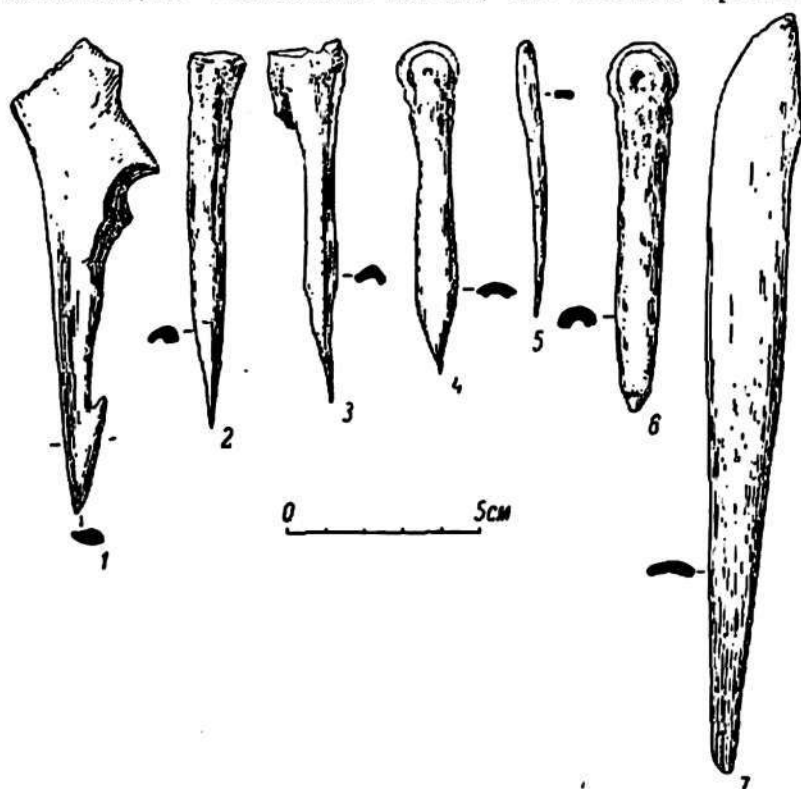

Рис. 50. Костяные инструменты ялангачского периода.
1 — Геоксюр 9; 2, 5—7 — Ялангач-депе; 3, 4 — Муллали-депе.

тканей были более разнообразными, чем те, с которыми мы постоянно встречаемся на посуде, в особенности в ялангачское и поздняялангачское время.

Обработка кожи была сильно развита. Куски кожи соединялись между собой либо высушенными сухожилиями животных, либо шерстяными нитями. Для того чтобы сшить два куска кожи, сначала костяным шилом прокалывались отверстия. Затем они расширялись при помощи особой развертки и куски соединялись нитью, протернутой в готовые отверстия костяной иглой. Для разглаживания швов употреблялись специальные костяные лопатки. Об этих операциях свидетельствуют своеобразные следы сработанности, обнаруженные на многих костяных инструментах.

Кости животных, особенно длинные, использовались в качестве материала для производства некоторых орудий труда (рис. 50).

Плоский шпатель подтреугольной формы, как уже отмечалось, употреблялся в керамическом производстве. Проколки с полого заточенным острием, развертки с круто заточенным острием и скобели предназначались для работы по коже. В обиходе были также двоянные орудия: один конец употреблялся как лощило, другой служил разверткой. Редкой находкой является игла без ушка, при помощи которой сшивалась кожа, а также, возможно, и ткань.

Инструменты для работы по коже изготовлялись по-разному. Часть шильев сделана из кости, расколотой с таким расчетом, что оставшийся эпифиз служил рукоятью. Большая же часть изготовлялась на продольных осколках, которые предварительно были лишены эпифиза и диафиза. После того как была получена заготовка, она обрабатывалась на грубом песчанниковом абразиве. Затем, после придания ей необходимой формы, рабочий конец инструмента заострялся оселком и подвергался шлифовке. Иногда шилья изготовлялись из продольно расчлененного ребра. Что касается основ для вкладышевых жатвенных пожей, то подобно известному инструменту такого рода из Чопан-депе они изготовлялись, по всей вероятности, из куска крупной трубчатой кости, а бороздка для вкладыша выстругивалась либо кремневым, либо медным пожом.

Изделия из металла

Металлические изделия широко применялись в хозяйстве и в быту древними землевладельцами Геоксюрского оазиса времени Намазга II (рис. 51). Безусловно, медных предметов в быту было гораздо больше, чем найдено до сих пор, но металл, как всегда, ценился высоко и шел в переработку; до нас дошли лишь случайные вещи.

Спектральному и структурному анализу было подвергнуто около 40 медных предметов, 10 из которых относятся к ялангачскому периоду (Ялангач-депе — 5 предметов, Айна-депе — 3 предмета, Акча-депе — 2 предмета), а 30 — к геоксюрскому (Геоксюр I — 27 предметов, Чопан-депе — 3 предмета).⁶⁵ Несмотря на их разновременность, спектральные анализы свидетельствуют о генетически единой группе металла, разделяющейся на две хронологические подгруппы. Для обеих подгрупп установлено, что все предметы изготовлены не из самородной меди, а выплавленной из руд.

Структурный анализ исследованных предметов позволил определить интереснейший технологический прием обработки металла,

⁶⁵ Е. И. Черных. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА АН СССР. 1962, вып. 91, стр. 30—37.

оказавшийся весьма неожиданным для этого времени. Весь процесс изготовления орудий представляется в следующем виде. Первоначально отливалась болванка для изготавливаемого предмета, которая при помощи холоднойковки превращалась в требуемый предмет. Этот способ изготовления орудия создавал сильные внутренние напряжения металла, приводившие к его излишней хрупкости. Для возвращения металлу прежней пластичности, его

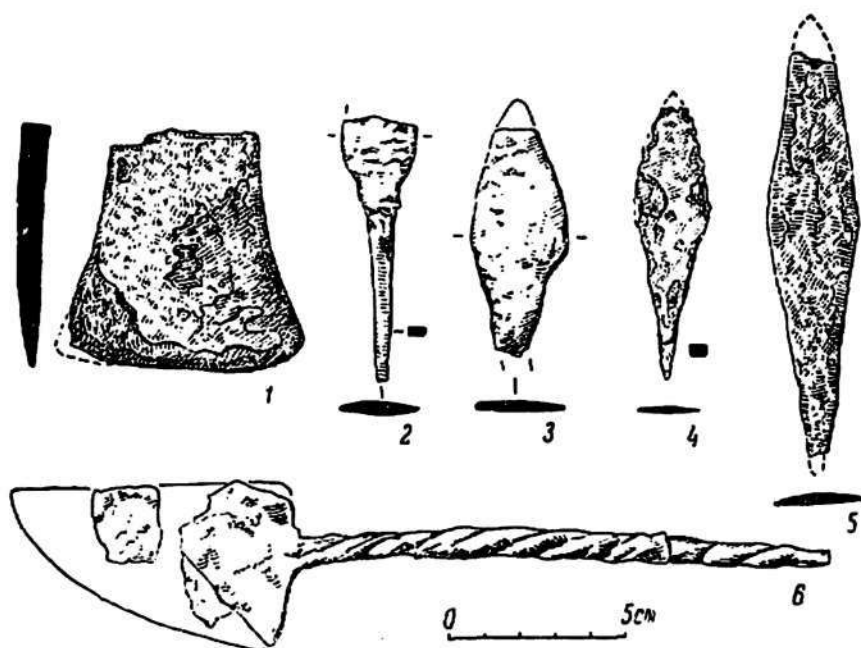

Рис. 51. Медные изделия ялагачского периода.

1, 4, 5 — Ялагач-депе; 2, 3 — Геоксюр 7; 6 — Муллали-депе.

отжигали, причем температура отжига не должна была быть выше точки плавления свинца (327°C), ибо ее превышение вызвало бы распадение предмета. Для лучшего отжига его время было длительным — до 1—2 часов.

По всей вероятности, металл добывался где-то в горных районах Северного Хорасана, где и происходила его первоначальная выплавка из руд. После этого слитки меди или готовые изделия расходились по периферии и достигали в том числе Геоксюрского оазиса. К сожалению, мастерские для обработки металла нам пока неизвестны; не исключена возможность их существования на поселениях Геоксюрского оазиса. В них могла производиться вторичная обработки меди — изготовление предметов обихода либо из слитков, либо из других более крупных или испорченных вещей.

Две подгруппы металла, четко выделяемые на основании концентраций микропримесей свинца, мышьяка и сурьмы, имеют хронологическую последовательность. Так, подавляющее большинство медных изделий ялангачского периода относятся к подгруппе 1 (в эту же подгруппу входят проколки времени Намазга II из XIV яруса шурфа Кара-депе и четвертого строительного горизонта раскопа 1 того же поселения). Для геоксюрского периода, а также для синхронного ему верхнего горизонта Кара-депе отмечается примерно равное количество изделий из обеих подгрупп. Это показывает, что на рубеже периода Намазга III население северных предгорий Копет-Дага сменило источники сырья.

Таким образом, в ялангачском периоде металл прочно входит в быт древних земледельцев. Отмеченные выше приемы термообработки металла определенно свидетельствуют о том, что металлургия времени Намазга II носила отнюдь не зачаточный характер. Подобное знание свойств металла могло появиться только после длительного знакомства с ним. Следует, однако, оговорить, что в ялангачском периоде, а также в более позднее время употребляется почти чистая медь. Это объясняется не неумением получать бронзу за счет приплава олова, а отсутствием олова в Хорасане.

4 Обмен

Немаловажную роль в хозяйстве древнеземледельческого населения Геоксюрского оазиса играл обмен изделиями, необходимыми главным образом для производственной деятельности.

В порядке обмена в Геоксюрский оазис поступали те материалы, которые отсутствовали в этом районе. В первую очередь это были камень и металл. Выходов камня нет в равнинных районах древней тедженской дельте, а ближайшим местом, откуда он мог поступать туда, была подгорная полоса Копет-Дага и его горные области. Прежде всего это был грубый камень (песчаник и мраморовидный известняк), который шел на изготовление различных орудий производства: зернотерок и пестов, ступок и сосудов, веретенных напрядел и других изделий. Залежи этих пород известны в Копет-Даге, причем наиболее близкими являются те, которые располагаются в районе Каахка—Чаача (Центральный и Восточный районы культуры древних земледельцев) и по левому берегу р. Теджен в 50—70 км южнее Серахса.⁶⁶ Отмеченные выше находки фрагментов посуды с типичным полихромным орнаментом времени Намазга II во всех поселениях оазиса подводят к тому, чтобы считать «экспортером» камня население центрального района копетдагских предгорий.

⁶⁶ Ю. Б. Айзенберг. Из истории использования естественного камня. ТЮТАКЭ, т. VIII, 1958, стр. 379.

Полудрагоценные породы камни (сердолик, лазурит, бирюза, халцедон), из которых были изготовлены бусы и пронизки, привозились, по всей вероятности, из Хорасана и Бадахшана. Можно предполагать, что основное количество камня поступало на геоксюрские поселения в виде сырья, а дальнейшая его обработка производилась на месте. Об этом могут свидетельствовать как бесформенные куски камней, так и серия кремневых сверл разных размеров, найденных главным образом на холме Геоксюр I.

Кремень, по-видимому, поступал в порядке обмена. В поселениях подгорной полосы он был более част в употреблении, поскольку последние были ближе к его местонахождениям. Оттуда он попадал в Геоксюрский оазис, по всей вероятности, уже в виде готовых изделий, которые в ряде случаев использовались не по своему первоначальному назначению. Следует также допустить возможность существования в то время в Конст-Даге разработок, которые могли эксплуатироваться не каким-либо отдельным родоплеменным объединением, но и другими, подчас удаленными на значительные расстояния. Из этнографии многих народов известно, что время от времени какое-либо племя снаряжало к таким общим разработкам или даже рудникам многодневные экспедиции для добычи полезных ископаемых.

Медь в целом следует считать привозным продуктом, так как до сих пор ни на одном из поселений Южной Туркмении не было обнаружено следов обработки меди. Месторождений медных руд в Туркмено-Хорасанских горах пока не найдено. Ближайшими источниками меди были районы Северного Ирана; последние Г. Чайлд называет в числе немощных мест на земном шаре, где встречается чистая самородная медь.⁶⁷

Сравнивая количественные анализы медных изделий примерно одного времени (Ялангач-депе, Гисар IV,⁶⁸ Сялк⁶⁹), можно прийти к выводу о том, что вполне вероятно столь дальнее распространение вещей, изготовленных из медных руд одного района.⁷⁰ Возможность таких дальних связей не может вызывать сомнения, поскольку в более позднее время (первая половина II тысячелетия до н. э.) мы находим медные изделия гисарского облика значи-

⁶⁷ Г. Ч а й л д. Археологические документы по предистории науки, стр. 64.

⁶⁸ E. S c h m i d t. Excavations of Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 360.

⁶⁹ R. G h i r s h m a n. Fouilles de Sialk près de Kushan. Paris, 1938, t. II, стр. 205—207.

⁷⁰ Эти предметы сходны между собой по составу руды, однако с уверенностью нельзя говорить об одном месторождении, поскольку в анализах вещей, в частности из Гисара, приводятся только основные компоненты, но не даются мелкие примеси. Именно они могут дать ту характеристику металла, которая позволяет установить его происхождение из того или иного месторождения.

тельно восточнее, в Фергане (Хакский клад).⁷¹ В заключение следует добавить, что обменивались, очевидно, как слитки металла, так и уже готовые изделия. Как те, так и другие могли уже на месте быть переплавлены и переделаны в другие орудия.

О более дальних связях обменного порядка, которые могли осуществляться опосредствованно, свидетельствуют несколько раковин брюхоногого моллюска, обитающего в индо-тихоокеанской провинции.⁷² То, что они были найдены на Ялангач-депе и Айна-депе,⁷³ можно считать случайным, хотя туда они могли быть принесены людьми или попасть благодаря многократному обмену.

Таким образом, мы видим, что обмен играл в жизни населения немаловажную роль, поскольку только благодаря ему жители оазиса могли иметь некоторые орудия производства и предметы украшения, в особенности каменные и медные. В связи с лучшей изученностью Геокюрского оазиса по сравнению с другими поселениями подгорной полосы мы знаем те вещи, которые поступили в оазис в порядке обмена. Однако на что они обменивались, мы пока не знаем.

На ранних этапах существования поселений Геокюрского оазиса каждое из этих поселений, насколько мы можем судить по материалам с Дашлыджи-депе, было в значительной мере автаркичным: населявший его коллектив вел натуральное хозяйство и сам обеспечивал себя всем необходимым. Керамика, костяные изделия, одежда и т. п. изготовлялись членами данного хозяйственного сообщества. Камень и металл, ввиду отсутствия поблизости их месторождений были привозными и поэтому более ценными, чем объясняются и сравнительно редкие находки изделий из этих материалов.

По прошествии ряда столетий к ялангачскому времени наблюдается усложнение общественных отношений, выраженное, в частности, в архитектуре и принципе планировки поселений (см. гл. 3). Это, очевидно, отражает какую-то дифференциацию отдельных отраслей домашнего ремесла. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что некоторые поселения содержат значительно большее количество орудий, связанных с определенными отраслями производства. Возможно, это наблюдение случайного порядка. Как бы там ни было, но мы имеем факт концентрации набора орудий для работы по коже на Ялангач-депе (найдено до 30 ору-

⁷¹ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 52—55.

⁷² Конхилиологические определения проф. П. А. Коробкова: семейство Naticidae, род *Polinices* Montfort, 1810, *Polinices* (*Polonices*), ex gr. *albus* Montf.

⁷³ Раковина с Айна-депе имеет два отверстия: одно проделано хищником *Natica* и затем искусственно расширено, второе полностью искусственное (по проф. П. А. Коробкову).

дий разного назначения, отражающих все этапы изготовления кожаных изделий). Такую же картину, только в отношении пряжения шерсти (найдено свыше 50 экземпляров изготовленных из глины и камня веретених напрядсел), мы наблюдаем на Муллалиде в более позднее время (Восточный комплекс). На целиком вскрытых поселениях, кроме Дашлыджи-депе, еще не обнаружено специальных мест для обжига посуды. Не исключена возможность, что в будущем на одном из холмов в слоях позднеялангачского или раннегеоксюрского времени будет расчщена группа обжигательных керамических печей. В этом случае высказанная гипотеза о некоторой специализации разных поселений (т. е. о тенденции к разделению труда) получит свое подтверждение.⁷⁴

⁷⁴ В настоящее время этнография оперирует большим и разнообразным материалом, который определенно указывает на то, что разделение труда (не общественное!) возникает на очень ранних этапах развития человеческого общества. Подробное освещение этой проблемы см.: Н. А. Б у т ц и н о в. Разделение труда в первобытном обществе. ТИЭ, нов. сер., т. LIV, 1960, стр. 109—150.

Г л а в а 5

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ГЕОКСЮРСКОГО ПЛЕМЕНИ

1. Причины и динамика освоения древней дельты Теджена

Анализ остатков материальной культуры энеолитических племен Южной Туркмении показывает, что наиболее древними земледельцами этих мест следует считать коллективы людей, населявшие предгорные районы прикопетдагской равнины. В последнюю очередь заселяется древняя дельта Теджена. Освоение этих мест и образование группы поселений Геоксюрского оазиса следует относить, вероятнее всего, к началу IV тысячелетия до н. э. Облик культуры первых поселенцев, которая представлена материалами из раскопок Дашлыджи-депе и из нижних слоев Геоксюра, убедительно показывает, что наиболее вероятной прародинной населения оазиса был Центральный район подгорной полосы Копет-Дага.

Распространение населения в подгорной полосе и проникновение его в Геоксюрский оазис было естественным процессом освоения незаселенных земледельцами территорий, который проходил повсеместно на Переднем Востоке и в Средней Азии. Производящее хозяйство, особенно земледелие, предполагает прочную оседлость и поэтому переселение какой-то группы людей было делом несколько необычным, поскольку им приходилось бросать не только привычную территорию, но и жилища, и сородичей, и могилы предков. Для объяснения этого явления надо сделать попытку проникнуть в некоторые закономерности развития общества древних земледельцев.

Во-первых, прежде чем создавать или совершенствовать какое-либо орудие труда, любой человек, в особенности член перво-

бытного коллектива, должен был обеспечить себя пищей. Все его усилия и были направлены на производство пищи; применительно к условиям, в которых ему приходилось это делать, развивались и совершенствовались его орудия труда.

Во-вторых, каждый член первобытного коллектива заботился не только о сохранении собственной жизни, но и о продлении существования и усиления своего рода (хозяйственного коллектива), что достигалось воспроизводством непосредственных производителей материальных благ, т. е. стремлением к постоянному увеличению численности этого коллектива. Надо оговорить, что это стремление было совершенно неосознанным, поскольку увеличение численности любого коллектива содержит в себе два компонента. Первым является биологический фактор, вторым — условия, при которых заметное увеличение численности населения не приводит к снижению жизненного уровня.

Можно полагать, что именно эти две стороны процесса, находящиеся в постоянном диалектическом противоречии и взаимодействии, образуют основной естественно-исторический закон развития первобытного общества, который порождает все другие закономерности. «Так как всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический (т. е. преходящий, — *И. Х.*) характер законы народонаселения»,¹ то, вступая в определенные общественные отношения, люди тем самым подчиняются определенному, независимому от их воли и сознания закону населения, свойственному только данной общественно-экономической формации.

Определенный хозяйственный коллектив обладает независимым от составляющих его людей свойством увеличиваться численно только в пределах определенных рамок. Этот коллектив может оставаться целокровной ячейкой общества только в том случае, если его численность не меньше или равна какому-то минимуму и не больше, или равна какому-то максимуму. Если численность населения выходит за пределы этого минимума или максимума, то в первом случае не может образоваться самостоятельного хозяйственного коллектива, а во втором случае такой коллектив неминуемо должен распасться. Отсюда следует, что превышение нормы численности населения какого-либо родового поселка является тормозом в развитии производительных сил в этом коллективе, ибо при первобытно-общинном способе производства избыток населения не может быть использован целесообразно. Количество населения в определенном поселении, а также и на определенной территории не может быть выше той «критической массы» насе-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I; К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, 1960, стр. 646. — Далее К. Маркс развивает свою мысль «Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек».

ния, которая способна без внутренних противоречий существовать на этой территории. Характер этой постоянно действующей закономерности таков, что она действует тем сильнее, чем слабее развиты производительные силы общества (в данном случае речь идет только о производящем хозяйстве).

В связи с этим К. Маркс отмечал, что «их способ производства (первобытно-общинный, — И. Х.) требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени. . . Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства».² Иными словами, численность населения в пределах определенной области должна была быть и была строго ограничена наличием средств существования, в первую очередь пищи. Когда основную пищу составляли продукты охоты и собирательства, требовались громадные пространства для прокормления небольшого племени. С возникновением примитивного земледелия, а вместе с ним и скотоводства у населения ряда областей Переднего Востока и Средней Азии складывается новый тип производящего хозяйства. Основной его чертой является то, что названные две отрасли хозяйства сосуществуют в нем органически слитно. Искусственное отделение их друг от друга грозило бы неминуемой гибелью общине, ибо развитие производительных сил далеко еще не достигло такого уровня, когда оседлое земледелие и кочевое скотоводство становятся взаимоисключающими формами хозяйства. С переходом к производящему хозяйству эксплуатируемая территория сократилась, но все еще оставалась большой, сравнительно с общей малочисленностью населения. Для того чтобы прокормиться непрерывно растущему населению, приходилось увеличивать площади посевов; способ ведения хозяйства был экстенсивным, ибо слабо развитые производительные силы препятствовали ведению интенсивного земледельческого хозяйства. Но беспрдельно площадь обрабатываемой земли возрастать не могла и поэтому на долю каждого члена коллектива при больших затратах труда приходилось с течением времени все меньшее количество продуктов питания.

В силу этого в прежде едином и сплоченном хозяйственном коллективе начинают брать верх центробежные силы, так как назревает конфликт между ростом населения и недостатком средств к существованию, вызванным этим ростом. Единственным средством сохранить существующий способ производства было дробление этого коллектива.

Разделение коллектива означает расчленение его на части, обусловленные естественным распространением населения по более обширной территории, что сопровождалось полным обособлением

² К. М а р к с, Собр. соч., М., 1957, 2 изд., т. 8, стр. 568.

успешных коллективов людей, так как родовое управление не обладало достаточной силой, для того чтобы управлять родом по мере его непрерывного численного роста и при отходе его частей на значительные расстояния друг от друга. Эта власть обладала всемогущей силой только в том случае, когда весь хозяйственный коллектив жил единым сообществом либо в тесном соседстве. Из этого следует, что естественный отлив избыточной части населения как раз и является тем основным фактором, который был способен препятствовать разрушению первобытной общины как звена, ячейки человеческого общества при первобытно-общинном способе производства. Отпочковавшиеся коллективы людей в свою очередь сами таким же образом могли разделиться через несколько поколений.

При дроблении общины ее дочерняя часть отодвигалась не на определенное расстояние, а двигалась до тех пор, пока не приходила в местность, отвечающую требованиям привычной им формы хозяйства и, как правило, еще никем не занятой. По мере удаления дочерних родов от материнского и с течением времени ослабевала и утрачивалась связь между ними — сперва хозяйственная, затем родственная (родовая) и, наконец, языковая.

Процесс расселения племен был впервые обнаружен у индейцев Северной Америки,³ затем у туземцев Австралии,⁴ у неолитических племен европейской части СССР.⁵ Подобную же картину мы видим в среде индийских ариев на территории, наиболее близкой Южнотуркменским племенам. Анализ Вед показал, что народы, населявшие Индию в древности, шли в своем развитии тем же путем, что и многие другие. Говоря о причинах и механике их сегментации, С. А. Данге приводит следующий пример, почерпнутый им из Ригведы,⁶ из тех стихов, которые находили применение при выполнении ритуала яджны, воспроизводившей ряд черт первобытной жизни древних ариев.

«Для начала переселения выбиралась весенняя пора, когда плодятся скот и распускаются цветы. Выступление в поход назначалось на день полнолуния или, наоборот, новолуния. Вожди общины собирались вокруг общинного очага и решали, кто должен идти и в каких группах. Уходящим давали новую одежду и совершали над ними особый обряд, имитировавший второе рождение их как детей новой ганы (т. е. рода, — *И. Х.*). Они получали все необходимое для новоселья — горшки, чашки,

³ Л. Г. Морган. Древнее общество. М., 1934, стр. 70.

⁴ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 21—24; Н. А. Бутников. Проблема экзогамии. ТИЭ, нов. сер., т. XIV, стр. 3—27.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 14, 15.

⁶ С. А. Данге. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. М., 1950, стр. 103 и сл.

крупный скот, коз, вино, зерно, повозки и т. д. На одной повозке возли взятый из прежнего дома огонь, который должен был стать основателем нового дома».⁷ Тут же на основании анализа законов Ману С. А. Данге определяет примерную численность древнеарийской ганы (рода) и приходит к заключению, что она не превышала пятисот человек.

Итак, в результате естественного прироста населения в подгорной полосе в период Намазга I создается некоторый его избыток, который должен был неминуемо куда-то уйти. Поскольку все пригодные для ведения земледельческого хозяйства места были заняты, избыточной части населения нужно было искать новые районы для их освоения. Наиболее близким и подходящим местом была дельта Теждена, расположенная в 50 км восточнее подгорной полосы и, безусловно, известная тамошнему населению. Там было достаточно воды и, следовательно, орошаемой земли; в конце периода Намазга I эти места подвергаются колонизации (рис. 52, I). Естественно полагать, что пришельцы осели на западных протоках и там основали свои поселки: Дашлыджи-депе и Акча-депе расположились на западных рукавах дельтового веера, Геоксюр 1 — на следующем к востоку русле. Первое из них было самым маленьким поселением; Геоксюр 1, наоборот, уже в то время сложился сразу в значительных размерах.

Продолжительность дашлыджинского периода не превышала существования трех-четырёх строительных горизонтов. Однако на его протяжении происходят некоторые изменения в жизни населения оазиса (рис. 52, II). Забрасывается Дашлыджи-депе; его жители, надо полагать, первыми ощутили усыхание дельты и вынуждены были уйти на более обводненные места. Вероятнее всего, они поднялись вверх по протоке и влились в коллектив, населявший Акча-депе. Более существенным явлением было основание трех новых поселков — Айпа-депе, Ялангач-депе и Геоксюр 7, к юго-востоку от Геоксура 1. Первое из них базируется на том же рукаве, что и Геоксюр 1, а два других — на более южном ответвлении от основного дельтового протока. Все они сравнительно невелики, а их расстояния по прямой равняются 4 (Айпа-депе), 7 (Ялангач-депе) и 9,5 км (Геоксюр 7) от Геоксура 1. Можно считать, что названные поселки возникли в результате сегментации большого коллектива, обитавшего на холме Геоксюр 1.

С начала ялангачского периода в оазисе существуют пять поселений — Акча-депе, Геоксюр 1 и три его дочерних выселка. Поскольку усыхание оазиса, связанное с миграцией дельты, медленно и неуклонно продолжалось, с середины названного периода наблюдается тенденция к изменению карты освоенных земель этого района. Юго-восточные боковые протоки постепенно затухают

⁷ Там же, стр. 105.

и людям, населявшим расположенные близ них поселки, ничего не оставалось как покинуть уже насыщенные места и отойти ближе

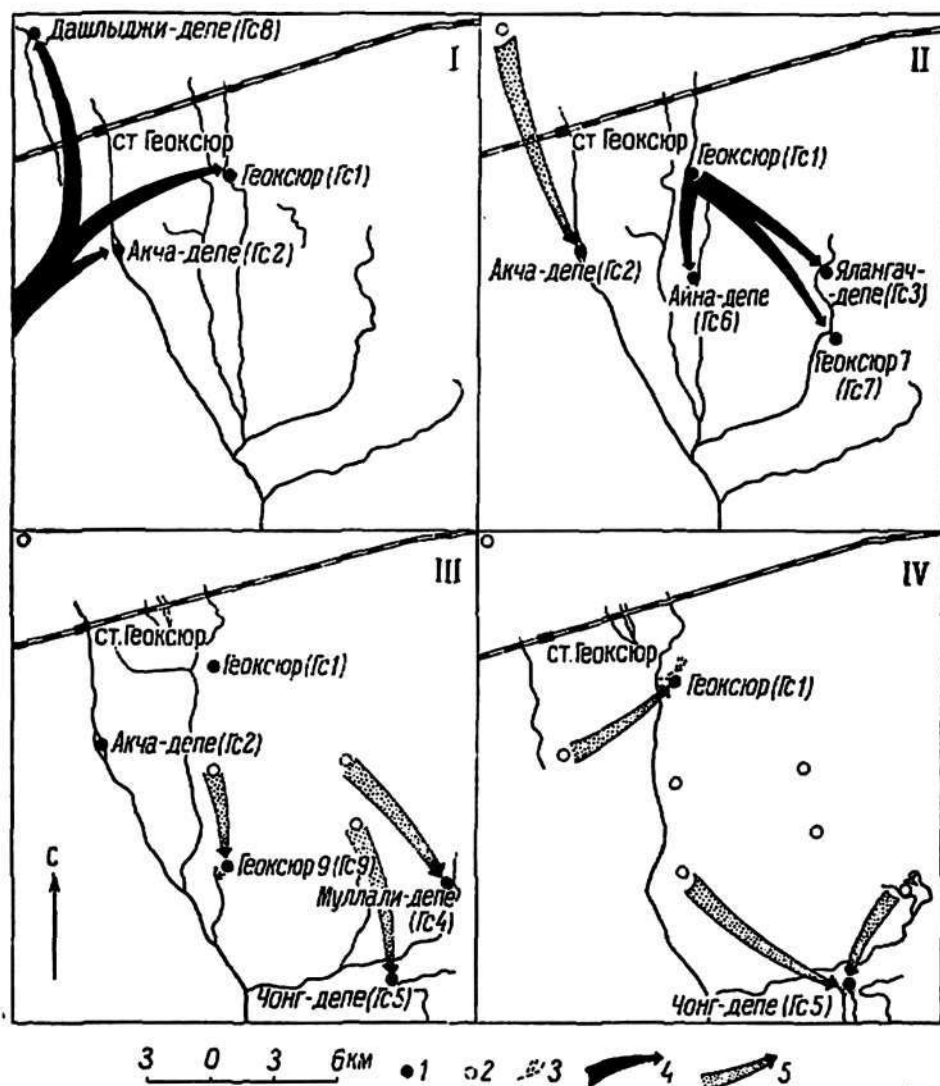

Рис. 52. Этапы освоения древней дельты Теджепа.

I — колонизация дельты и основание первых поселений; *II* — сегментация основного коллектива и образование дочерних поселений; *III* — переселение дочерних коллективов на новые места; *IV* — запустение оазиса и концентрация населения на двух поселениях. 1 — существующее поселение; 2 — заброшенное поселение; 3 — искусственные каналы; 4 — направление расселения; 5 — направление переселения.

к воде. На смену заброшенным поселкам возникают три новых: Геоксюр 9, Муллали-депе и Чонг-депе (рис. 52, *III*).

Очевидно, динамика этого процесса может быть представлена в следующем виде. Раньше всех вверх по питающему его водотоку

оттягивается население Айна-депе, лишенное воды из-за перемещения к западу на несколько километров питающего его русла; у небольшого дельтового веера оно основывает поселение Геоксюр 9. Примерно одновременно с ним покидает свой высыхающий водоток население Ялангач-депе. Поскольку выше на этом же рукаве жили люди (Геоксюр 7), жители Ялангач-депе проходят дальше к югу и поселяются на следующей протоке: это поселение

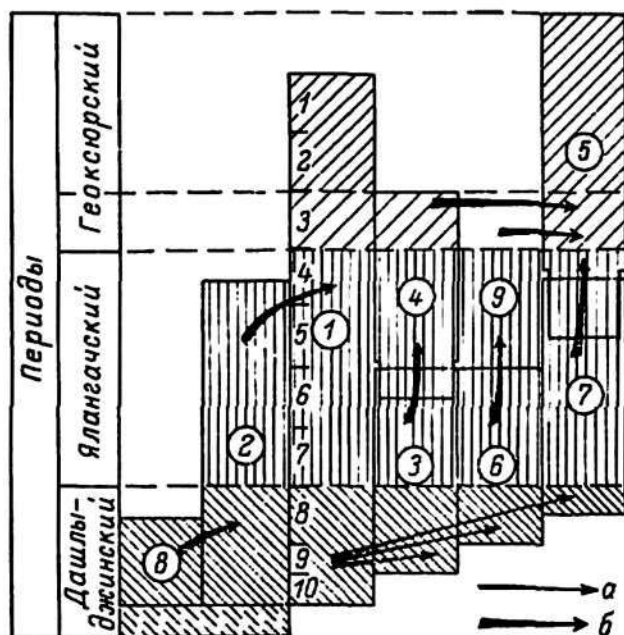

Рис. 53. Стратиграфическая схема этапов освоения Геоксюрского оазиса.

а — расселение; б — переселение.

Муллали-депе. Спустя некоторое время, определяемое продолжительностью существования трех-четырех строительных горизонтов по той же причине этот же путь проделывает население поселка Геоксюр 7. Его не удовлетворяет мощность водотока у Муллали-депе, поскольку он, вероятно, уже обнаруживал к тому времени тенденцию к затуханию. Население проходит ближе к основному рукаву дельты и оседает в нескольких километрах восточнее истока самого южного протока; там основывается поселение Чонг-депе.

На синхронистической таблице (рис. 53) видно, что только прекращение жизни на Айна-депе соответствует началу ее на Геоксюре 9. По-видимому, смену места жительства населением Айна-депе следует рассматривать как одноактное явление. Несколько иным образом уходили люди с Ялангач-депе и Геоксюра 7

на новые места. Та же таблица показывает, что нижние горизонты Муллали-депе и Чонг-депе во временном отношении как бы перекрывают верха Ялангач-депе и Геоксюра 7. Весьма возможно, что тут смена места жительства протекала в виде достаточно длительного процесса. Население переместилось не целиком, а частично, вероятно, его большая часть. На старых же местах остались какие-то люди, которых в течение ряда лет могли продержатъ здесь остатки воды, уже недостаточные для большого коллектива. По-видимому, эту мысль может подтвердить резкое сокращение обжитой площади в верхнем строительном горизонте Ялангач-депе по сравнению с предыдущим примерно в 4—5 раз, учитываемая также и разница в плотности застройки названных горизонтов.

Может возникнуть вопрос, не выбраны ли эти пары поселений произвольно. Нет, и вот почему. Все поселения оазиса были измерены по осям север—юг и запад—восток. Произведение полученных результатов измерений даст нам площади прямоугольников, в которые можно вписать эти поселения. Айна-депе и Геоксюр 9 имеют площади соответственно 0.98 и 0.97 га; Ялангач-депе и Муллали-депе — 1.24 и 1.44 га; Геоксюр 7 и Чонг-депе — 3 и 2.4 га. Как мы видим, вновь основанные поселения были, по сути дела, равновелики оставленным. Географическое положение первой пары как будто не оставляет сомнений в том, что население Айна-депе переместилось на место Геоксюра 9; люди просто поднялись вверх по той же протоке на 4 км. Но правомочность двух остальных пар требует более детального и аргументированного рассмотрения. Прежде всего разновременность оставления равнелиангачских поселений и соответственно сложения позднейлангачских вытекает из археологического материала. Он свидетельствует о том, что Ялангач-депе оставляется на несколько строительных горизонтов раньше Геоксюра 7. А когда население последнего готовилось покинуть свой поселок, южный рукав дельты уже хирел. Если бы Чонг-депе было основано выходцами с Ялангач-депе, то жителям Геоксюра 7 не было смысла основывать Муллали-депе, расположенное в низовьях той же протоки, на которой базировалось Чонг-депе. В совокупности с отмеченными выше равновеликими площадями эти соображения укрепляют наше мнение о том, что сначала население Ялангач-депе переселилось на место Муллали-депе, а несколько десятилетий спустя жители поселения Геоксюр 7 передвинулись к юго-западу и основали Чонг-депе. Полноты ради надо отметить, что примерно в одно время с Геоксюром 7 забрасывается наиболее западное поселение Акча-депе, так как снабжавшее его водой русло отходит к западу на 1—1.5 км. Точно установить новое место жительства его населения археологически невозможно; либо оно влилось в коллектив, населявший Геоксюр 1, либо ушло на юг в направлении Чонг-депе.

Ялангачский период окончился. В раннегеоксюрское время обитаемы лишь четыре поселка — Геоксюр I, Чонг-депе, Муллали-депе и Геоксюр 9. Однако к собственно геоксюрскому периоду, выделенному, как указывалось выше, благодаря своеобразной полихромной орнаментации посуды, относятся всего два поселения: Геоксюр I и Чонг-депе (рис. 52, IV). Жители же поселений Муллали-депе и Геоксюр 9, по всей вероятности, объединились с коллективом, населявшим Чонг-депе.

Геоксюрский период является как бы «лебединой песней» в истории оазиса. Никакие усилия людей, направленные на удержание воды, не увенчались успехом; ни искусственные водоемы, ни даже специально прорытые каналы. На обреченные рощи и поля неумолимо надвигалась пустыня; все предвещало скорую и неизбежную гибель оазиса. Во имя продолжения своей жизни люди уходили, проклиная своих богов за отсутствие помощи от них и разбивая их изображения; уходили, покидая столетиями обжитые места. Они шли по высыхающей реке следом за отступающей водой. В 18 км южнее Чонг-депе возникает поселок Хапуздепе, где жизнь продолжалась примерно до II тысячелетия до н. э. (период Намазга V). Часть населения могла уйти еще дальше — кое-кто вернулся в подгорную полосу, а иные могли через проход между Копет-Дагом и Паропамизом уйти в Афганистан и там смешаться с местными земледельческими племенами.

В соответствии с выводами, полученными из стратиграфической таблицы, следует отметить, что общая численность населения оазиса была значительно меньшей, чем это считалось раньше. Ведь по сути дела вместо шести южных поселков мы можем говорить лишь о трех, существовавших одновременно. Если мы допустим, что на основном поселении в ялангачское время могла проживать примерно половина всего населения оазиса, то на долю остальных поселков придется по какой-то части оставшегося количества.

Принимая, что плотность застройки поселений в ялангачское время была примерно одинаковой на всех холмах, можно попытаться вычислить в первом приближении примерную численность населения оазиса этого времени. Для этого надо обратиться к площадям поселений. Поскольку каждый холм представляет собой неправильный овал, вписанный в прямоугольник, площадь которого равна произведению длин осей холма, действительную площадь поселения следует принимать равной $\frac{2}{3}$ площади прямоугольника. Исходя из сказанного, примерная площадь поселений Геоксюрского оазиса будет следующая: Айна-депе и Геоксюр 9 — 0.65 га, Акча-депе — 0.9 га, Ялангач-депе и Муллали-депе — 0.9 га, Геоксюр 7 и Чонг-депе — 1.65 га; на холме Геоксюр I поселение ялангачского времени занимало площадь 5—6 га, поскольку его действительную площадь надо сократить вдвое по той же причине,

по которой мы удваивали выше (см. стр. 62) количество строительных горизонтов на этом поселении по отношению к данным стратиграфического шурфа.

Если взять за единицу измерения количества домов, иными словами численности населения, наименьшую площадь поселка (в данном случае это будет пара Айна-депе—Геоксюр 9), то окажется, что на Акча-депе и пару Ялангач-депе—Муллали-депе приходится по 1.5 единицы, а на пару Геоксюр 7—Чопг-депе 2.5 единицы. Сумма единиц будет равна 6.5, а площадь Геоксюра 1 укладывается 7—8 таких единиц. Если бы мы знали количество жилых домов в наиболее сохранившемся третьем строительном горизонте Айна-депе, то можно было бы без особого труда прикинуть среднее количество домов, а значит и семей в каждом поселении. Идя дальше, можно было бы попытаться определить в каких-то рациональных границах вероятную численность населения Геоксюрского оазиса. К сожалению, мы вынуждены прервать наши теоретические рассуждения, так как в нашем распоряжении пока нет нужных нам цифровых данных.

Те поселения, на которых полностью был вскрыт верхний строительный горизонт (Ялангач-депе, Муллали-депе, Геоксюр 9 и отчасти Айна-депе), не могут дать нам нужных данных. Не могут потому, что все эти горизонты отражают тот момент в жизни поселений, когда населявшие их люди уходили или частично уже ушли на новые места. Такие данные имелись бы в том случае, если на названных памятниках были бы раскопаны нижележащие строительные горизонты, что, к сожалению, еще не сделано.

Если посмотреть на приведенное выше соотношение площадей поселений с другой стороны, то возникает еще один интересный вопрос: какая часть населения могла уходить на новое место при сегментации коллектива. Полагая в данном случае площадь поселения Геоксюр 1 за единицу, легко обнаружить, что площадь Айна-депе равна $\frac{1}{6}$, Ялангач-депе — $\frac{2}{9}$, а Геоксюра 7 — $\frac{2}{5}$ принятой нами единицы. По-видимому, эти цифры могут означать, что при сегментации из основного коллектива могло уходить примерно от 10 до 40% составлявших его людей. Это может также указывать на то, что население оазиса за сравнительно короткое время от его возникновения до середины ялангачского периода возросло примерно в 1.5—2 раза. Затем оно стабилизировалось и появилась тенденция к его сокращению, вызванная сокращением эксплуатированной площади в связи с усыханием тедженской дельты.

2. Вопросы общественного развития

После характеристики развития архитектуры древнеземледельческих поселений Геоксюрского оазиса и выявления ряда качественных изменений в планировке поселений, происходивших

в течение длительного времени, на протяжении около двух тысячелетий, вполне своевременной является постановка вопроса о том, какие общественные отношения древних земледельцев отражает археологический материал и прежде всего развитие их поселений.

Вопросы общественного развития древнего населения Южной Туркмении, особенно определение времени перехода от матриархальных отношений к патриархальным, неизменно затрагивались при издании или исследовании материалов из раскопок поселений. Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения на этот вопрос, проследим эволюцию взглядов разных исследователей на протяжении последнего десятилетия; при этом необходимо учитывать, что количество материала возрастало из года в год.

Уже первые работы В. А. Куфтина на древнеземледельческих поселениях позволили ему говорить, что в период Намазга II складываются патриархальные отношения.⁸ В. М. Массон обработал и издал материалы из его раскопок; изучение этих материалов позволило ему не отвергать мнения В. А. Куфтина и присоединиться к тому, что «процесс становления патриархального рода, возможно, начался еще в пору Намазга II и завершился во время Намазга III и IV».⁹ Последующие полевые работы не изменили его мнения, эта же точка зрения с некоторыми вариантами высказана им и в ряде последующих работ,¹⁰ причем допущено, что развитие патриархальных отношений можно относить к раннему энеолиту (Намазга I).¹¹

Большой размах работ в 1955—1958 гг. принес существенные материалы для рассмотрения вопросов общественного развития, что нашло отражение в исследованиях всех участников этих работ. Так, В. М. Массон полагает, что на Кара-депе мы имеем дело с домом, представляющим жилище нескольких парных семей, скорее всего родственных между собой и ведущих общее хозяйство.¹² В то же время он считает, что в пределах замкнутой семейно-хозяйственной общности, обитавшей в больших многокомнатных домах Кара-депе и Геоксюра, происходило становление большой патриархальной семьи как основной ячейки об-

⁸ В. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТССР, 1954, № 1, стр. 28.

⁹ В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 242.

¹⁰ В. М. Массон. 1) Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1, стр. 160; 2) Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 42; 3) Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 50.

¹¹ В. М. Массон. О культе женского божества у Анауских племен. КСИИМК, 1959, вып. 73, стр. 15, прим. 7.

¹² В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 386.

щества.¹³ В. И. Сарниди, раскапывавший поселение Геокюр 1, полагает, что жители этого поселения находились на уровне патриархально-родовых отношений¹⁴ и каждый массив-квартал служил местом обитания патриархальной семьи.¹⁵ Взгляды автора данной книги на проблему общественных отношений в то время не были столь категоричными.¹⁶ Впоследствии, оперируя материалами из Геокюрского оазиса, он пришел к выводу, что смена однокомнатных домов многокомнатными отражает (в Геокюрском оазисе) первые этапы становления патриархально-родовых отношений.¹⁷

В последних работах заметна тенденция при характеристике общественных отношений древних земледельцев почти не указывать, какой род имеется в виду. Так, В. М. Массон представляет развитие общества ранних земледельцев следующим образом. Джейтун был родовым поселком, состоявшим из парных семей, населявших однокомнатные дома. В пору позднего энеолита (Кара-депе, Геокюр) многокомнатный дом являлся жилищем большесемейной общины, состоявшей из нескольких парных семей. Из этого, по его мнению, следует, что если на Джейтуне основной ячейкой общества еще был род, скорее всего материнский, то на Кара-депе общество состояло из хозяйственно самостоятельных семейных общин, на которые, видимо, и распался каждый род; именно такая семейная община постепенно перерастает в большую патриархальную семью.¹⁸ Вместе с тем имеющиеся материалы, с его точки зрения, недостаточны для установления степени развития патриархальных отношений у больших семей, обитавших в многокомнатных домах Кара-депе и Геокюра.¹⁹ В. И. Сарниди считает, что в многокомнатных домах Геокюра жили большесемейные общины; однако ряд данных может указывать, по его мнению, на то, что общественные отношения этого времени, т. е. начала II тысячелетия до н. э., можно рассматривать как переходную пору от матриархата к патриархату.²⁰

¹³ Там же, стр. 398.

¹⁴ В. И. Сарниди. Энеолитическое поселение Геокюр. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 299.

¹⁵ Там же, стр. 234.

¹⁶ И. П. Хлопик. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, стр. 196—199.

¹⁷ И. П. Хлопик. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. Автореф. канд. дисс. ЛГУ, 1962, стр. 17.

¹⁸ В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе. СА, 1962, № 3, стр. 169—173.

¹⁹ В. М. Массон. Древнейшее прошлое Средней Азии. Автореф. докт. дисс. ЛГУ, 1962, стр. 18—20.

²⁰ В. И. Сарниди. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 14, 15.

Основываясь на многочисленных этнографических примерах и вытекающих из них общетеоретических выводах, можно утверждать, что джейтунские собиратели жили матриархальным родом со всеми присущими ему институтами. Состав археологического материала джейтунского поселения убеждает в том, что его населял коллектив людей, сравнительно недавно перешедших от собирательства диких злаков и охоты на диких животных к оседлому образу жизни и производству пищи, хотя охота продолжала играть большую роль в их хозяйстве. Поскольку общественные и в особенности семейные отношения относятся к наиболее консервативным сторонам социального развития общества, распавшаяся часть джейтунского поселения предстает перед нами как памятник того же матриархально-родового строя. Каждый отдельный дом служил жилищем одной парной семье, мельчайшей составной части материнского рода.²¹ По-видимому, поселение, состоявшее из однокомнатных домов, являлось характерным не столько для определенного уровня общественных и семейно-брачных отношений, сколько для определенной территории, а именно для оседло-земледельческих областей Переднего Востока и Средней Азии. Это предположение, к сожалению, не может быть подтверждено на археологическом материале, поскольку поселений, раскопанных в таких масштабах, как Джейтун, еще нет.

Разделение домов поселения на две четкие группы (рис. 54) может указывать на фактическое разделение всего коллектива его обитателей также на две части. По-видимому, все население Джейтуна распадалось на две экзогамные группы. К сожалению, в настоящее время мы вынуждены сделать попытку судить о неолитическом обществе на основании только одного памятника. Хотя поселение позднейджейтунского времени на холме Чопандене у Геок-тепе также имело дома с толстыми алебастровыми полами, нам ничего не известно о принципе планировки этого поселения. Было бы неверным представлять уникальность джейтунского поселения на северной подгорной равнине Копет-Дага; в неолите на этой территории находилось, безусловно, значительное количество подобных памятников. Если бы еще хоть на одном поселении удалось установить две аналогичные группы жилых домов, то, без сомнения, мы имели бы родовые поселки, состоявшие из двух экзогамных половин. В случае отсутствия этих двух групп Джейтунский поселок предстал бы перед нами в несколько

²¹ Под термином «парная семья» имеется в виду брачная пара и их дети, и автор далек от мысли считать эту семью самостоятельной хозяйственной и общественной единицей. Скорее всего такой единицей был весь коллектив, населявший поселок. Он составлял матриархальную общину, которая в данном случае была, по-видимому, эквивалентна роду (см.: М. О. К о с в е н. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 5).

ином аспекте. Он иллюстрировал бы общенсторический процесс сегментации на той стадии, когда произошла делегализация рода и в одном поселке проживало несколько общин (в данном конкретном случае две), принадлежавших разным родам. В этом случае экзогамный род утрачивал свою территориальность, т. е. не находился в рамках одного поселения. Вместо этого складывалась территориальная группа семей (т. е. живущих на одном поселении), которая хотя и состояла из семей разных родов, но в силу

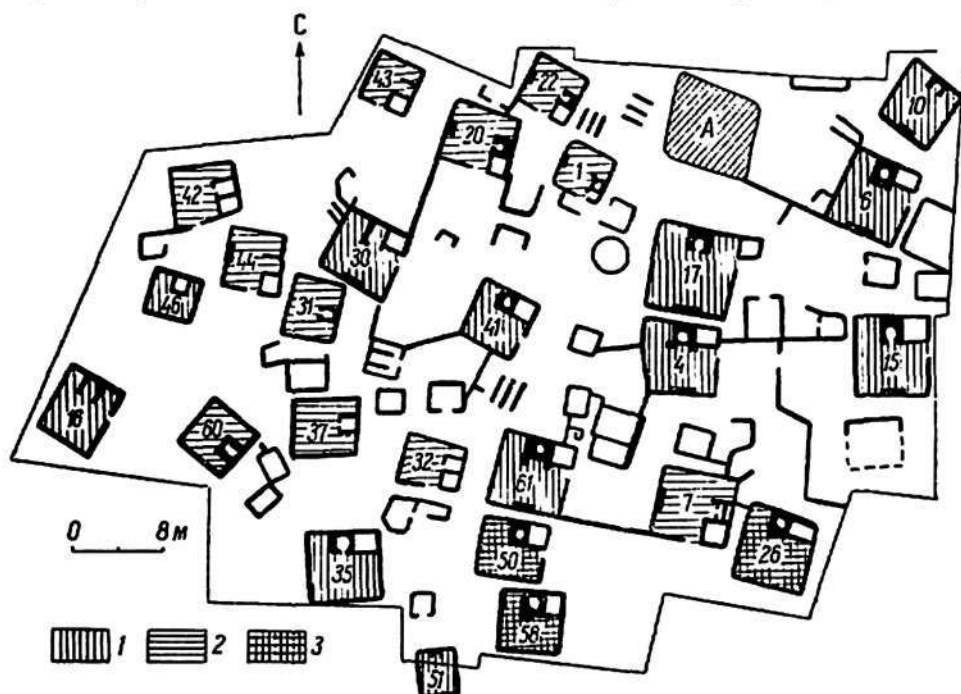

Рис. 54. Дуальная организация планировки поселения Джейтуп (схема).

1 — дома I группы; 2 — дома II группы; 3 — дома с признаками I и II групп.

сложившихся обстоятельств вела единое коллективное хозяйство. Несмотря на явно недостаточный материал, мы все же склоняемся к тому, что у неолитических земледельцев можно усматривать матриархальный род с дуальной организацией;²² тем

²² В 1962—1963 гг. на поселении позднего неолита Чагаллы-депе у Чаача (О. К. Бердыев. Чагаллы-депе. ИАН СССР, СОН, 1964, № 1, стр. 89—95) были обнаружены дома, по планировке и штерьеру идентичные Джейтупским. В верхнем слое 5 домов ориентированы входами двояко: 3 дома на юго-восток, 2 дома — на северо-запад. В нижележащем строительном горизонте вскрыто уже 9 жилых домов, причем 4 из них существовали в обоих строительных горизонтах; 5 домов ориентированы входом на юго-восток, 2 — на северо-запад, 2 — на юго-запад (оба последних дома ориентированы очагами в одну сторону, на юго-восток, но у одного вход сделан не «по правилам», на северо-восток; несмотря на это, два последних дома соединены нами

более что пережитки такой организации отмечаются во многих местах Средней Азии.²³

Раннеэнеолитические поселения восточного арсала древнеземледельческой культуры подгорной полосы Копет-Дага, особенно Дашлыджи-депе, показывают четкие переживания общественных отношений джейтунского времени. Эти поселения не столь велики, как Джейтун; на них не наблюдается разделения обитателей на две части. Здесь перед нами небольшой поселок, состоявший из некоторого числа парных семей, живших в однокомнатных домах. Остатки строений в третьем слое Дашлыджи-депе позволяют насчитывать 6—8 таких семей. Средняя площадь дома крайне невелика, однако, как уже отмечалось выше, можно предполагать выделение одного из них для использования одновременно с жильем в качестве общественного здания (помещение 1). Если на Джейтуне, несмотря на широкие раскопки, мы пока не имеем никаких данных о зданиях общественного типа, то Дашлыджи-депе иллюстрирует известный прогресс в развитии общества, который произошел примерно за 1000 лет.

Не берясь разрешить на примере древнеземледельческих коллективов проблему смены матриархальных отношений патриархальными, все же нельзя ограничиваться только регистрацией фактического материала. Судя по многочисленным примерам ряда матриархальных племен, в частности северо-американских индейцев, при родовом строе наблюдаются постоянно две противоречивые тенденции. С одной стороны, большесемейная матриархальная община прокезов (овачира) имела во главе женщину — мать. С другой — управление родом и более высокими формами организации, племенем и союзом племен, находилось в руках мужчин — сахемов. Аналогичную картину мы можем наблюдать у индейских племен пуэбло, когда налицо главенство женщины в семье, а делами рода ведают мужчины.

По-видимому, такое разделение является совершенно закономерным и объясняется тем, что счет родства велся только по материнской линии по той известной причине, что при парной семье мать известна всегда, чего нельзя сказать об отце. Мужчина в такой организации отнюдь не находился «на втором плане», поскольку на его долю доставались все тяжелые работы как в доме, так и вне дома. К ним можно причислить изготовление сырцовых кирпичей и строительство домов, изготовление орудий производства из камня, кости и металла, обработку земли (в особенности освоение новых площадей), охоту, скотоводство, даль-

в одну группу). По-видимому, планировка неолитических поселений из однокомнатных «стандартных» домов с различно ориентированными очагами и входами является закономерной для этой поры.

²³ С. П. Толстов. Пережитки дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, № 9—10.

ние экспедиции за сырьем и многое другое, т. е. мужчина — муж — был таким же полноправным членом данного коллектива, как женщина — жена и мать. Поскольку повседневно в семье и доме значительно больше была занята женщина, то на мужчину оставались все внесемейные, т. е. родовые и племенные заботы. В организованном таким образом коллективе как раз и наблюдается упомянутая выше двойственность. Но в таком случае получается, что главенство женщины редко выходит за рамки семьи независимо от того, большая она или малая, парная. Управление же рода в целом, по всей вероятности, лежало на кровных родственниках глав семей, т. е. ее братьях. Так, по-видимому, развивается раннее родовое общество, причем оно с самых первых шагов вынашивает в своих недрах зачатки патриархальных отношений, впоследствии в определенных условиях побеждающих.

Кроме разделения общины на ряд семей, которые, правда, вряд ли можно считать самостоятельными хозяйственными единицами, она делилась еще на несколько групп по поло-возрастному признаку. Так, взрослые и их дети, несомненно, составляли две возрастные группы, причем переход детей (главным образом мальчиков) в категорию взрослых мог сопровождаться не только празднеством, приуроченным к определенному времени года, но и серией испытаний, иногда жестоких, выдержав которые, юноша мог с гордостью считаться мужчиной. Совершенно естественным было разделение взрослой части общины на две группы по половому признаку потому, что в основе такого разделения лежали совокупность производственных процессов, свойственных каждой из групп в отдельности. Такое разделение, не будучи в те времена осознанным и объяснимым, облекалось в различные магическо-культурные покровы. В частности предполагалось, что каждая половая группа имеет особого покровителя, а патроны мужской и женской групп нередко враждовали между собой, хотя, конечно, это была не вражда, а скорее естественные противоречия. Отсюда вытекают и условные языки, повятные только посвященным, и особые места для собраний, посещение которых для членов другой группы было запретным.

Рассматривая общество древних земледельцев в его развитии, нам надлежит остановиться на ряде поселений ялангачского периода. Как отмечалось выше, поселения этого периода имеют три группы жилых помещений (однокомнатные дома с очагом, однокомнатные дома без очага и дома из одной или двух смежных комнат, где, кроме бытового очага, находится прямоугольная жаровня-подиум), которые, как кажется, отражают какую-то дифференциацию в обществе. Полагая, что поселение складывалось как совокупность парных семей, традиционных для неолита и раннего энеолита, можно в предварительном порядке предложить следующее объяснение указанной дифференциации.

Парная семья, состоявшая из мужа, жены и их детей до юношеского возраста, жила в доме с угловым очагом. Последний, можно сказать, был тем символом семьи, который объединял всех ее членов. Образовавшиеся новые брачные пары, по-видимому, не считались полноценной семьей в течение какого-то срока, например до появления у них детей. До истечения этого срока такие пары, несмотря на отдельное проживание, считались принадлежащими той семье, откуда происходил один из них, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно допустить, что таким парам не полагалось иметь свой очаг.²⁴ Не будет большой ошибкой считать поэтому однокомнатные дома без очага, а также, вероятно, и нижние этажи «башен» местами жительства таких «неполноценных» семей, а также взрослых членов данного коллектива, оставшихся по каким-то причинам холостыми. Как уже указывалось, каждый жилой дом без очага обязательно имел слева от входа выступ. По всей вероятности, так отмечалось место для будущего очага, поскольку в одном из домов второй группы на Муллали-депе (второй слой, помещение 2) хорошо видно, что очаг пристроен именно к такому выступу, между ним и стеной.

В жилых домах третьей разновидности, кроме подпумов, имеется хозяйственный очаг, и это сочетание кажется несколько странным, так как в общинных домах не было обнаружено даже следов подобного очага. Выше, при описании жилых домов, нами было высказано предположение о том, что в этих домах могли жить лица, связанные с обслуживанием общинных зданий. В развитии этой точки зрения можно указать, что такими лицами были, по всей вероятности, представители старшего поколения. Они вследствие их авторитета и накопленного жизненного опыта могли иметь право совершать различные религиозно-магические обряды не только публично, но и в индивидуальном порядке. Выделение такой категории лиц можно, по-видимому, связать с тем, что в ялапгачский период производительные силы общества, очевидно, достигают такого развития, когда начинают образовываться излишки прибавочного продукта. Это и могло послужить стимулом к тому, что в дальнейшем выделяется лицо или группа лиц со своими семьями, в ведении которых сосредоточиваются функции общественного управления культом. Освобожденная обществом от каждодневного тяжелого труда и живущая за счет труда своих соплеменников, вырастает прослойка жрецов (магов, волхвов), на обязанности которых лежит постоянная забота

²⁴ М. О. Косвен, ук. соч., стр. 16 (один из его примеров: «В старину у великоруссов к основному жилищу — клети или избе делались пристройки в виде новых клеток, причем только основное жилище имело обслуживавшую всю семью печь, новые же клетки не имели печей и оставались холодными» (разрядка моя, — И. Х.).

о благополучии рода, которое они обеспечивают, осуществляя постоянные общения с божествами и духами.

Продолжение традиции однокомнатных домов на названных поселениях наглядно свидетельствует о сохранении в роде малой парной семьи. Однако об усилении в системе общественного производства мужской половины населения могут говорить некоторые впервые появляющиеся сооружения. С развитием земледелия и скотоводства, с внедрением в быт медной индустрии в руках мужской части населения скапливается все возрастающее количество общественных богатств. В недрах материнской общины начинают появляться так называемые мужские союзы, которые нуждались для своего окончательного оформления в сознании и обычном праве в особых местах сборов, куда был запрещен доступ женщинам. Как раз для этого, по всей вероятности, сооружаются особые постройки, внутреннее оформление которых не позволяет их причислять к жилищам. Так образуются своеобразные клубы — «мужские дома», — отлично известные по этнографическим параллелям. Примером их являются, вероятно, описанные выше общинные здания ряда древнеземледельческих поселений Геоксюрского оазиса времени Намазга II.²⁵

Говоря об этнографических параллелях общинным домам ялангачского времени, нельзя не вспомнить о зданиях такого типа, корни которых уходят в глубокую древность у ряда земледельческих народов Средней Азии, в первую очередь у горных таджиков. Это «алоу-хона», на которую уже обращалось внимание в специальной литературе.²⁶

«Алоу-хона»²⁷ является обязательной принадлежностью каждого кшшлака, причем она построена при мечети, а в случае отсутствия последней имеет ее атрибуты (михраб), кроме обязательных своих: площадки у входа для обуви и специального прямоугольного углубления в полу (площадь его иногда достигает $\frac{1}{3}$ всей площади помещения) для разведения огня. Спецификой здания является то, что это по сути дела мужской клуб. Его обслуживание производится мужчинами. Там они собираются,

²⁵ Пережитки дуально-родовой организации, появление мужских союзов, дома огня и другие пережиточные явления в общественной жизни и идеологии дофеодальной Средней Азии подробно рассмотрены С. П. Толстовым в кн. «Древний Хорезм» (М., 1948, стр. 281—338). Там же приводятся многочисленные этнографические примеры.

²⁶ В. П. Сарпанди. Культовые здания поселений Анауской культуры. СА, 1962, № 1, стр. 53—56.

²⁷ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-боло. ТИАЭ, т. X, М.—Л., 1936, стр. 115—119; М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 163—165; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. ТИЭ, т. III, вып. 1, стр. 23—26.

совершают моления, пьют чай и едят сообща то, что принес каждый. Кроме того, в «алоу-хона» устраиваются общественные угощения по поводу различных событий, а также там почуют подrostки и холостые мужчины. Одновременно «алоу-хона» является странноприимным домом и местом дежеа добычи, принесенной с охоты; примечательно, что туда приносится почти исключительно мясо горного козла, что может рассматриваться в качестве пережитка тотемистических верований.

Расположив все общинные дома и святилища с поселений Геоксюрского оазиса в хронологической последовательности, мы увидим довольно отчетливую тенденцию к уменьшению площади зданий этого типа. Так, общинный дом на Ялангач-депе занимает площадь около 37 м², на Муллали-депе и Акча-депе — по 22 м², на Геоксюре 1 она достигает лишь 15.5 м², а на поселении Чонг-депе средние размеры площади не превышают 13 м² (наименьшее святилище имеет площадь всего 7.5 м²). Такое уменьшение площади общественного здания обратно пропорционально величине той жилой единицы, население которой оно обслуживало. Взяв для примера два хронологически крайних здания, помещение 1 на Ялангач-депе и помещение 31 на Геоксюре,²⁸ мы увидим следующую картину. Первое здание настолько велико, что оно могло вместить все сравнительно малочисленное взрослое население небольшого поселка. Совершенно противоположно соотношение между святилищем и «кварталом» на поселении геоксюрского времени. Численность населения одного такого «квартала» была, по всей вероятности, не меньше, чем на целом поселении, состоящем из однокомнатных домов (Ялангач-депе). В то же время площадь святилища геоксюрского времени по сравнению с ялангачским сокращается более чем вдвое, но зато в расположенном перед ним пространстве, обнесенном стенами, можно усматривать уже не тамбур, а своеобразный дворик.

Таким образом, в первые периоды своего существования общинные дома, по-видимому, вмещали все население поселка, собиравшееся вместе для отправления соответствующих культовых церемоний, и во многом носили именно общественный характер. В процессе исторического развития площадь этих зданий сокращалась, и через какой-то промежуток времени (вряд ли превышающий несколько веков) они могли вмещать только несколько человек, в то время как основная масса людей оставалась за их пределами. Общественное отправление культа, по-видимому, переходит в ведение сравнительно небольшой группы лиц. Большинство жителей превратилось в пассивных участников ритуала,

²⁸ Хотя святилища с поселения Чонг-депе несколько моложе, чем на Геоксюре, и меньше по площади, мы берем в качестве примера именно это ввиду его лучшей изученности.

а сама церемония совершалась только избранными. Этим заканчивается закономерное превращение общинного дома ялангачского периода в запретное святилище (Геоксюр I и Чонг-депе).

Женская часть общины, в противовес мужским союзам и домам, по-видимому, также объединяется в своеобразную группу, в основе которой лежит специфика женской производственной деятельности. Не исключена возможность, что описанные выше круглые здания (их кстати тоже насчитывается по одному на каждом поселении) могли служить своеобразными «женскими домами». находка в одном из них зернотерок, каменных веретенных напрядов и обмазанной глиной ямы для хранения зерна (Муллалли-депе), отражающие исключительно женские трудовые процессы, подтверждают до некоторой степени эту мысль.

В последний период существования Геоксюрского оазиса наблюдается резкое изменение в планировке поселений, что отчетливо видно на примере многокомнатных построек холма Геоксюр I. Не вызывает никакого сомнения, что при совершенно изменившемся принципе планировки поселения изменяется структура общества, причем последовательность изменения была обратная: сначала произошли изменения в общественной организации, а затем они отразились в архитектуре жилищ. Общественные молекулы времени позднего Намазга II—раннего Намазга III, из которых складывается коллектив поселения, состоящего из многокомнатных домов и кварталов, стали значительно крупнее, чем были в то время, когда поселение состояло из однокомнатных домов (Муллалли-депе и др.).

Если мы вспомним, что несколько выше было высказано мнение о постепенном возрастании значения в общественном производстве мужской части населения Геоксюрского оазиса времени позднего Намазга II, то напрашивается вывод о каком-то завершении в намечившихся ранее тенденциях развития. По-видимому, производительные силы общества (речь в данном случае идет только о Геоксюрском оазисе) достигли такого уровня, что рамки матриархального рода уже тормозили их дальнейшее развитие. Вследствие этого наблюдается укрупнение хозяйственных единиц одновременно с усилением значения мужского труда в общественном производстве. Говорить здесь о том, что уже утверждается патриархально-родовой строй, еще преждевременно, поскольку для этого нет четкого критерия. Но тем не менее отметить начавшуюся перестройку общества уже можно.

Рассмотренный выше процесс сегментации и возникновения новых поселений в Геоксюрском оазисе проливает свет на социальную организацию жителей всего района и взаимоотношение населения отдельных поселений друг с другом.

Факт освоения дельты Теджена выходцами из подгорной полосы установлен и в доказательстве не нуждается. По-види-

тому, освоение оазиса было проведено большой группой людей, вероятнее всего родом, по тем или иным обстоятельствам переселившимся из подгорной полосы. Поселение Геокюр 1 основывается в наиболее удачном месте дельты с точки зрения его обводненности, причем сразу в больших размерах. Принадлежность населения Дашлыджи-депе и Акча-депе к этому же роду мы пока обосновать не можем, однако можно допустить, что населявшие эти поселки люди откололись при приходе в оазис и осели, как только дошли до воды. Ялангач-депе, Айна-депе и Геокюр 7 были основаны выходцами из родового коллектива, населявшего Геокюр 1. Остальные три поселения по сути дела являются другим местом обитания людей из первых трех дочерних поселений. Все это позволяет утверждать, что население Геокюрского оазиса было связано общностью происхождения и родством, а также распространено по определенной ограниченной территории, которая эксплуатировалась им безраздельно.

Отделившись от геокюрского коллектива три группы людей, основавшие Айна-депе, Ялангач-депе и Геокюр 7, первоначально являлись лишь выселками большого рода. Затем, с начала ялангачского периода происходит, по-видимому, их полное обособление и превращение вследствие этого в дочерние роды, поскольку, как было показано выше, родовая власть обладала достаточной силой лишь в случае обитания рода в одном месте. Теперь мы уже имеем не один род в одном месте, а несколько родов, распространенных по значительной территории. Это есть свидетельство перерастания основного рода путем сегментации в более крупную и качественно отличную общественную организацию — племя.

Как известно, одной из определяющих особенностей рода является его строгая экзогамность. Подходя с этой точки зрения к общинам Геокюрского оазиса, можно полагать, что в период освоения низовьев Теджена геокюрский род был в одиночестве на этой территории, но сохранял определенные, по-видимому, брачные связи с населением подгорной полосы. Вероятно, этим и объясняется значительная общность культуры типа Намазга I в Геокюрском оазисе и в подгорной полосе.

Однако такого рода связи длились недолго. В конце дашлыджинского периода происходит отмеченная выше сегментация геокюрского рода и благодаря его естественному распространению по определенной территории появляются предпосылки для сложения племенной общности. Геокюрский первоначальный род вскоре превращается в геокюрское племя. Племя эндогамно; в связи с этим становятся ненужными отмеченные выше брачные связи. Все население оазиса принадлежит к генетически родственным разным родам, но к одному племени. Принимая это во внимание, можно усматривать разделение геокюрского племени на две фратрии — совершенно необходимое разделение

для заключения внутриплеменных браков без привлечения к этому населения подгорной полосы.

Выше мы отмечали, что все население оазиса можно, по всей вероятности, разделить на две примерно равные части. Одна часть жила в рамках основного рода, т. е. на поселении Геоксюр 1, другая распределялась среди остальных четырех более мелких поселков. Не будет большим преувеличением считать одной фратрией членов основного рода (т. е. население Геоксюра 1); к другой фратрии в таком случае следует причислить жителей остальных дочерних поселков. В раннеялангачское время это было население Айна-депе, Ялангач-депе, Геоксюр 7 и Акча-депе; в позднеялангачское — Геоксюра 9, Муллали-депе, Чонг-депе и опять же Акча-депе. Когда в последний период истории оазиса функционируют всего два поселения, Геоксюр 1 и Чонг-депе, их население представляло собой по-прежнему две фратрии одного племени. Кроме того, следует учесть, что и прежде два названных поселения по предложенной выше схеме относились к разным фратриям. И даже более — в коллектив Чонг-депе в раннегеоксюрское время было вынуждено влиться население Муллали-депе и Геоксюра 9, входившее в ту же фратрию.

В связи с установлением довольно последовательного развития общественных отношений в геоксюрской родо-племенной общности, а также с отсутствием видимых возмущений в общем ходе культурно-исторического развития населения на определенной территории, вновь может быть поставлен вопрос о проникновении в древнедельную дельту инокультурных влияний.²⁹ В настоящее время еще недостаточно фактов для полного и безоговорочного отрицания какой бы то ни было инфильтрации чуждого населения, однако ряд соображений по этому поводу, возникающих из анализа всего комплекса археологических находок, может быть высказан в более определенной форме, чем простое предположение.

До последнего времени существовало мнение о том, что на протяжении истории геоксюрской группы поселений инокультурные влияния фиксируются дважды. Первое — в середине ялангачского периода, когда появляются своеобразная геометрическая роспись керамики и круглые постройки (воздействие культуры северного Убейда). Второе — в геоксюрское время; свидетельство этому предлагалось видеть в крестовидной орнаментации посуды, коллективных ложносводчатых гробницах и в изменении иконографии терракотовой скульптуры (ирано-месопо-

²⁹ О чужеродном влиянии и библиографию этого вопроса см.: Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарганди и И. Н. Хлопик. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.). СА, 1964 (в печати).

тамское влияние). Разберем вкратце каждое из них; вкратце потому, что этот вопрос может явиться объектом специального исследования.

Приписываемая влиянию Убейда керамическая орнаментация ялангачского периода сравнительно легко, с нашей точки зрения, может быть выведена из полихромной орнаментации керамики подгорной полосы стиля Намазга II. Тщательный анализ показал, что она является местным подражанием указанной орнаментации, монохромным исполнением полихромных узоров.³⁰ В связи с этим резко уменьшается значение второго аргумента, поскольку круглые дома, известные на широкой территории (вплоть до «кива» индейцев пуэбло), с наименьшим основанием можно считать возникшими на местной почве, хотя причину их появления сейчас указать трудно.

Основные свидетельства прихода ирано-месопотамских элементов геоксюрского времени также могут быть поставлены под сомнение, хотя и с меньшей определенностью. Так, единственный широко распространенный орнамент на керамике этого времени, который до сих пор считался приносным, с успехом выводится из полихромной орнаментации типа Намазга II, причем не непосредственно, а после его местной переработки, в результате чего возникла орнаментация, которую мы склонны называть псевдоубейдской.³¹ Относительно ложносводчатых коллективных гробниц также можно выдвинуть предположение об их сугубо местном возникновении, исходя из следующих соображений. Во-первых, возведение круглых построек, которые, судя по толщине их стен, могли иметь ложносводчатое перекрытие, отмечается в ялангачское время; причем в данном случае для нас даже неважно, были ли они принесены или, как мы склонны считать, возникли на геоксюрских поселениях самостоятельно. Во-вторых, их появление можно объяснить изменениями в общественных отношениях. Общество геоксюрского периода, по всей вероятности, стояло на пороге или делало первые шаги в рамках патриархально-родовых отношений. Появление коллективных захоронений могло отражать становление в сознании населения идеи обособления каких-то групп людей, которых и после смерти стремились хоронить вместе.

Наиболее невыясненной представляется сейчас тенденция развития терракотовой скульптуры. Однако это развитие нельзя отделять от тех изменений в общественных отношениях, которые отмечались выше. Эти изменения, безусловно, не могли не вы-

³⁰ П. П. Хлопин. Псевдоубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении. ВИА АН СССР, 1964, вып. 101.

³¹ Подробно этот вопрос, поскольку он относится к исследованию орнаментации керамики, разбирается нами в подготовленном к печати выпуске САИ «Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении».

звать каких-то сдвигов в области идеологии и, в частности, иконографии антропоморфной скульптуры.

И еще один немаловажный аргумент в пользу развиваемой нами точки зрения. Дело в том, что теджепская дельта медленно и неуклонно регрессировала, о чем местные жители, разумеется, знали. Свидетельством этому были руины ялангачских поселений, возвышавшихся на пустынных местах в геоксюрское время. Они, безусловно, должны были бы рассказать о надвигающемся бедствии пришельцам, которые искали места для прочного обоснования на них. Последним не было никакого смысла оставаться и оседать в заведомо обреченном на гибель краю. Разумеется, последнее соображение не может быть подкреплено археологическим материалом, однако в совокупности с вышесказанным оно может иметь определенный вес.

Прежде чем окончить наши рассуждения о развитии общества древних земледельцев Геоксюрского оазиса, следует остановить внимание еще на одном вопросе — на неравномерности исторического развития отдельных районов культуры с расписной керамикой Ближнего Востока.

Наиболее развитым в общественном отношении, насколько об этом можно судить по архитектурным остаткам, являются поселения более западных районов Переднего Востока. Только в неолитическом Иерихоне были найдены однокомнатные дома с толстыми известковыми полами и стенами, сложенными из глиняных вальков. Во всех более поздних поселениях хассунского времени были открыты части уже многокомнатных домов. Это свидетельствует о том, что в районах Ближнего Востока процесс появления многокомнатных домов относится к V тысячелетию до н. э. и, следовательно, отражает весьма ранние изменения в обществе.

В северных предгорьях Копет-Дага традиция однокомнатных домов прослеживается, по-видимому, до того времени, когда на смену сюжетам росписи на посуде в виде одноцветных залитых треугольников приходит более сложная система орнаментации в виде полихромных узоров. По археологической периодизации это время перехода от Намазга I к Намазга II. Возможно, уже в четвертом строительном горизонте Кара-деше была вскрыта часть многокомнатного дома. Очевидно, появление таких домов следует относить к несколько более раннему времени. Однако это время соответствует тому периоду, когда на Переднем Востоке традиция однокомнатных домов уже была забыта. Тут проявляется исторически обусловленное отставание в общественном и культурном отношении более периферийных районов от центральных. В роли последних выступает Южная Месопотамия и горные области северной Месопотамии и Ирана. Если Южная Туркмения является дальней периферией по отношению к более

передовым областям Ближнего Востока, то Геокюрский оазис можно считать периферийным районом подгорной полосы Копет-Дага. Там на поселениях еще существуют однокомнатные дома, тогда как население Кара-депе уже живет, по-видимому, в многокомнатных домах-массивах. Этот район является наиболее северо-восточной окраиной древнеземледельческой ойкумены и там дольше всего удерживаются древние традиции не только в обществе и семье, выраженные в типе жилых домов, но и в ряде других черт материальной культуры, отражающих уровень производительных сил.

Таким образом, оказалось возможным установить непрерывное существование парной семьи у древних земледельцев Южной Туркмении от неолита до развитого энеолита (Джейтун—Намазга II). Однако полагать полную неизменность общественных и семейно-брачных отношений нельзя, поскольку, несмотря на сохранение традиции отдельных однокомнатных домов, наблюдается постепенная эволюция в характере поселения в целом, свидетельствующая о закономерном усложнении структуры общества и о вызревании в его недрах предпосылок для перехода на более высокую ступень общественного развития. В первую очередь это относится к появлению построек общественного характера на поселениях периода Намазга II.

Сохранение в Геокюрском оазисе джейтунских традиций домостроительства (а значит и переживание отраженной в архитектуре формы семьи), видимо, можно сопоставлять с переживанием на керамике мотивов росписи стиля Намазга I. Как уже было показано, этот стиль продолжает сохраняться здесь в виде росписи ялангачского типа в то время, когда повсюду на предгорной равнине уже существует полихромная роспись стиля Намазга II. Последняя в подгорной полосе (третий слой Кара-депе у Артыка) сопутствует уже совершенно отличной от более раннего времени (Намазга I) архитектуре жилищ, которая приняла формы многокомнатного дома. А многокомнатные дома, в свою очередь, свидетельствуют об иных общественных отношениях их обитателей, чем у людей, населявших однокомнатные дома. Это связано с выделением семейных общин, которые к этому времени могли уже состоять из патриархальных семей.

Со времени перехода в подгорной полосе к стилю росписи Намазга II произошел разрыв в фактически единой культуре племен Южной Туркмении. Появление в поселениях подгорной полосы Копет-Дага новых приемов домостроительства, которое соответствует времени появления полихромной орнаментации посуды, свидетельствует о переходе общества на более прогрессивную ступень семейных и общественных отношений, способствовавшую более быстрому развитию производительных сил. В то же время Геокюрский оазис главным образом из-за своей

географической оторванности стал районом с более консервативным общественным укладом и в связи с этим с более отсталой и замкнутой общей культурой.

3. Элементы духовной культуры

Регулярные раскопки древнеземледельческих поселений Геоксюрского оазиса дали в распоряжение исследователей значительный материал, позволивший сделать первые шаги по изучению духовной культуры ранних земледельцев.

При изучении производительных сил общества основными объектами исследования являются древние орудия труда, органические остатки и следы мест производства; когда мы исследуем общественные отношения, то опираемся на остатки жилищ, облик поселения в целом, обряд погребения, а также уровень производительных сил. (1) развитых и разнообразных идеологических представлениях энеолитической эпохи нам говорят многие своеобразные находки, не связанные непосредственно с производством.

Антропоморфная и зооморфная скульптура указывает на то, что древние земледельцы имели предмет поклонения. Различные мотивы росписи на посуде, которые не являются просто геометрическим орнаментом, отражают не только абстрактное желание людей украсить свои изделия, но и передать в этих узорах определенные представления. Некоторые постройки (общинные дома и святилища) с оригинальными сооружениями внутри свидетельствуют о наличии у древних земледельцев специальных мест, где постоянно совершались какие-то культовые церемонии. Наконец, погребения проливают свет на пережитки анимистических представлений.

Анализируя перечисленные категории памятников, необходимо, однако, всегда помнить о том, что духовная культура в целом — явление вторичное. Это не что иное как результат преломления в сознании людей их экономики и общественных отношений. Но поскольку духовная культура является более консервативной, нежели материальная, она сохраняет, накапливает и откладывает в себе значительное количество пережиточных черт, наследуя их от давно пройденных культурно-исторических этапов.

Следует также помнить, что идеология членов первобытных оседлоземледельческих коллективов Геоксюрского оазиса была безусловно гораздо сложнее и многограннее, чем мы можем себе ее представить на основании некоторых находок при археологических раскопках. Различные статуэтки, роспись на посуде, культовые сооружения, обряды захоронений являются лишь незначительным отражением того значительного по объему комплекса

представлений о силах природы и о самих себе, которые пронизывали всю жизнь древнего земледельца. Однако даже эти данные помогают нам проникнуть, вернее приоткрыть завесу над обширным кругом культовых воззрений населения Южного Туркменистана эпохи энеолита.

Коллекция глиняной и каменной антропоморфной скульптуры, собранная на поселениях Геоксюрского оазиса ялангачского периода, насчитывает более 60 экземпляров, дошедших до нас почти исключительно в разбитом состоянии. Это количество позволяет уже сейчас провести предварительную и элементарную классификацию статуэток, но для начала необходимо отметить, что статуэтки изготовлены из различных материалов: из камня (4 экз.), необожженной глины (5 экз.) и терракоты (подавляющее большинство).

Каменная скульптура (песчаник) представлена обломком торса с условно трактованной головой (Ялангач-депе) и двумя головками лучшей моделировки. Одна из них (Геоксюр 9) интересна еще и тем, что имеет вытянутый затылок, напоминающий цилиндрический головной убор.

Статуэтки из необожженной глины представлены двумя разновидностями: весьма схематичные фигурки, у которых, по сути дела, изображены только ноги и нижняя часть торса (Ялангач-депе), и более реалистичные фигурки с торсом и головой, выполненной в условной манере (Акча-депе, Ялангач-депе). Последние имеют тщательно заглаженную поверхность.

Терракотовая скульптура представлена сидящими и стоящими женскими статуэтками. Вся она четко делится на четыре типа, причем три из них изображают сидящих женщин.

К первому типу (рис. 55, 1, 2, 8) относится более 30 статуэток. Это полная женская фигура с подчеркнутыми женскими признаками. Многие экземпляры сохранили небольшую голову на длинной шее со схематически выполненным лицом. Плечи переходят в пышную грудь, а руки полностью отсутствуют; иногда их место отмечено небольшими выступами. Крупные фигурки достигают в высоту 28 см, но чаще встречаются более мелкие. Все статуэтки украшены богатой росписью, которую можно разделить на три категории. Первая является дополнением к пластике глины (брови, глаза, носки, лобок). Вторая изображает украшения (ожерелья, браслеты на лодыжках). Третья категория включает в себя магические символы в виде солярных кругов и некоторых геометрических фигур. Интересно отметить, что все три категории мотивов росписи встречены только на крупных статуэтках; на более мелких преимущественно наносилась роспись второй категории.

Второй тип статуэток (рис. 55, 3, 4, 6) встречается реже; с уверенностью к нему можно отнести не более 10 экземпляров, происходящих с разных поселений оазиса (Ялангач-депе, Айна-

депе, Муллали-депе, Геоксюр 7). Выполнены они в иной манере, и их главным отличительным признаком следует считать прилепные руки, которые в виде конических отростков опущены вниз, вдоль тела, от широких плеч. Кроме того, эти статуэтки имеют вьюю форму груди, что, однако, может зависеть от наличия рук.

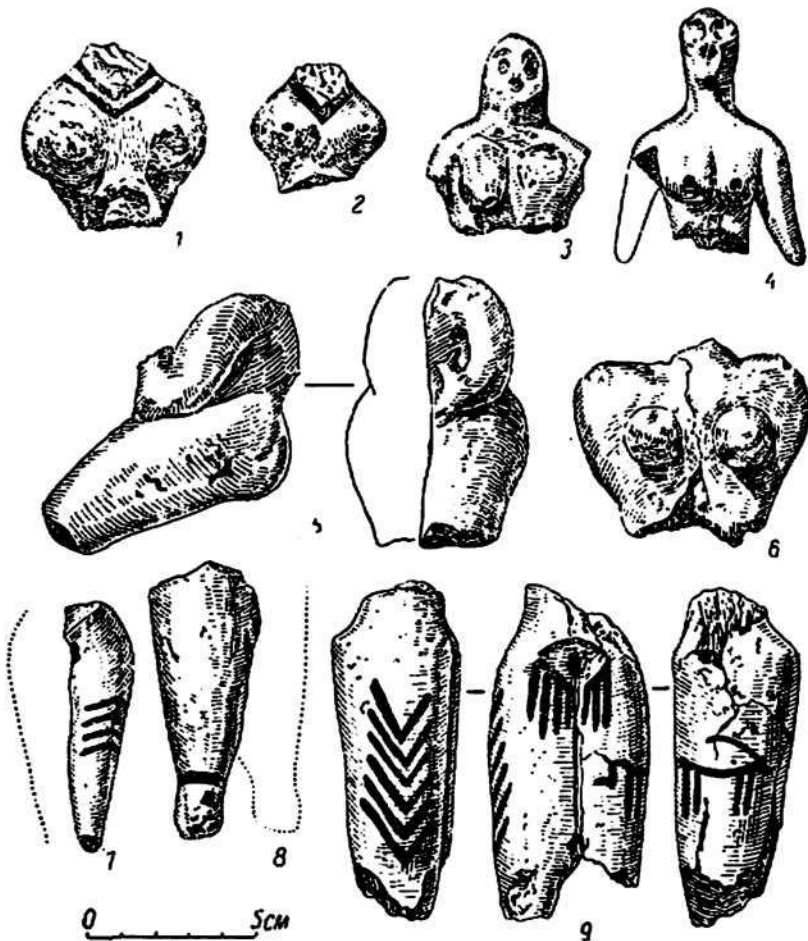

Рис. 55. Женские статуэтки ялангачского периода.

1-3, 7-9 — Ялангач-депе; 4-6 — Айна-депе.

Роспись в виде точек на плечах встречена всего один раз (Муллали-депе), но этот экземпляр обнаружен в подъемном материале и относится нами к ялангачскому периоду без достоверности, поскольку на этом памятнике вскрыт слой раннегеоксюрского времени, к которому могла относиться эта статуэтка.

К третьему типу относится всего одна статуэтка с Айна-депе (рис. 55, 5). Ее характерная особенность заключается в трактовке рук. Они вылеплены полностью, согнуты в локте и поддерживают снизу грудь.

К четвертому типу относится группа стоящих фигурок, но фрагментарное состояние (обломки ног с плоской и широкой ступней) не позволяет наверняка определять их половую принадлежность. Лишь один торс без головы и ног можно считать принадлежащим женскому изображению. Этот торс (Ялангач-депе) украшен уникальной росписью: на левом бедре нарисован козел, на правом — «елочка»; лобок как бы прикрыт бахромчатым передником (рис. 55, 9).

Как известно, женские терракотовые статуэтки являются характерной особенностью многих культур земледельческого пояса, протянувшегося широкой полосой через весь Евразийский материк. Эта категория находок настолько важна и своеобразна, что вызвала огромную литературу, относящуюся, правда, преимущественно к областям Восточной Европы и Средиземноморью. Но затрагивать всю проблему идеологических представлений в этой работе мы не будем ввиду ее большого объема и, разумеется, большой сложности, а склонны зарезервировать ее на будущее для специального и тщательного изучения.

Кое-что, однако, уже сейчас можно отметить в порядке самых общих положений. Безусловно, женские статуэтки, согласно широко распространенной точке зрения, имеют ярко выраженный магический характер и олицетворяют, по всей вероятности, плодopoсаящую богиню-мать; трактовка женского тела подчеркивает именно эту функцию жещины. С другой стороны, изображения соляных символов на бедрах статуэток свидетельствуют о том, что древние земледельцы уже твердо знали зависимость вызревания плодов земли от солнечного цикла. Остальные изображения пока не поддаются убедительной расшифровке; лишь рисунок козла, возможно, является отражением тотемических представлений и может указывать на то, какой тотемной группе населения покровительствует данное божество.

Интересно отметить, что антропоморфные изображения передавались не только при помощи скульптуры. Примером этому служит оригинальный глиняный налп на стене общинного дома поселения Ялангач-депе (рис. 56, 1). Этот налп высотой около 2 см похож на перевернутую букву «Ш» и покрыт 15 коническими углублениями, многие из которых были заполнены углем. Семантика налпа долгое время оставалась неясной, но в подъемном материале на холме Геоксюр 1 был найден предмет, вероятно, несколько более поздний, который явился ключом для ее понимания.³² На оборотной стороне веретенного напрясла было обнаружено процарапанное изображение (рис. 56, 2), которое по сути

³² Сборы В. И. Сарияиди 1963 г. Пользуюсь случаем поблагодарить В. И. Сарияиди за разрешение воспользоваться найденным им предметом до его опубликования.

дела явилось стилизацией, вернее упрощением, хорошо известной антропоморфной фигуры на керамике типа Намазга II (рис. 56, 3).³³ Поскольку у налепа оказалась размытой верхняя часть, мы не знаем, было ли у него изображение головы; сохранившуюся часть мы можем рассматривать как верхнюю половину туловища с плечами и руками. Косвенным доказательством того, что ялангачский налеп является антропоморфным изображением, служит количество углублений; на целую женскую статуэтку с Ялангач-депе (рис. 45) было нанесено также 15 солярных символов. По-

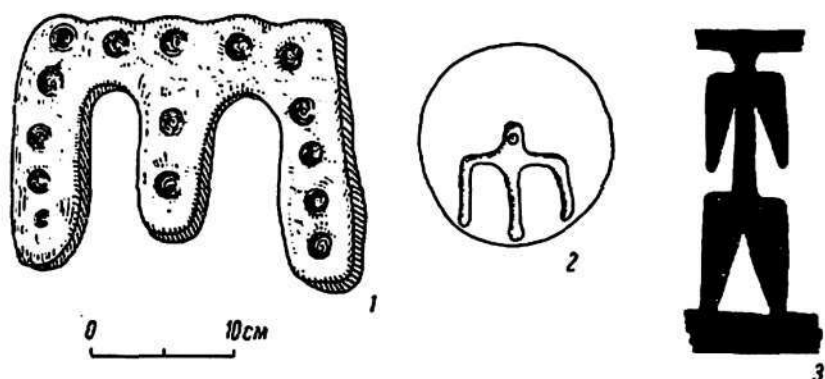

Рис. 56. Антропоморфный налеп и эволюция антропоморфного изображения.

видимому, углубления налепа были равнозначны в смысловом отношении солярным кругам на упомянутой статуэтке.

Весьма интересны также места находок женских статуэток. Большинство их происходит из культурных заполнений тех или иных помещений, а также из сборов на поверхности памятников, т. е. они находились в перемещенном состоянии. Однако некоторые фрагменты были найдены в таких местах, куда они вряд ли могли попасть случайно. При разборке бытовых очагов в помещениях 16 и 19 во втором строительном горизонте Ялангач-депе были найдены фрагменты гипсовых статуэток. Они были заложены в основания этих очагов, по-видимому преднамеренно, поскольку вместе с одним из них найдено два целых костяных орудия — пило и лощило. Не исключено, что в данном случае женское божество рассматривалось в качестве охранительницы домашнего очага. Фрагментарность статуэток не должна нас смущать, так как части статуэток могли символизировать целые.

К проявлениям культов плодородия относятся также многочисленные статуэтки домашних животных (бараны и быки),

³³ Аналогичное изображение известно также на веретенице папруса из верхних слоев террасы В Южного холма Анау (II. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. См.: R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan, vol. 1. Washington, 1908, рис. 379).

изготовленные в большинстве своем из необожженной глины (рис. 57). Последнее обстоятельство весьма характерно, поскольку на основании этого можно полагать, что названные предметы были недолговечными, употреблялись лишь один раз при совершении какого-то обряда, после чего выбрасывались. Некоторые из фигурок слегка обожжены, но этот обжиг поверхностный, и

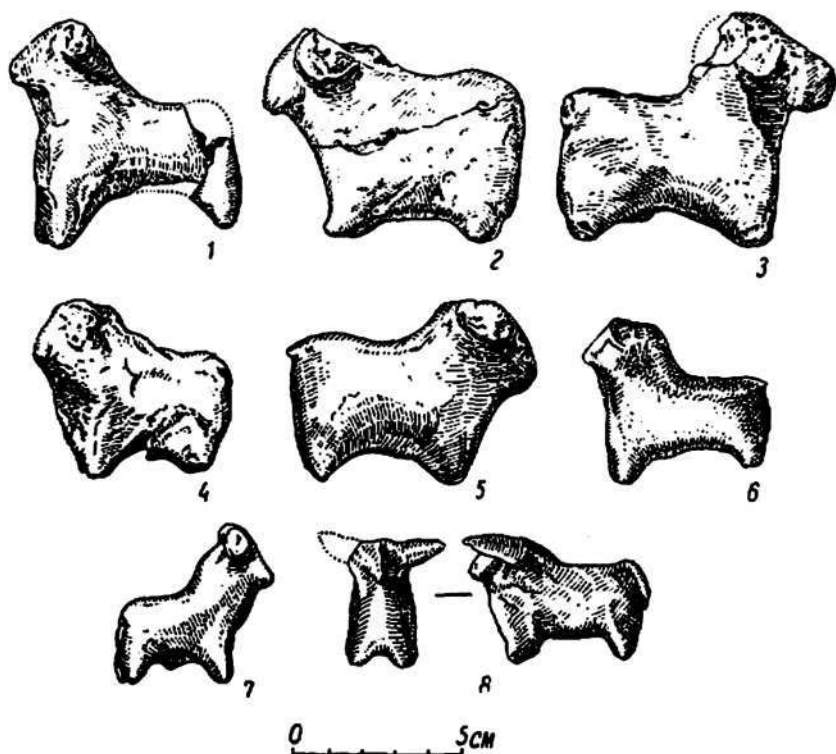

Рис. 57. Фигурки животных ялангачского периода.

1, 7 — Муллали-депе; 3 — Геоксюр 9; 2, 4—6, 8 — Ялангач-депе.

трудно установить, попадали они в огонь случайно или намеренно. Очевидно, в зооморфной скульптуре надо усматривать опять-таки предметы, с которыми выполнялись магические обряды; скорее всего это могло быть либо выражением просьбы божеству об увеличении поголовья стад, либо символическим жертвоприношением, заменявшим собой реальный домашний скот. С последним явлением мы встречаемся в обычаях многих народов.³⁴

Одним из основных культов древних земледельцев был культ огня и солнца. Подтверждением этому служат не только изображения солярных символов на керамике и женских статуэтках, но и специальные очаги и подиумы для возжигания священного

³⁴ Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 496, 497.

огня. В этой связи особенно интересна модель круглого жертвенника с Ялангач-депе.³⁵ Поскольку этот предмет уникален не только для Южной Туркмении, но и для всего круга культур Переднего Востока, остановимся на нем подробнее.

Найденный предмет изготовлен из очень пористой глиняной массы и представляет собой цилиндр высотой в 11 см с заметно и неравномерно вдавленными стенками. Его ровную верхнюю плоскость диаметром 8 см окружает по краю невысокий округлый бортик. Общий диаметр верхней плоскости равен высоте цилиндра,

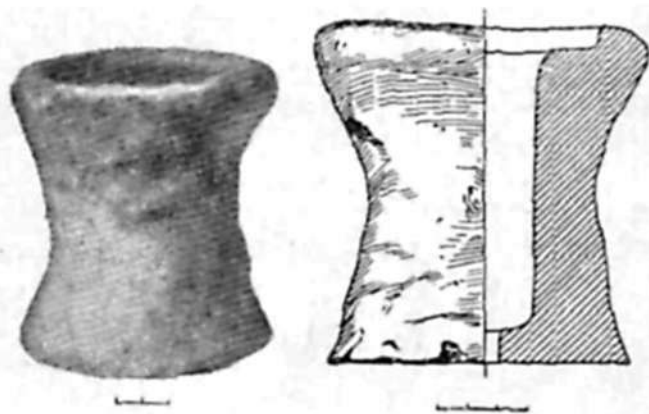

Рис. 58. Модель круглого жертвенника с Ялангач-депе.

т. е. также 11 см. В центре предмета проделан вертикальный цилиндрический канал диаметром в 3.5 см; однако у основания в канале цилиндра имеется ступенька, за счет которой его диаметр сужается до 1 см (рис. 58).

Необычный вид этой находки, не позволяющий причислить ее к бытовым предметам домашнего обихода древних земледельцев поры раннего неолита, побуждает нас искать аналогии для ее интерпретации среди предметов культа племен, населявших эту же территорию. Действительно, на поселениях Геокюрского оазиса были найдены аналогичные предметы, но значительно большего размера. Это своеобразные круглые очаги ялангачского и особенно геокюрского времени, расположенные на полу некоторых помещений и весьма редко встречающиеся. Всего их найдено 8 экземпляров: на Айна-депе (третий слой, помещение 5), на поселениях Геокюр 7 (помещение 1), Геокюр 1 (помещение 31) и на Чонг-депе (помещения 21, 29, 33, 47 и 52).

При ближайшем сравнении найденной на Ялангач-депе глиняной поделки с глинобитными очагами указанных поселений

³⁵ Ц. Н. Хлопкин. Модель круглого жертвенника с Ялангач-депе. КСИА АН СССР, 1964, вып. 98, стр. 48—54.

выявляется их поразительное сходство. Везде присутствует и валик по краю, и горизонтальная внутренняя поверхность, и вертикальное цилиндрическое отверстие в центре. Единственно, что может вызвать возражение, это то, что очаги практически не возвышаются над уровнем пола, а ялангачская находка имеет столбчатое основание. Но это различие легко объясняется: если бы последняя не имела этого основания, то ее дно не достигло бы в толщину и одного сантиметра, что сделало бы ее крайне непрочной. Исходя из наблюдаемого сходства, даже тождества, можно с уверенностью полагать, что найденный глиняный предмет является уменьшенной примерно в 7 раз копией круглых очагов.

Особое назначение круглых «стационарных» алтарей очевидно. А что же представляла собой их глиняная копия? Не исключена возможность, что раскопки дали в руки исследователей не только модель жертвенника; это мог быть переносный жертвенник, который служил для определенных церемоний вне поселения, допустим, в поле или в пути.

При современном уровне наших знаний можно полагать, что идеи, связанные с сооружением круглых жертвенников, возникли в ранние периоды истории древних земледельцев (не позднее последней фазы периода Намазга I, т. е. второй половины IV тысячелетия до н. э.). Круглый жертвенник изображал солнце, ибо в основе его лежит окружность с точкой в центре. С подобными солярными символами мы часто сталкиваемся в орнаментации керамики и женских статуэток времени Намазга II—Намазга III.³⁶ Солпечный диск — жертвенник в ялангачском периоде имел варианты в своем внешнем виде; в геоксюрское время мы уже отчетливо видим его канонизированную форму.

В поздний период существования оазиса, в геоксюрское время, среди керамической орнаментации появляются зооморфные мотивы.³⁷ Кроме реальных животных, козлов и, по-видимому, антилоп, мы находим также изображения зверей, облик которых не позволяет видеть в них реально существовавший прототип. Их специальное рассмотрение не входит в нашу задачу, поэтому мы можем ограничиться лишь предположением, не являются ли эти зооморфные рисунки отражением тотемических взглядов, переживающих в среде древних земледельцев с неолитического

³⁶ Знак солнца, образованный окружностью с точкой в центре, сохранился до нашего времени; более того, этот символ всем известен, понятен и ни у кого не вызывает сомнения. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на листок любого настольного перекидного календаря.

³⁷ В. И. Сарацин. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 252—254, табл. V.

(мезолитического) времени, как это наглядно удалось проследить по материалам Кара-депе времени Намазга III.³⁸

При вскрытии многих поселений дашлыджинского и ялангачского периодов пока не было обнаружено древних погребений, с чем обычно встречаются исследователи на поселениях более позднего времени (Геоксюр, Кара-депе, Намазга-депе). Дело не в том, что население подгорной полосы времени Намазга I не хоронило своих покойников на территории поселения. Погребения этого времени обнаружены на северном холме Анау; захоронения времени рубежа Намазга I и Намазга II известны из шурфов на Кара-депе у Артыка и на Намазга-депе.³⁹ Все небольшие поселения относятся к категории холмов, которые были обжиты сразу на всей площади; это коренное их отличие от Кара-депе, Намазга-депе и Геоксюра, которые обживались не целиком, а лишь частично. При не полностью застроенной верхней площадке холма оставалось свободное место, которое и использовалось населением в качестве родового некрополя. Отсутствие погребений на небольших поселениях может подтвердить мнение о том, что у древних земледельцев не было обычая погребать своих покойников, во всяком случае взрослых, непосредственно под полами функционирующих жилищ.

Где же хоронили древние земледельцы Геоксюрского оазиса своих покойников? Здесь может быть два предположения. Во-первых, кладбище могло находиться в стороне, поблизости от поселения; в этом случае его можно обнаружить лишь случайно при земляных работах, так как оно совершенно скрыто под такырной коркой и не отмечено какими-либо надмогильными сооружениями. Во-вторых, покойников могли переносить в более отдаленные места, расположенные подчас от места жительства на расстоянии многих километров; это и по сей день встречается в Туркмении, где мусульманские кладбища бывают расположены на значительном удалении от существующих поселений. Последнее предположение может стать более вероятным, если мы учтем, что люди, населявшие Геоксюрский оазис времени Намазга I, лишь недавно освоили этот край и вряд ли окончательно порвали узы, связывавшие их с местом первоначального обитания. Не исключена возможность, что первые поколения геоксюрских пионеров хоронили своих покойников в силу традиций на древнем родовом некрополе.

С нашей точки зрения, недостаточно обоснованным является мнение о существовании в энеолите обряда трупосожжения.⁴⁰

³⁸ В. М. М а с с о н. Кара-депе у Артыка, стр. 396.

³⁹ Б. А. К у ф т и н. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 266—269.

⁴⁰ В. И. С а р и а н и д п. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 298.

Наличие двух обрядов погребения — кремации и ингумации — зависит, согласно В. Н. Сарниди, в конечном счете только от величины поселения, т. е. от количества живущих в одном месте людей. Так как скопление золы на Дашлыджи-депе, которое послужило основанием для появления указанной гипотезы, все же нужно рассматривать как результат обжига посуды, а не как свидетельство сожжения покойников в поразительной близости от жилых помещений, то вышеприведенное мнение о существовании обряда трупосожжения у древних обитателей Геоксюрского оазиса времени Намазга I не следует в настоящее время считать доказанным.

Столь же не доказанным, с нашей точки зрения, является установление применения обряда трупосожжения в Геоксюрском оазисе и на поздних этапах его существования.⁴¹ Более того, автор этой точки зрения полагает, что кремация покойников производилась в святилищах на круглых жертвенниках, которые, как мы стремились показать выше, символизировали солнце и служили для возжигания священного огня. Это мнение зиждется на ошибочно понятых данных раскопок: погибшие, по всей видимости, в результате несчастного случая люди были приняты за объект кремации. Если же все-таки придерживаться этого взгляда, то получится уже три способа захоронения покойников в Геоксюрском периоде: погребение в одиночной могиле, погребение в специальных ложносводчатых камерах⁴² и кремация покойников. Последнего же обряда, несмотря на огромную площадь вскрытых поселений, не встречено.

Таким образом, отсутствие погребений в памятниках времени Намазга I—Намазга II не позволяет нам охарактеризовать погребальный обряд дашлыджинского и ялангачского периодов Геоксюрского оазиса.

⁴¹ В. Н. Сарниди. Культурные здания поселений Анауской культуры, стр. 48—51.

⁴² В. Н. Сарниди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—238.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный в первой главе археологический материал, добытый в 1956—1963 гг. на девяти поселениях Геокюрского оазиса, этого уникального археологического и палеогеографического заповедника, позволил прийти к следующим историко-культурным выводам.

1. Время существования поселений в древней дельте Теджена определяется в следующих границах по стратиграфической шкале Б. А. Куфтина: начало — последние этапы периода Намазга I (вторая четверть IV тысячелетия до н. э.), конец — начальный этап периода Намазга III (первая половина или середина III тысячелетия до н. э.).

2. История существования поселений оазиса может быть разделена на три основных периода — дашлыджинский, ялангачский (состоит из двух этапов, раннего и позднего) и геокюрский. Основными историческими событиями названных отрезков времени следует считать следующие:

а) на дашлыджинском этапе — колонизация выходцами из подгорной полосы древней дельты Теджена и основание первых поселений — Дашлыджи-депе, Акча-депе и Геокюр 1;

б) на раннеялангачском этапе — сегментация коллектива, населявшего Геокюр 1, образование и существование дочерних поселений — Айна-депе, Ялангач-депе и Геокюр 7;

в) на позднеялангачском этапе — переход жителей дочерних поселений на новые места жительства (Геокюр, 9, Муллали-депе и Чонг-депе) из-за изменения географической среды;

г) на геокюрском этапе — концентрация поселения оазиса на двух поселениях (Геокюр 1 и Чонг-депе) и его последующий уход за пределы бывшей дельты Теджена на юг, очевидно, в сторону Хапуз-депе.

3. За всю историю геокюрской группы поселений отмечаются традиционные и прочные связи населения этих мест с населением подгорной равнины, которые прослеживаются в основном на ке-

рамическом материале. Тщательный анализ орнаментации керамики позволил пересмотреть вопрос о влиянии культур Переднего Востока на развитие поселений Геоксюрского оазиса (отнюдь не всей Южной Туркмении). Орнаментальные узоры, которые прежде рассматривались как результат влияния убейдской культуры (в ялангачском периоде) и культур Ирана (в геоксюрском периоде), сложились на месте под воздействием орнаментации привозной керамики с росписью стиля Намазга II из подгорной полосы.

4. Первые поселенцы оазиса принесли с собой в готовом виде уже сложившееся производящее хозяйство — земледелие, скотоводство, гончарство, металлургию и другие домашние производства. В целом за 1000 лет хозяйство населения Геоксюрского оазиса претерпело незначительные изменения, но в отдельных отраслях наблюдается его значительный прогресс. Так, в земледелии с середины ялангачского периода появляется орудие для обработки почвы (палка-копалка), а в конце этого и в начале геоксюрского периода изменения географической среды выпуждают жителей оазиса создавать древнейшие из известных сейчас ирригационных сооружений — арыки, водоемы, каналы. В гончарстве в конце ялангачского периода переходят к печному обжигу керамики, а в металлургии в середине названного периода уже известен прием отжига медных изделий после ихковки.

5. По сравнению с эволюцией хозяйства более значительный прогресс наблюдается в развитии облика поселения в целом, которое за тот же срок из деревни, состоявшей из ряда однокомнатных домов с неолитическими чертами, превратилось в поселок из многокомнатных домов-массивов. В дашлыджинском периоде поселение состоит из однокомнатных домов примерно одного размера с примыкающими двориками и хозяйственными сооружениями. Иную картину можно наблюдать в ялангачском периоде: жилые постройки по-прежнему однокомнатные, но отмечается отчетливая их дифференциация на три разновидности — без очага, с очагом, с очагом и поддувом; последняя разновидность жилищ обнаруживает тенденцию к сложению многокомнатного дома. Помимо жилищ, на поселениях отмечаются своеобразные общинные дома с жертвенниками, круглые отдельно стоящие постройки и обводные стены поселений с круглыми башнями. Наконец, к геоксюрскому периоду облик поселения меняется совершенно: оно состоит из многокомнатных домов, объединенных в кварталы; последние разделены длинными проходами.

6. Эволюция архитектуры поселения отражает те изменения в общественных отношениях, которые обусловили эту эволюцию. Действительно, продолжение джейтупских неолитических традиций планировки поселения в пору раннего энеолита приводит нас к заключению, что в раннем энеолите общественные от-

ношения в общих чертах не отличались от неолитических, т. е. господствовали матриархально-родовые отношения. Ялавгачский период интересен тем, что на его протяжении происходит накопление новых черт, изменивших впоследствии общественную структуру населения. К ним надо отнести упомянутые в предыдущем пункте изменения в облике поселений и отдельных построек, которые можно рассматривать как свидетельство возрастания роли мужской части коллектива в производстве и общественной жизни. Количественное накопление этих изменений приводит к качественному скачку. В геоксюрском периоде многокомнатные дома в сочетании с коллективными захоронениями, неизвестными ранее, отражают отличную от предшествующих периодов структуру общества. Надо полагать, что в последний период жизни в оазисе общество перешло к начальным этапам матриархально-родового строя. Иными словами, период энеолита в целом может считаться тем отрезком времени, на протяжении которого происходит смена матриархально-родовых отношений патриархальными.

7. Многочисленные и разнообразные находки позволяют нам в общих чертах обрисовать идеологию древних земледельцев. Одним из основных культов следует считать культ женского божества; однако он не был лишь культом матери-земли — в женском образе сливались охранительница домашнего очага, и хтонические божества, и многое другое. Кроме того, предметом поклонения было солнце, что отразилось не только в солярных символах на керамике и терракотовых статуэтках, но и в солярных жертвенниках.

Таким образом, разностороннее изучение замкнутой группы древних поселений позволило не только охарактеризовать облик материнской культуры населявших их в древности людей, но и попытаться раскрыть некоторые исторические закономерности их развития. Эти закономерности, вероятно, приложимы ко всей Южной Туркмении, а может быть и к значительно более широкой территории — ко всему восточному ареалу древнеземледельческих культур с расписной керамикой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ВИМК — Вестник истории мировой культуры.
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (до № 79 включительно — КСИМК).
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ИИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА — Советская археология.
САН — Свод археологических источников.
СЭ — Советская этнография.
ТИАЭА — Труды института археологии, этнографии и антропологии АН СССР.
ТИНАЭ — Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР.
ТИНАЭ АН Тадж. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.
ТИЭ — Труды института этнографии АН СССР.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
AS — Anatolian Studies.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
JNES — Journal of the Near Eastern Studies.
MDAFA — Mémoires de la Delegation Archéologique Française en Afghanistan.
OIP — Oriental Institute Publications, Chicago.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Геоксюрский оазис	11
1. Древний ландшафт	11
2. Памятники	13
Глава 2. Вопросы стратиграфии, периодизации и хронологии	56
Глава 3. Эволюция домостроительства	67
1. Неолитическое поселение	67
2. Жилища раннего энеолита	70
3. Поселения из однокомнатных домов	73
4. Поселок «протогородского» типа	85
Глава 4. Хозяйство	87
1. Земледелие	87
2. Скотоводство и охота	105
3. Домашнее производство	113
4. Обмен	129
Глава 5. История и культура геоксюрского племени	131
1. Причины и динамика освоения древней дельты Теджена	133
2. Вопросы общественного развития	142
3. Элементы духовной культуры	158
Заключение	168
Список сокращений	171

Игорь Николаевич Хлопкин

ГЕОКСЮРСКАЯ ГРУППА ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Утверждено к печати

Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Издательства Г. А. Альбова Художник В. В. Грибакин
Технический редактор А. В. Смирнова Корректор Н. М. Шилова

Сдано в набор 18/VII 1964 г. Подписано к печати 22/IX 1964 г. РИСО АН СССР
№ 113—165Р. Формат бумаги 80×90^{1/16}. Бум. л. 5^{3/4}. Печ. л. 10^{3/4}=10^{3/4} усл. печ. л.+1 вкл.
Уч.-изд. л. 10.79 + 1 вкл. (0.15). Изд. № 2121. Тип. зак. № 862. М-23259. Тираж 700.

Цена 67 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
66	18 сверху	Намазга II	Намазга III
103	10 снизу	установления	установления
168	7 снизу	поселения	населения

И. Н. Хлопни. Геоморфная группа поселений.

67 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»